

о превосходительству высокого звания
Сергия Димитриевича Рудольфа.

К. П. Тульгинский.

автограф

19 $\frac{11}{X}$ 03 г.



10165
10165

ПЯТЬ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВЪ

КАБАРДЫ.

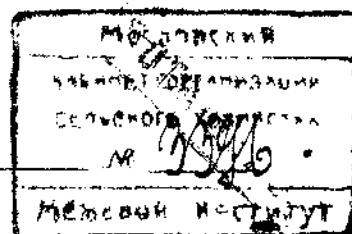
Т 94

I.

Этнографически-экономический очеркъ.

II.

Горскія поэмы, пѣсни, легенды, преданія, сказки и пословицы.



ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Терскаго Областного Правленія.
1903.

Печатано по постановленію Терекаго Областнаго Статистическаго Комитета.



63324-40



2004127608

ПЯТЬ ГОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ КАВАРДЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Терская область, въ сравненіи съ другими частями Кавказа, отличается большимъ разнообразіемъ племенъ, въ ней обитающихъ.

О кумыкахъ, чеченцахъ, ингушахъ, кабардинцахъ и осетинахъ написано много и объ нихъ (въ особенности о послѣднихъ) имѣется цѣлая литература. Между тѣмъ о пяти горскихъ обществахъ Кабарды (горскіе татары), за исключеніемъ небольшого изслѣдованія проф. М. Ковалевскаго, ничего нѣтъ. Не говоря уже о русской читающей публикѣ, но почти все населеніе Терской области совсѣмъ не знаетъ эту маленькую народность, или же въ рѣдкихъ случаяхъ имѣть о ней самое смутное представлениe.

Предлагаемый очеркъ, не претендуя на полноту и научность, знакомитъ читателя въ краткихъ чертахъ съ бытомъ этого племени, съ его нѣкоторыми юридическими и иными обычаями, экономическимъ положеніемъ и мѣстностью, гдѣ оно обитаетъ.

Для характеристики духовнаго облика, широты народной

фантазіи и народного творчества къ предлагаемому очерку прилагаются собранныя мною горскія поэмы, пѣсни, легенды, преданія, сказки и пословицы, причемъ и тутъ, не претендую на полноту коллекціи, я старался дѣлать переводы на русскій языкъ какъ можно ближе къ подлиннику.

Авторъ.

I.

Территорія пяти горскихъ обществъ: Баксанского или Урусбіевскаго, Чегемскаго, Хуламскаго, Безенгіевскаго и Балкарскаго, занимая сѣверные склоны центральной части главнаго Кавказскаго хребта, составляетъ самую юго-западную оконечность Нальчикскаго округа, Терской области, находится между $60^{\circ} 3' 40''$ и $60^{\circ} 24' 10''$ восточной долготы и $42^{\circ} 53' 35''$ и $43^{\circ} 30' 20''$ сѣверной широты и граничитъ съ сѣвера аульными надѣлами большой Кабарды и кабардинскими настьбищами, съ востока горной Дигоріей, съ юга главнымъ сиѣговымъ хребтомъ, отдѣляющимъ Сванетію Кутаисской губерніи, и съ запада территоріей карачаевскаго общества Кубанской области. Осѣдлость названныхъ пяти обществъ ютиится въ четырехъ узкихъ, глубоко врѣзавшихся въ горные кряжи ущельяхъ рѣкъ Баксана, Чегема, Черекъ-тхао и Чerekъ или Уrvani.

Земельная площадь Баксанского общества, составляя самую западную часть горскихъ территорій, занимаетъ главнымъ образомъ ~~Баксанское~~ ущелье и омывается системою водъ рѣки Баксана, берущаго свое начало отъ ледника Азау, одного изъ группы ледниковъ Эльбруса и въ предѣлахъ территоріи протекающаго на сѣверо-востокъ на протяженіи 53 верстъ. Изъ притоковъ р. Баксана болѣе или менѣе замѣчательны по величинѣ съ правой стороны: Юсенги, Адыръ-су, Адынь-су, Тюпно-су, Куркужанъ, непосредственно питающіеся ледниками, и Ксанты, вытекающая изъ подножія скалистого кряжа; съ лѣвой стороны: Ить-коль и Ирикъ-су, вытекающіе изъ ледниковъ Эльбруса, Кыртыкъ, берущій свое и-

чало изъ горы Исламъ-чать или Балыкъ-башъ (отрогъ Эльбруса), Камыкъ и Гижгитъ.

Въ ряду всѣхъ горскихъ ущелій Терской области наиболѣе замѣчательное изъ выше указанныхъ—это обитаемое Кыртыкское ущелье по своему значительному возвышенію надъ уровнемъ моря: оно, начинаясь у селенія Урусбіевскаго, на протяженіи 6—7 верстъ подымается чрезвычайно круто, идетъ въ очень узкихъ скалистыхъ тѣснинахъ, где воды р. Кыртыка съ шумомъ и ревомъ падаютъ живописными каскадами; затѣмъ ущелье превращается въ расширенную долину съ поселками. Здѣсь долина достигаетъ отъ 7000 до 9000 фут. высоты надъ уровнемъ моря. Рѣка Гижгитъ собственно не образуетъ ущелья, а ея окрестности представляютъ обширнѣйшую долину, окаймленную съ сѣвера и юга высокими скалистыми кряжами, а широкіе и плоскіе хребты этой долины заняты покосами и пастбищами; такими же покосами и пастбищами отличаются окрестности ущелья р. Ксанты. Остальные ущелья узки, малодоступны игоды только въ своихъ низовьяхъ для пастбищ баранты.

Въ этомъ же Баксанскомъ ущельѣ находятся очень красивыя два озера: одно Сильтранъ-колъ расположено въ 6 $\frac{1}{2}$ вер. къ востоку отъ селенія Урусбіевскаго, находится на высотѣ 10542 ф. и имѣть въ ширину 140 с. и въ длину 200 с.; съ западной стороны оно примыкаетъ вплотную къ скаламъ снѣгового хребта (отрогъ Эльбруса) и изъ него вытекаетъ ручей Сильтранъ, впадающій въ р. Кыртыкъ. Другое озеро Донгузъ-орунъ-колъ, на высотѣ 8302 ф., не менѣе первого и находится съ лѣвой стороны тропы, идущей къ перевалу въ Сванетію. Ледники окресты этого озера, отражаясь въ его водѣ, придаютъ ему волшебный видъ; вода окрашена въ ярко зеленый цвѣтъ. Изъ ледниковъ первого порядка *) въ ущельѣ р. Баксана извѣстны въ группѣ горы Эльбруса: Азау, замѣчательный не по длине, а по колоссальной толщинѣ, Ирукъ и Терсъ-колъ. Этотъ послѣдній ледникъ хорошо извѣстенъ туристамъ и альпинистамъ, совершившимъ восхожденіе на Эльбрусъ, такъ какъ изъ этого ущелья по леднику Терсъ-колъ лежитъ единственный путь на эту гору.

*) Ледниками первого порядка называются те, которые спускаются на дно ущелій; низшихъ порядковъ ледники-глетчеры находятся на большихъ высотахъ и въ ущелья не спускаются.

Изъ снѣговыхъ вершинъ въ предѣлахъ территории Баксанскаго общества, само собою разумѣется, первымъ является гигантъ Эльбрусъ, по горски *Минигитау*; гора эта находится не въ цѣпи главнаго снѣгового хребта, а къ сѣверу отъ него, соединяясь съ нимъ снѣговымъ кряжемъ. Эльбрусъ, какъ колоссальный бѣлый драконъ, сторожитъ три земельныя владѣнія: кабардинскія пастваща, территории Баксанскаго общества Терской обл. и Карачаевскаго общества Кубанской обл. и состоять изъ двухъ вершинъ, возвышающихся надъ уровнемъ моря: западная на 18,473 ф. и восточная на 18347 ф. *) Въ $1\frac{1}{2}$ вер. отъ восточной вершины находится мертвый кратеръ, открытый въ 1889 г. топографомъ Голумбіевскимъ; имъ же въ юго-восточной части снѣгового поля обозначена совершенно горизонтальная долина фирноваго снѣга Джика-узенъ-кезъ протяженiemъ болѣе 10 вер. Вся же фирновая площадь Эльбруса съ ледниками занимаетъ пространство въ 150 кв. вер.

Изъ другихъ вершинъ особенно замѣчательна возвышающаяся совершенно правильнымъ конусомъ гора Ушба, высота которой надъ моремъ 15470 ф.. Гора эта находится на сторонѣ Сванетія не въ цѣпи главнаго хребта, а соединяется съ нимъ узкимъ снѣговымъ кряжемъ. **) Замѣчательна же эта гора тѣмъ, что всѣ альпинисты-иностранны, бывшіе здѣсь, лѣльяли мысль взобраться на ея вершину, съ которой по ихъ мнѣнію долженъ открываться восхитительный видъ во всѣ стороны, но всѣ попытки достигнуть завѣтной цѣли разбивались о положительную недоступность этого конуса.

Помимо главнаго снѣгового хребта по обѣимъ сторонамъ Баксанскаго ущелья спускаются снѣговые кряжи съ восточной стороны Эльбруса: отъ снѣжной долины Джика-узенъ-кезъ на протяженіи 10 вер. тянется на юго-востокъ хребетъ Сильтранъ; онъ съ южной стороны спускается скалами, а съ сѣверной снѣговыми скатами; затѣмъ отъ вершины на главномъ хребтѣ Джанъ-тусанъ отдѣляется узкой снѣговой отрогъ,

*) Надобно замѣтить, что восхожденіе на Эльбрусъ было безчисленное множество; объясняется это тѣмъ, что гора болѣе другихъ доступна для подъема. Тѣмъ не менѣе почти никто изъ альпинистовъ не достигалъ вершины, а обыкновенно предѣлъ восхожденія ограничивался сѣдовинкою между вершинами, до которыхъ подъемъ еще въ 700 ф. Говорятъ, что англичанинъ Фрешфильдъ былъ на одной изъ вершинъ Эльбруса.

**) Замѣчательно, что всѣ снѣговые вершины Кавказскихъ горъ, какъ напр. Эльбрусъ, Ушба, Кошкантау и Дыхтау находятся не въ главномъ хребтѣ, а на его отрогахъ и только Казбекъ простился въ цѣли главнаго хребта.

который, направляясь на съверо-западъ, на протяженіи 7 вер. спускается небольшими ледниками. Наконецъ самый большой по длине (22 вер.) и ширинѣ своихъ снѣговыхъ скатовъ хребетъ отдѣляется отъ вершины Сары-колъ-бashi; онъ идетъ въ съверномъ направлениі хребетъ и отдѣляетъ воды р.р. Баксана и Чегема, спускаясь на съверъ, востокъ и западъ значительными ледниками.

Хотя Баксанское ущелье по своей красотѣ и живописности особенно не выдѣляется въ ряду другихъ ущелій, однако оно очень оживленно. Благодаря тому обстоятельству, что въ этомъ ущельѣ имѣется нѣсколько удобныхъ переваловъ въ Сванетію, въ лѣтнее время оно кишитъ сванетами, спускающимися въ Терскую область на заработки; эти же перевалы привлекаютъ сюда альпинистовъ русскихъ и иностранныхъ цѣльными массами. *)

Второе послѣ Баксанского ущелья—это Чегемское. Рѣка Чегемъ береть свое начало изъ небольшого ледника, у подножья съверного склона горы на главномъ хребтѣ Сары-колъ-бashi, течетъ сначала на востокъ до впаденія въ нее р. Гара-су и на этомъ пространствѣ носить название Башиль-су. Отъ упомянутаго соединенія Чегемъ течетъ на съверо-востокъ до селенія Чегема и отсюда идетъ на съверъ до отселка Гудурги, а затѣмъ направляется на съверо-востокъ до вновь образованного селенія Чижокъ-кабакъ. Общее же протяженіе р. Чегема въ предѣлахъ территории Чегемскаго общества 50 верстъ.

Притокъ р. Чегема съ правой стороны Гара-су, самый значительный и замѣчательный по красотѣ ущелья съ сосновымъ лѣсомъ, питается отъ двухъ ледниковъ Кулаккъ и Шаурту. Здѣсь же между этими ледниками находится минеральный источникъ желѣзистой воды въ видѣ небольшого озерца въ диаметрѣ около 2 арш., со дна которого выбываетъ минеральная вода; она пріятна на вкусъ и напоминаетъ знаменитый Нарзанъ, но слабѣе газами. Далѣе идутъ притоки: Булунгу, Корданъ или Нумала, Абарданъ-су, Бекмылги-су, Сакаль-тупъ-су, Кустось-су, Чурчуръ-су и Адай-су, съ лѣвой стороны Чегема: Джайлыхъ-су, Сыринъ-су, Джилки-су, Этмушъ-колъ-су, Джунгу-су и Кокташъ-су. Ущелья этихъ

*) О перевальныхъ дорогахъ чрезъ главный хребетъ въ Сванетію будетъ рѣчь ниже.

рѣчекъ, за исключеніемъ ущелья р. Джилики-су, незначительны и очень доступны для покосовъ и пастбищъ.

Въ Чегемскомъ ущельѣ по части ледниковъ первого порядка очень скучно; изъ нихъ самые большие въ ущельѣ р. Гара-су: Кулакъ-чиранъ длиною въ 6 $\frac{1}{2}$ вер. и Шаурту-чиранъ длиною въ 7 $\frac{1}{4}$ версты. Главная вершина главнаго хребта этого района Техтенгень въ 15127 ф. надъ уровнемъ моря, находящаяся противъ упомянутыхъ ледниковъ, и безыменная гора въ 14266 ф., отъ которой въ сѣверномъ направлениі идетъ снѣговой отрогъ, отдѣляющій воды Чегема отъ водъ Черекъ-тхао.

Третье ущелье—Хуламско-Безенгіевское омывается водами рѣки Черекъ-тхао. *) Рѣка эта главнымъ образомъ питается отъ большихъ ледниковъ Уллу-чиранъ (Безенгіевскій ледникъ) и Мижерги-чиранъ, течетъ въ сѣверо-восточномъ направлениі и въ предѣлахъ территорій Хуламского и Безенгіевскаго обществъ протекаетъ 37 верстъ. Ея притоки съ правой стороны: Думала съ притокомъ Уккы, Шельды-су и Тушхаръ-су; съ лѣвой стороны: Муколь-су, Шаки-су, Кипыръ-су, Кумхули-су, Шаудоръ-су и самый большой притокъ Ка-ра-су.

Всѣ ущелья упомянутыхъ рѣчекъ очень доступны и весьма богаты травами, а мѣстами и пашнями.

Изъ ледниковъ первого порядка этого ущелья самымъ достопримѣчательнымъ не только въ группѣ ледниковъ Кавказа, но и другихъ горъ считается Безенгіевскій, по горски Уллу-чиранъ, что значитъ «великій ледникъ». Онъ идетъ отъ верховья р. Черекъ-тхао въ юго-западномъ направлениі совершенно прямою линіей на протяженіи 9 $\frac{1}{2}$ вер. вплоть до самаго снѣгового хребта; здѣсь онъ ломается почти подъ прямымъ угломъ, направляясь на юго-востокъ на протяженіи 6 $\frac{1}{2}$ в. до горы Шхара; такимъ образомъ вся длина ледника 16 вер., ширина же его внизу 300 с., а постепенно расширяясь вверхъ, доходитъ до 1 $\frac{1}{2}$ в. Красота ледника необыкновенна, если наблюдать его съ какой либо горы напротивъ: въ хаосѣ мрачныхъ, черныхъ скалистыхъ горъ взорамъ представляется бѣлая, ровная, какъ линейка, полоса, посерединѣ которой тянутся совершенно правильно и въ равномъ

*) •Тхао• по кабардински—бѣшеный

разстояніи другъ отъ друга (по крайней мѣрѣ такъ кажется зрителю) двѣ темно-серыя полосы, какъ рельсы желѣзной дороги; это водоточины или ручьи, сбывающіе внизъ по ледяному покрову. Особенность ледника еще въ слѣдующемъ: его конецъ у верховья р. Черека возвышается надъ грунтомъ земли на 37 с. и представляетъ изъ себя гигантскую ледянную арку съ громадной зияющей черной пастью, откуда съ шумомъ и громомъ выбрасывается вся масса воды р. Черекъ-тхао. Затѣмъ идутъ ледники къ востоку отъ Безенгіевскаго и рядомъ съ нимъ: Мижирги-чиранъ длиною въ 6 вер., Уккы-чиранъ и Уллу-аузъ-чиранъ и много другихъ ледниковъ низшихъ порядковъ.

Въ этомъ же районѣ, за исключеніемъ Эльбруса, сосредоточены самыя высокія вершины Кавказскихъ горъ, а именно: на главномъ хребтѣ гора Шхара, имѣющая высоту надъ моремъ 17010 ф. Къ сѣверу отъ главнаго хребта и почти въ параллель ему тянется снѣговой кряжъ, на которомъ находится гора Дыхтау высотою 17052 ф. По вѣйшнему строенію, представляя безформенный, плоскій, съ торчащими острыми скалами, снѣжныя возвышенности горы Шхара и Дыхтау замѣтно не выдѣляются изъ общей массы соѣдніхъ горъ; вотъ почему долгое время геодезисты и географы считали эти горы ниже горы Казбека, тогда какъ онѣ значительно выше послѣдней (16546 ф.). На этомъ же, параллельномъ къ главному хребту, кряжѣ находится очень красивая конусообразная гора Константау высотою 16387 ф. Эта гора стала особенно известна въ Англіи и у насъ съ 1888 года, когда отважные альпинисты, президентъ англійскаго альпійскаго клуба Донкинъ въ сопровожденіи богатаго фабриканта Фокса и швейцарскаго гида, пытаясь взойти на недоступную вершину Константау, безслѣдно погибли въ глетчерахъ.

Территорія Бамкарскаго общества занимаетъ три ущелья рѣкъ: Черека или Урванъ-Псеганъ-су (по кабардински) или Секанъ-су (по горски) и Хазны-донъ (по осетински) или Хазны-су (по горски.)

Рѣка Черекъ или Урванъ въ своемъ началѣ состоить изъ двухъ рѣчекъ, изъ которыхъ западная Дыхъ-су питается отъ ледника Дыхъ-котибугой-су и восточная Акъ-су (бѣлая вода) въ верховья развѣтвляется на три горныхъ ручья, вытекающіе изъ трехъ ледниковъ; изъ нихъ два находятся въ

группъ главнаго хребта, а третій спускается отъ параллельнаго къ главному хребту снѣгового кряжа.

Замѣчательно, что во время таянія снѣговъ и ледниковъ въ іюнь и августъ Акъ-су несетъ совершенно желтую воду, а Дыхъ-су-черную, и быстрота теченія этихъ водъ настолько стремительна, что послѣ соединенія рѣчекъ въ одно общее русло, воды на очень значительное разстояніе сохраняютъ свои цвѣты и потому уже они сливаются въ общей чёрно-сѣроватый цвѣтъ.

Отъ соединенія Акъ-су и Дыхъ-су Черекъ направляется на сѣверо-востокъ и въ предѣлахъ Балкарского общества течеть на протяженіи 50 верстъ до соединенія съ Черекъ-тхао.

Притоки Черека: съ правой стороны Рцывашка-су, берущая начало съ горы Гульчи, на снѣговомъ отрогѣ; съ лѣвой стороны р. Тютюнъ-су, вытекающая изъ ледниковъ горы Коштантай, р. Рычи-су, берущая начало изъ ледниковъ горы Каяшки, и самый большой изъ притоковъ р. Кара-су балкарская (въ отличіе отъ Кара-су хуламской.)

Всѣ эти ущелья очень доступны въ смыслѣ, конечно, горской доступности и богаты пастбищами. Самое-же красивое и цѣнное по своимъ пастбищамъ—это ущелье р. Акъ-су, или урочище Штула. Урочище это, примыкая къ главному Кавказскому хребту, представляетъ очень возвышенное и относительно расширенное ущелье, окаймленное почти со всѣхъ сторонъ снѣговыми горами. Здѣсь имѣются въ разныхъ мѣстахъ разбросанныя сосновыя и лиственныя рощи; здѣсь же находится нѣсколько минеральныхъ источниковъ, изъ нихъ желѣзистые расположены на небольшой равнинѣ, которая отъ разлитія этихъ источниковъ образуетъ сплошное болото, окрашенное въ красный цвѣтъ; другіе кислые источники находятся у самаго перевала въ Дигорію въ ущельѣ р. Уруха.

Изъ ледниковъ первого порядка самый большой въ этомъ урочищѣ Котю-бугой-су-чиранъ, идущій въ параллель главному хребту съ запада отъ горы Шхара на востокъ на протяженіи 9 верстъ. Онъ замѣчательнъ тѣмъ, что мѣстами идетъ по верху отвесныхъ скалъ и во время таянія надъ скалами нависаютъ гигантскія ледяныя сосульки, которыя временами въ жаркіе дни отрываются и съ страшнымъ шумомъ падаютъ внизъ на дно ущелья; эхо этого шума въ

горномъ пространствѣ отдается на очень большое разстояніе. Затѣмъ по главному хребту болѣе или менѣе значительныхъ ледниковъ насчитывается до 12 и нѣсколько въ группѣ снѣгового кряжа, на которомъ находятся вершины Дыхтау и Константау.

Второе ущелье на территоріи Балкарского общества—это ущелье р. Секанъ-су, что по горски означаетъ «холодная вода». Рѣка Секанъ-су беретъ свое начало изъ группы ледниковъ, спускающихся съ грандіознаго снѣгового хребта, устьяннаго отвѣсными пиками, идущаго параллельно главному хребту и соединяющагося съ нимъ поперечнымъ узкимъ скалистымъ хребтомъ. Р. Секанъ-су отъ своего начала въ предѣлахъ территоріи Балкарского общества протекаетъ въ сѣверо-восточномъ направлениі на протяженіи 23 верстъ. Ущелье отличается пониженній температурой воздуха.

Третье ущелье на территоріи Балкарского общества—ущелье р. Хазны-су, которая вытекаетъ изъ группы ледниковъ, спускающихся съ того-же снѣгового хребта параллельно главному; этотъ же хребетъ служить границею между территоріями горной Дигоріи и Балкарского общества.

Осѣдлое населеніе пяти горскихъ обществъ расположено въ глубинѣ ущелій, которые съ сѣвера съ узкими промежутками замыкаются очень характерными высокими скалами. Въ предѣлахъ горскихъ территорій скалы эти, начинаясь въ самомъ сѣверо-западномъ углу отъ скалы Наужидзе (по карбардински —«бабы зубы»), тянутся съ запада на востокъ, прерываясь глубокими и узкими ущельями р.р. Баксана, Чегема, Черекъ-тхао, Урвань, Секанъ-су и Хазны-су. Съ южной стороны въ направлениі горской осѣдлости этотъ рядъ грандіозныхъ хребтовъ спускается отвѣсными скалами и мѣстами террасами, а съ сѣверной крутыми скатами сначала безъ всякой растительности, вслѣдствіе значительной высоты, потомъ съ тучными лугами и сплошными лиственными лѣсами. Съ лѣвой стороны р. Баксана отъ скалы Наужидзе тянутся скалы Алматы-кая, которая у р. Баксана круто поворачивають на сѣверъ и у сыроваренного завода Уруслбіевыхъ спускаются на нѣтъ; наивысшая точка этихъ скаль 8904 ф. Между р.р. Баксаномъ и Чегемомъ тянутся скалы Лха, которыя, начинаясь отъ впаденія р. Кудахурта въ Баксанъ, идутъ сначала на югъ низкими террасами, потомъ, постепенно

возвышаясь, круто поворачиваются на востокъ и, идя по лѣвому берегу Чегема, постепенно поникаются и у впаденія р. Кустось-су въ Чегемъ сходять на нѣть; высшая точка 9100 ф. Между р.р. Чегемомъ и Черекъ-тхао тянутся скалы Ахъ-кая, наивысшая точка 10885 ф. Ихъ направление и свойства такія же, какъ и предыдущихъ скалъ. Между р.р. Черекъ-тхао и Урваномъ идутъ скалы Ить-кая и Суукъ-аузъ-кая такого же свойства и направления; высшія точки 10500 ф. и 11480 ф. Между р.р. Урванью и Секанъ-су въ такихъ же условіяхъ тянутся скалы Мехтигенъ, высшая точка 10480 ф. Между р.р. Секанъ-су и Хазны-су тянутся скалы Хазны-башъ; высшая точка 10045 ф. Наконецъ съ правой стороны Хазны-су тянутся скалы Кунюмъ съ высшей точкой 10367 ф.

Всѣ упомянутыя скалы, подходя къ рѣкамъ, значитель-но сближаются, образуя, такимъ образомъ, чрезвычайно уз-кія и глубокія ущелья, которыя, по выходѣ рѣкъ изъ этихъ тѣснинъ на югъ къ горской осѣдлости, расширяются и пре-вращаются въ долины съ плоскогоріями.

Обыкновенно принято считать предѣломъ снѣговой линіи, т. е. вѣчного снѣга, 10.000 ф., но эту мѣрку нельзя отнести къ Кавказскимъ горамъ, такъ какъ эти высоты, хотя безъ растительности, въ юль и августъ освобождаются отъ снѣгового покрова; предѣль-же снѣговой линіи въ этихъ горахъ надо отодвинуть на высоту не менѣе 12.000 ф.

Природа на территоріи пяти горскихъ обществъ не отли-чается особынными разнообразіемъ растительности: наилучшее сѣно—это сѣно съ поемныхъ луговъ; по свидѣтельству гор-цевъ оно гораздо питательнѣе овса и ячменя; сѣно обыкно-венныхъ луговъ, изъ такъ называемыхъ альпійскихъ травъ, снимается, при одинаковомъ пространствѣ, въ меньшемъ ко-личествѣ, чѣмъ съ поемныхъ луговъ и менѣе питательно. Пастбища имѣютъ двоякаго рода значеніе. Въ горахъ, далеко отъ населенныхъ пунктовъ, пастбища съ большимъ обилиемъ хорошихъ альпійскихъ травъ, но къ сожалѣнію эти пастбища въ лѣтнєе время до того наводняются громаднымъ количест-вомъ баранты, скота и лошадей, что чрезъ короткое время обращаются въ положительную Сахару. Объясняется это не скучностью вообще горскихъ пастбищъ, а тѣмъ, что большая часть ихъ сосредоточена въ частномъ владѣніи горцевъ—та-

убіевъ. Другой сортъ пастищъ — это выгоны около поселеній для скота и ословъ, содержащихъ при домѣ круглый годъ. Но это не выгоны, а жалкая пародія на нихъ: они представляютъ собою почти отвѣсныя горы съ торчащими, повсюду скалами, почти сплошь покрыты камнями, между которыми въ узкихъ промежуткахъ робко выглядываетъ чахлая трава въ видѣ тонкихъ и желтыхъ соломинокъ, растущихъ въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга и вполнѣ оправдывающихъ пословицу: «колось отъ колоса не слыхать человѣческаго голоса.» Достаточно на этихъ пастищахъ попасть скотинѣ 1—2 мѣсяца, чтобы явиться безъ копытъ, съ обликомъ скелета въ кожаной оболочкѣ; поэтому крайне поражаешься худобѣ и выносливости горской домашней скотины. Самыми скучными покосами и пастищами владѣеть Баксанское общество; лучшие и обильные покосы имѣютъ Балкарцы, за то у нихъ мало пастищъ.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ въ горахъ сбоятся преимущественно ячмень ($\frac{2}{3}$ площади) и въ небольшихъ количествахъ пшеница и овесъ ($\frac{1}{3}$ площади); эти растенія требуютъ ирригациіи и искусственного удобренія, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обходятся безъ ирригациіи, какъ напр., и въ Балкарскомъ обществѣ, где пашни находятся на склонахъ горъ, недоступныхъ орошенію; за то здѣсь урожай очень плохи. За послѣднее время горцы, хотя въ очень маломъ количествѣ, стали воздѣлывать картофель; благодаря песчаному грунту онъ получается вкусный и въ хорошихъ урожаяхъ; при нѣкоторыхъ горскихъ домахъ имѣются небольшие огороды преимущественно съ лукомъ, но есть также въ очень маломъ количествѣ, какъ лакомство для горцевъ, морковь и рѣдька; есть попытки на огородахъ сѣять кукурузу, но она не вызрѣваетъ. Предѣль произрастанія ячменя, пшеницы и овса надо считать 5600 ф. высоты надъ уровнемъ моря.

Лѣса на территории пяти горскихъ обществъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; сплошные исключительно лиственные расположены на сѣверныхъ склонахъ скалистыхъ хребтовъ Йха, Ахъ-кай, Ить-кай, Мехтигена и Хазны-баша. Въ Чегемскомъ ущельѣ, съ правой стороны Башиль-су, есть на небольшомъ пространствѣ сосновая роща, состоящая изъ чрезвычайно толстыхъ вѣковыхъ деревьевъ, и по р. Гара-су сосновый лѣсъ съ деревьями средней величины; въ Хуламѣ и Безенги

совсѣмъ нѣть лѣсу, если не считать маленькую заповѣдную березовую рощицу, пріютившуюся у самаго ледника Уллу-чиранъ (Безенгіевскій). Въ Баксанскомъ ущельѣ находится знаменитый сосновый лѣсъ, разбросанный около ледниковыхъ Азау и Терсъ-кола по ущельямъ Ирикъ-су, Кыртыкъ и Тютюнъ-су.

Изъ ягодъ, свойственныхъ россійскому климату, здѣсь встрѣчается малина, произрастающая относительно на низкихъ мѣстахъ; много ея въ Баксанскомъ ущельѣ по Тютюнъ-су. Горская малина очень крупная, сочная и обыкновенного цвѣта, хотя въ Безенги встречается и бѣлаго цвѣта. Много костянки и брусники—первая растетъ низко, а вторая не ниже 6500 ф. Грибы масленники, бѣлые, рыжики, грузди и т. п. встречаются въ сосновыхъ лѣсахъ. Цвѣты разныхъ окрасокъ, свойственные альпійской природѣ, встречаются на соответственныхъ высотахъ въ большомъ количествѣ. Наконецъ мелкій лѣсной орѣхъ въ большомъ изобиліи находится въ лѣсахъ на сѣверныхъ склонахъ скалистыхъ горъ. Фруктовые сады могутъ успешно разводиться въ среднихъ и нижнихъ частяхъ ущелій, чemu доказательствомъ служить то, что одинъ изъ Балкарковыхъ—Асланъ-бекъ въ ущельѣ Чегема у своего хутора развелъ садъ, состоящій исключительно изъ абрикосовъ, правда, мелкихъ, но очень вкусныхъ.

Изъ живыхъ существъ царемъ скалъ безспорно является неуклюжій по виду, но чрезвычайно проворный и быстроно-гій рогатый туръ. Туры обыкновенно живутъ колоніями въ недоступныхъ для человѣка скалахъ, а для пастьбы выходятъ на болѣе доступныя мѣста, и здѣсь-то они гибнутъ массами отъ рукъ горскихъ охотниковъ. Ни одинъ изъ нихъ, намѣченный въ жертву, не уйдетъ отъ мѣткаго выстрѣла горца. Насколько успешно туры истребляются горскими охотниками, видно изъ того, что на Баксанѣ мнѣ говорили старые охотники, что за свой вѣкъ каждый изъ нихъ убилъ отъ 1500 до 2000 экземпляровъ, а такихъ охотниковъ въ каждомъ обществѣ надо считать десятками. Кроме туровъ въ горахъ водятся серны и дикия козы; олени живутъ въ лѣсахъ, на сѣверномъ склонѣ скалистыхъ хребтовъ по смежности съ ка-бардинскими лѣсами. Въ тѣхъ-же лѣсахъ въ большомъ количествѣ водятся дикия свиньи; медведѣ-же встречается очень рѣдко; есть среди нихъ экземпляры, которые жи-

вуть на совершенно открытыхъ мѣстахъ въ пещерахъ скаль. Изъ перваго царства на первое мѣсто должны быть поставлены горныхъ индѣйка и курочка. Первая гнѣздится на высокихъ недоступныхъ скалистыхъ мѣстахъ, а вторая на низменностяхъ, въ камняхъ. Та и другая встречаются въ большихъ количествахъ, такъ какъ онѣ не истребляются горскими охотниками. Крики индѣекъ и курочекъ неумолчно раздаются изъ мѣсть ихъ обиталищъ и напоминаютъ крикъ домашнихъ индѣекъ и курь. Охота на индѣекъ крайне затруднительна, по недоступности мѣсть ихъ обитанія; курочки, хотя водятся на доступныхъ для охотника мѣстахъ, но охота на нихъ можетъ быть успешна только съ собаками, такъ какъ онѣ, какъ и индѣйки, по своему цвѣту совершенно сливаются съ окружающими камнями, поэтому замѣтить ихъ можно только тогда, когда онѣ взлетаютъ на воздухъ. Горные курочки очень легко приручаются: для этого нужно, чтобы изъ ихъ яицъ домашняя курица вывела цыплятъ. Въ горахъ встречаются еще и тетерева.

Изъ насѣкомыхъ, причиняющихъ большія непріятности человѣку и свининѣ, въ горахъ водятся: мелкая мошка (іюль и августъ), крылатый муравей (цѣлое лѣто) внизу и на высотахъ (9000 ф.) и слѣпни (въ іюнь), живущіе около лѣсовъ и въ лѣсахъ, расположенныхъ по смежности съ кабардинскими. Затѣмъ на ледникахъ водятся почти незамѣтныя для глазъ крылатыя насѣкомыя, присутствіе которыхъ замѣтно по красной окраскѣ нижнихъ частей ледниковъ.

Въ горскихъ рѣчкахъ въ изобиліи водится форель довольно внушительныхъ размѣровъ; осенью заходить очень много лось-форели длиною въ аршинъ и болѣе. Горцы почему-то не ѣдятъ рыбы, поэтому систематически не производятъ ловли ея. Горскіе мальчики ловятъ эту лось-форель самыми оригинальнымъ способомъ: разщепываютъ одинъ конецъ палки и въ эту разщепцу вставляютъ поперекъ горскій ножъ остриемъ наружу. Вода въ рѣчкахъ очень прозрачна. Замѣтивъ форель, лежащую за какимъ нибудь камнемъ, мальчикъ осторожно подходитъ и своимъ импровизированнымъ орудіемъ пригвождаетъ рыбу. Часто бываетъ, что рыба разрывается на двѣ части и приходится ловить и ту и другую.

II.

Все население пяти горскихъ обществъ, составляя одно обще-татарское племя (туркское), говорить на одномъ обще-татарскомъ языке, исповѣдуетъ мусульманскую религию и въ обыденной жизни держится совершенно одинаковыхъ обычаевъ (адатъ).

Откуда появились и когда поселились въ почти недоступныхъ горныхъ тѣснинахъ предки настоящихъ обитателей,—объ этомъ никакихъ свѣдѣній преданіе не сохранило. Сохранились только въ семьяхъ высшаго сословія (таубіевъ) преданія о происхожденіи ихъ предковъ и обстоятельствахъ прихода ихъ въ горы, но и они крайне сбивчивы. *) Несомнѣнно только одно, что первые и самые древніе поселенцы были балкарцы, обитающіе нынѣ по ущелью р. Черека или Урвани; по мнѣнію профессора М. Ковалевскаго, отсюда уже они разселились по всемъ другимъ ущельямъ. По мнѣнію этого-же ученаго, цѣлый рядъ топографическихъ названій свидѣтельствуетъ, что до прихода предковъ нынѣшихъ обитателей въ этихъ ущельяхъ жили осетины (Иронъ).

Общественный строй первоначальныхъ поселенцевъ былъ демократическій, но съ появлениемъ среди нихъ родоначальниковъ таубіевъ—выходцевъ изъ странъ съ аристократическимъ строемъ жизни, людей ловкихъ, воинственныхъ и умѣющихъ пользоваться обстоятельствами,—устанавливается тотъ строй раздѣленія сословій на высшее и низшее, какой существуетъ по настоящее время, но только безъ прежняго значенія.

Въ основѣ возникновенія аристократического строя жизни въ горскомъ населеніи лежала воинская доблѣсть. Въ

*) Родоначальникомъ чегемскихъ таубіевъ Барасбіевыхъ и Кучуковыхъ былъ Алероко, выходецъ изъ Абадзехіи; Келеметовыхъ и хуламскихъ таубіевъ Шаклановыхъ—выходцы изъ Дигоріи; бензентіевскихъ таубіевъ Суншевыхъ—Алгутъ, выходецъ изъ Крыма; балкарскихъ таубіевъ—Басіотъ и Мисака, выходцы изъ Маджаръ и баксанскихъ, таубіевъ Уруслбіевыхъ—Чепеллеу Сушпевъ, выходецъ изъ Безенги.

отдаленные времена нашей эры горцы и ихъ союзди наполняли всю свою жизнь воинственными набѣгами другъ на друга; главною цѣлью этихъ смѣлыхъ походовъ было приобрѣтеніе рабовъ.

Изъ разсказовъ о происхожденіи чегемскихъ и балкарскихъ таубиевъ и изъ старинныхъ военныхъ пѣсень горцевъ усматривается, что предки теперешняго высшаго сословія дѣйствительно были умѣлые и доблестные ремесленники войны. Они неустанно совершали набѣги не только на окружающія союзнія земли: Сванетію, Имеретію, Осетію, Кабарду и т. д., но въ союзъ съ кабардинскими князьями предпринимали походы вглубь плоскости къ ногайцамъ, калмыкамъ, а въ болѣе близкое намъ время—даже къ казакамъ. Такіе люди въ глазахъ своего племени олицетворяли всѣ совершенства человѣка. Они становились во главѣ своего народа, но гла-
венство вначалѣ было чисто военного свойства, а въ обыденной жизни каждый занимался своимъ дѣломъ и никому не подчинялся. Главную военную добычу составляли рабы, которые распредѣлялись между участниками походовъ, сообразно военнымъ заслугамъ. Такимъ образомъ въ горахъ появляется два сословія: господа и рабы.

Постоянные и удачные набѣги все больше и больше увеличивали сословіе рабовъ, а такъ какъ содержаніе большого количества ихъ въ однѣхъ рукахъ требовало соответственныхъ затратъ на жизненные потребности, что становилось въ тягость господамъ, то владѣльцы отдѣляли известную часть рабовъ и отпускали ихъ отъ себя. Вольноотпущенники по земочному праву селились въ удобныхъ мѣстахъ и занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но какъ подвластные обкладывались известной данью. Такимъ образомъ возникаетъ новое сословіе—сословіе чагаръ, зависимое отъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ. *)

Высшее сословіе—владѣльцы въ Чегемѣ, Безенги, Хуламѣ и Урусбіи—именовались *акъ-сускъ* (белая кость); въ Чегемѣ они еще назывались *схалты* и въ Балкаріи—*басіаты* **) (этимъ послѣднимъ именемъ называлось все горское высшее сословіе союзными народами) и были нѣчто въ родѣ

*) Свѣдѣнія о переходѣ рабовъ въ «чагары» мнози заимствованы отъ чегемского старшины таубія Мусы Барасбіева.

**) Я въ Хуламѣ и Балкаріи записалъ два разсказа о происхожденіи «Акъ-суска» и «Басіата», но что означаетъ «Схалты» никто не знаетъ.

кабардинского тлокотлема (первой степени узденъ), дигорского баделята и тагаурского алдара.

Наименование таубиевъ (горскій князь) допущено правительствомъ съ 1852 года, т. е. со времени принятия Императоромъ Николаемъ I депутациі отъ этого общества; до того-же времени лица, принадлежащія къ сословію таубиевъ, во всѣхъ правительственныхъ и административныхъ сношеніяхъ съ горцами всегда именовались горскими старшинами *).

Что высшее горское сословіе имѣло и имѣть только узденское, а не княжеское значение, доказывается тѣмъ, во-первыхъ, что этотъ классъ можетъ брать себѣ женъ у кабардинскихъ узденей, дигорскихъ баделятъ и тагаурскихъ алдаръ, но никакъ не у княжескихъ родовъ, и, во-вторыхъ, тауби являемы «аталыками» кабардинскихъ княжескихъ дѣтей, т. е. ихъ воспитателями, а по коренному обычаю воспитывать и вскармливать дѣтей высшихъ сословій могли только семьи низшихъ классовъ.

За таубиами идетъ второе сословіе «кара-кеши»—уздени второй степени; затѣмъ идутъ «чагары» зависимые отъ первыхъ двухъ сословій, «казаки»—рабы, «караваши»—рабы дворовые, составлявшіе полную собственность первыхъ двухъ классовъ, и «азаты»—вольноотпущенники. Чагары, какъ выше указано, имѣли своихъ собственныхъ холоповъ обоего пола, которые приобрѣтались сначала путемъ войны, потомъ, когда хищническіе набѣги стали рѣже и затруднительнѣе, покупкою.

Бывшій нальчикскій окружной врачъ Грамматиковъ, занимаясь, для составленія диссертациі на степень доктора медицины, антропометрическими исследованіями горскаго населенія, находилъ типы кабардинцевъ, осетинъ, имеретинъ, сванетовъ, чеченцевъ и т. п. и чрезвычайно мало татарскаго типа. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что большая часть предковъ таубиевъ не тюркскаго происхожденія; жители селенія Озрокова—выходцы изъ кабарды; жители селенія Куркужанъ—выходцы изъ Дигоріи; среди горскаго населенія сплошь и рядомъ можно встрѣтить людей съ большими зобами—это выходцы изъ Сванетіи и Имеретіи, такъ какъ жители этихъ областей отличаются большими зобами и горцы иначе ихъ

*) «Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», выпускъ III, «Правиллегированный сословія кабардинского округа», стр. 10-я.

не называютъ, какъ зобатыми. Покойный М. З. Кипіани на Баксанѣ встрѣтилъ старика Эристова, который по разспросамъ окался грузиномъ и даже родственникомъ Кипіани; я лично въ Куркужанѣ видѣлъ старика—чеченца, бывшаго плѣненнаго холола, поэтому и фамилию ему дали Чеченовъ. Всѣ эти многочисленные вольные и невольные переселенцы, поступая въ горы не вдругъ, не массами, а постепенно въ маломъ числѣ, ассимилировались, такъ сказать, растворяясь въ средѣ коренного населенія, быстро усваивая мѣстные языки, религию и обычай.

Аграрные порядки, существующіе и по настоящее время въ горахъ, выработались не вдругъ и не подъ вліяніемъ силы и власти таубіевъ. Горцамъ—первымъ поселенцамъ и ихъ послѣдующимъ поколѣніямъ—не было присуще понятіе о собственности на землю, не подвергшіяся обработкѣ трудами человѣка. Эта собственность возникаетъ въ то время, когда стало тѣсно жить. Вѣдѣсь подъ вліяніемъ суровой горной природы и чрезвычайной скудости земли, годной для хлѣбонашества, выработались два типа землевладѣнія. Каменистая почва, превращенная въ культурную землю чрезвычайными усилиями человѣка, становилась собственностью лица, производившаго очистку отъ камней, брошеніе и удобреніе почвы навозомъ и черноземомъ, приносимымъ изъ другихъ мѣстъ. Такая собственность по возрѣніямъ горцевъ считается неотъемлемою обычною собственностью. Всѣ-же остальные земли, какъ-то: пастбища, обыкновенные покосы и лѣса, тоже по изстари сложившемуся обычалу, были общественными и на первыхъ двухъ категоріяхъ земель существовало заемочное право, т. е. горцы свободно занимали эти земли временными хуторами, производили покосы и пасли баранту, скотъ и лошадей и чѣмъ больше у кого было домашнихъ животныхъ, тѣмъ больше была его заемка.

Въ то время, когда населеніе горъ было незначительно, а земли послѣдней категоріи было сравнительно много, скотоводы, потравивъ одно мѣсто, безпрепятственно переходили на другое; но съ увеличеніемъ народонаселенія такие свободные переходы становились невозможными или крайне затруднительными; тогда скотоводы, осѣвши на однѣхъ и тѣхъ-же земляхъ и передавая ихъ изъ рода въ родъ, превратили ихъ какъ-бы въ родовую собственность, но не какъ юридический

институтъ по нашимъ понятіямъ: заемки все-таки продолжали считаться отчасти общественными землями, такъ какъ въ прежнее время по обычаю не подлежали дробленію по раздѣламъ и наследству и только въ очень недавнее время горскій судъ упразднилъ этотъ обычай.

Послѣдствіемъ заимочнаго права было то, что у всѣхъ горцевъ чрезвычайно мало общественной земли; вся она разобрана по участкамъ цѣльными фамиліями и отдельными лицами. Если же у таубіевъ оказалось гораздо больше земли, то это обусловливалось совершенно другими причинами, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, и отчасти отъ того, что они были гораздо богаче каракешей и чагаръ, ельдовательно и заемки ихъ были больше.

Профессоры Всев. Миллеръ и Макс. Ковалевскій, *) со-
биравшіе свѣдѣнія исключительно и непосредственно отъ таубіевъ Балкарковыхъ, Баразбіевыхъ, Шакмановыхъ и Уруслі-
выхъ, въ интересахъ которыхъ было преувеличивать значение
своихъ предковъ и свое, дабы удержать за собою захвачен-
ныя земли, говорять, что аристократический строй горцевъ
имѣлъ всѣ атрибуты феодализма Западной Европы, не исключа-
я земельнаго права, и что «въ средѣ балкарцевъ (разумѣя
всѣхъ горцевъ Кабарды) всѣ остальные сословія—каракеши,
чагары, казаки и отиущенные на волю рабы или азаты
безразлично сидѣть на земляхъ таубіевъ, неся въ ихъ
пользу напередъ опредѣленныя повинности и платежи». Если
всѣ низкія сословія горцевъ сидѣли на земляхъ таубіевъ, то
какъ-же могло случиться, что при освобожденіи крестьянъ отъ
крѣпостной зависимости въ 1867 году таубіи за выкупъ по-
лучили отъ чагаръ громадное количество пахатныхъ, покос-
ныхъ участковъ и зимовниковъ съ пастьбищными землями,
причемъ третья часть осталась за чагарами? Каракеши-же
не только не освобождались отъ власти таубіевъ, какъ воль-
ные уздени, но сами за свободу своихъ бывшихъ подвласт-
ныхъ—чагаръ получили наравіѣ съ таубіями пахатные, покос-
ные и пастьбищные участки. **)

Почему, въ такомъ случаѣ, таубіи не воспользовались
своимъ правомъ владѣльцевъ всей горской земли, какъ рус-

*) Вѣстникъ Европы 1884 г., Апрѣль.

**) Свѣдѣнія о выкупной операциѣ извлечены изъ книгъ посредническихъ ком-
миссій Кальчикского округа.

ские помѣщики или кумыкскіе князья? Надо полагать, тако-го права не было.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Хуламскомъ ущельѣ вы-
ше селенія Скуру, въ развалинахъ башни напили два плита-
выхъ камня, одинъ большаго размѣра, а другой малаго; на
большомъ камнѣ вырѣзаны арабскими буквами на горскомъ
языкѣ слова, которыя гласятъ, что собравшиеся почетные
люди (имя рекъ) отъ крымскаго хана, изъ Кабарды и отъ
горцевъ установили границы горскихъ владѣній отъ крымскихъ
и русскихъ владѣній. На другомъ камнѣ тѣмъ же шрифтомъ и язы-
комъ начертано, что вслѣдствіе спора каракеша Бекмурзы
Гиргокова съ кѣмъ-то (не указано съ кѣмъ) свидѣтели: изъ
Баксана Исмаилъ Уруслбіевъ, изъ Балкаріи Муртазали Біевъ,
изъ Хулама Султанъ Шакмановъ и другіе установили грани-
цы владѣнія Бекмурзы Гиргокова; судя по этимъ границамъ,
у него оказываются обширныя владѣнія. Все это происходи-
ло по магометанскому счислению въ 1127 году, а по нашей
эрѣ въ 1711 г. Стало быть почти за 200 лѣтъ отъ настѣнъ на-
задъ каракеши считали своею собственностью большія земли
и сами таубіи безпрекословно признавали это, что видно изъ
того, что они-же, служа посредниками при тяжбахъ, устана-
вливали чужія нетаубіевскія земельныя владѣнія.

Въ адатахъ горцевъ, собранныхъ въ 1844 году началь-
никомъ центра Кавказской линіи княземъ Голицынымъ и на-
печатанныхъ въ 1-мъ выпускѣ книги Ф. И. Леоновича подъ
заглавиемъ «Адаты Кавказскихъ горцевъ», ничего не говоритъ-
ся о власти таубіевъ надъ всею горскою землею; напротивъ,
въ одномъ мѣстѣ говорится, что «для произведенія хлѣбопа-
шства и сѣнокоса въ пользу старшинъ (таубіевъ) эти (под-
властные) должны дать землю и быковъ на время». Выходитъ,
что каѣвъ будто у таубіевъ не было определенной земельной
собственности, а они пользовались землею въ нужныхъ размѣ-
рахъ отъ своихъ подвластныхъ.

Надо полагать, что свѣдѣнія, собранныя въ 1844 г.,
ближе къ истинѣ, чѣмъ собранныя М. Ковалевскимъ въ 1884
году изъ усть таубіевъ, потому что въ 1844 году крѣпостное
право и другіе горскіе обычаи господствовали въ полной си-
лѣ и каждое свѣдѣніе легко могло быть проверено на практикѣ,
да и таубіи того времени, во первыхъ, не могли пока-
зывать противъ очевидности и, во-вторыхъ, не было причинъ

преувеличивать значение своей власти и власти своихъ предковъ, тогда какъ теперь эти причины имѣются въ наличности.

Въ прежнія времена горцы находились въ полномъ подчиненіи у кабардинскихъ князей и «вліяніе ихъ, хотя не въ разной степени, распространялось на всѣ окружающія Кабарду племена. Такимъ образомъ племена болѣе отдаленные, напр. ингуші, карабулаки, кистинцы, тагауры и дигорцы были только данниками кабардинскихъ князей, а ближайшія, какъ-то: Карабаевцы, Урусбіевцы, Чегемцы, Хуламцы и Безенгіевцы (балкарцы, благодаря своей численности и трудно доступнымъ имъ жилищамъ, сумѣли сохранить свою относительную независимость) находились у нихъ почти въ состояніи рабства. Степень зависимости послѣднихъ пяти племенъ отъ кабардинскихъ князей легко усматривается изъ слѣдующаго факта: «если княжескимъ холопомъ положенъ былъ камень у дверей сакли горца, или на его пахотномъ или покосномъ мѣстѣ, то этого дѣйствія вполнѣ достаточно было для воспрещенія владѣльцамъ пахоты и покоса пользоваться ими» *).

«Чегемцы и Урусбіевские осетины съ давніго времени принадлежатъ Атажукинскій фамиліи и никто въ ихъ отношенія не вмѣшается, а князь Атажукинскій фамиліи требуетъ съ нихъ дань, сколько назначить, отчего они отнюдь отказываются не могутъ.» **)

Горцы и кабардинцы разсказываютъ, что однажды пресловутый князь Атажука Атажукинъ имѣль дѣло въ горскомъ судѣ, и когда нѣкоторые изъ горскихъ таубіевъ явились въ качествѣ свидѣтелей, то онъ, считая ихъ своими подвластными, (подвластные по обычаю не могли свидѣтельствовать въ судѣ), сотворилъ известную молитву и тѣмъ разрѣшилъ имъ, какъ вольнымъ людямъ, свидѣтельствовать.

Исторически известно, что кабардинские князья, имѣя неограниченную власть надъ своимъ народомъ и право лишать жизни своихъ холоповъ, ***) никогда не пользовались землею на правахъ собственниковъ по нашимъ понятіямъ, хо-

*) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, выпускъ III-й.

**) «Исторія Адыгейского (Кабардинского) народа», Шора-Бекмурзинъ-Ногиава, стр. 133.

***) Въ прокламаціи генерала Ермолова отъ 27 июня 1822 года говорится: «предоставляю владѣльцамъ и узденіемъ прежнія права надъ подвластными, но отныне вредъ уничтожается власть лишать рабовъ жизни».

тя распоряжались ею неограниченно. Вся кабардинская территория находилась въ общинномъ пользованіи. Это обстоятельство кабардинские князья, уздени и почетные люди 20-го августа 1863 года, въ присутствіи тогдашняго начальника области Лорисъ-Меликова торжественно подтвердили письменнымъ актомъ.

Ковалевскій въ свой книгѣ «Законъ и обычай на Кавказѣ» говоритъ, что на политической и соціальной бытъ горцевъ имѣли сильное влияніе соседи: кабардинцы, сванеты и осетины; онъ даже горцевъ пяти горскихъ обществъ называетъ отатарившимися осетинами, до того ихъ обычай схожи съ осетинскими. Но это не совсѣмъ вѣрно. Топографическая и другія условія мало способствовали сношенію горцевъ съ осетинами, тогда какъ тѣ же условія и въ особенности полная подчиненность горцевъ кабардинскимъ князьямъ, политическая и экономическая зависимость горцевъ отъ всего кабардинского племени заставляли первыхъ быть въ постоянномъ облеченіи съ послѣдними; поэтому горцы скорѣе должны были усваивать кабардинские обычай, чѣмъ осетинскіе, которые, какъ обычай всѣхъ горцевъ, очень похожи другъ на друга.

Посмотримъ, не заключается ли въ соціальной и политической жизни окружающихъ горцевъ сосѣдей тѣхъ элементовъ, которые послужили для горскихъ таубіевъ прототипомъ феодального права.

Раньше я уже говорилъ, что кабардинские князья и уздени не были обладателями поземельной собственности. Сванетія, дѣлившаяся въ то время на Вольную и Княжескую, тоже была чужда такой собственности. По словамъ М. Ковалевскаго, Вольная Сванетія, ближайшая сосѣдка горцевъ, даже не знала крѣпостного права, а въ Княжеской представителями этого права были князья Дадешкольяни, которые не простирали своихъ правъ на земли; единственное ихъ право въ этомъ отношеніи «являлось правомъ князя выкупать отчуждаемая крестьянскимъ дворомъ земли» и «когда во дворѣ никого не оставалось въ живыхъ, князь наследовалъ надѣль предпочтительно предъ однофамильцами». Наконецъ высшее сословіесосѣднихъ дигорцевъ и осетинъ—баделяты и алдары, будучи крѣпостниками, никогда не владѣли землею, какъ собственники.

Вообще же мы видимъ, что всюду на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ процвѣталъ аристократический укладъ жизни и гдѣ

крѣпостное право не выродилось въ полное рабство, какъ въ другихъ странахъ, тамъ земельная собственность какъ юридический институтъ не была присуща высшимъ классамъ. Если наше правительство въ 60-хъ годахъ признало кумыкскую плодородную собственностью кумыкскихъ князей, то это случилось не на почвѣ сузеренного права, а по инымъ политическимъ мотивамъ. Здѣсь, какъ въ Кабардѣ, Осетіи, Дигоріи князья и уздени въ прежнее время и понятія не имѣли о поземельной собственности.

Такимъ образомъ влияніе сосѣдей, отразившееся на всѣхъ сторонахъ народной жизни горцевъ не дало ни по обычаю, ни по праву крѣпостничества того, что теперь есть, а именно, поземельной собственности высшему горскому сословію.

Самые обширные захваты горскихъ земель таубіями происходили въ эпоху владычества кабардинскихъ князей надъ сосѣдними народностями.

Кромѣ политической зависимости отъ кабардинскихъ князей горцы въ экономической жизни стояли въ тѣсной связи вообще съ кабардинскимъ племенемъ; вызывалось это слѣдующими причинами,

Topографическая и климатическая особенности горной мѣстности съ очень высокими хребтами и глубокими ущельями, на которой обитаютъ пять горскихъ обществъ, исключаютъ всякую возможность обработки земли для хлѣбопашства въ необходимыхъ размѣрахъ; за то здѣсь существовали самая благопріятная условія для развитія скотоводства. И дѣйствительно эта отрасль сельского хозяйства ведется здѣсь въ значительныхъ размѣрахъ. Обширное скотоводство и овцеводство, несмотря на крайній недостатокъ въ краѣ самаго необходимаго продукта—хлѣба, достаточно обезпечиваетъ жизнь горца; въ этомъ же скотоводствѣ лежала и теперь лежитъ причина, почему горецъ ни за какія блага не согласится выселиться на плоскость, чтобы имѣть потребное количество пахотной земли. Но тѣмъ не менѣе стремленіе горцевъ имѣть на низменностяхъ и предгорьяхъ покосы и пастища всегда существовало, съ самаго водворенія ихъ въ горахъ; обуславливается это суровымъ климатомъ горъ, непозволяющимъ держать тамъ скотъ круглый годъ.

Между тѣмъ горцы, замкнутые въ своихъ ущельяхъ, дальнѣ высящихся предъ ихъ жилищами съ сѣвера сколь

Алишалы-кая, Лха, Ахъ-кая, Ить-кая, Суукъ-аухъ-кая, Мехтигенъ и Хазны-башъ выходить не могли, такъ какъ съверные склоны этихъ скалъ уже принадлежали кабардинцамъ.

Большое ското-овцеводство возможно въ горахъ при наличности четырехъ условий: 1) пастьба скота въ теченіе лѣта на значительныхъ высотахъ горъ, 2) содержаніе скота въ зимовникахъ на сѣнѣ два-три мѣсяца, 3) осенью подножный кормъ для овецъ на плоскости или въ предгорьяхъ на два-три мѣсяца и 4) пастьба на плоскости весною два, два съ половиною мѣсяца.

Первые два условия вполнѣ удовлетворяются средствами самихъ горъ, остальные же два, вызываемыя недостаткомъ сѣна въ горахъ, суровостью въ нихъ осени и весны и необходимостью при свѣжемъ подножномъ кормѣ пользоваться большими тепломъ во время и послѣ котки овецъ, находились вслѣдствіе отсутствія у горцевъ собственныхъ земель на плоскости, въ крайне неопределенномъ положеніи и неопределенность эта нерѣдко причиняла беспокойство какъ горскимъ обществамъ, такъ и жителямъ кабардинской плоскости.

Въ прежнее, до-ермоловское время, какъ я уже говорилъ, всѣ горскія общества находились въ болѣе или менѣе тѣжкой зависимости отъ кабардинскихъ князей, безъ покровительства которыхъ имъ обойтись не было никакой возможности. Необходимость въ этомъ покровительствѣ проистекала, во-первыхъ, изъ потребности горцевъ весною и осенью выходить со своими стадами на кабардинскую территорію и, во-вторыхъ, въ защитѣ самихъ себя и своихъ жилищъ отъ хищническихъ набѣговъ кабардинцевъ. Оказывая всякія услуги вліятельнѣйшимъ кабардинскимъ князьямъ, горцы достигли того, что стали свободно пользоваться плоскостью и предгорьями скаль для своихъ стадъ.

Такими преимуществами прежде всѣхъ воспользовались богатые и вліятельные горцы, т. е. таубіи и нѣкоторые кракеші. Они, принадлежа къ высшему сословію своего народа, ближе стояли къ кабардинскимъ князьямъ и больше другихъ пользовались ихъ милостями главнымъ образомъ, вслѣдствіе семейныхъ услугъ: таубіи всѣми способами старались брать на воспитаніе княжескихъ дѣтей. Если этого имъ не удавалось путемъ взаимныхъ соглашеній, они прибѣгали къ тайному увозу дѣтей, а разъ княжескій ребенокъ пошелъ ка-

кимъ бы то ни было способомъ въ домъ на воспитаніе, то онъ уже, по обычаю, не подлежалъ возврату въ родительскій домъ или отдачѣ на воспитаніе въ другія руки. Такимъ образомъ таубіи дѣлались *аталыками* (воспитателями) княжескихъ дѣтей, а воспитанники и сыновья аталаika становились *эмчеками* (молочные братья). Все это вело таубіевъ и кабардинскихъ князей къ тѣсному родству, стоящему по обычаю выше кровнаго.

Результатомъ такихъ родственныхъ сближеній и другихъ услугъ было занятіе таубіями на Кабардинской территории и у себя дома лучшихъ земель.

Несмотря, однако, на все это гнетъ, налагаемый на горцевъ господствомъ кабардинскихъ князей, всетаки даваль себя чувствовать въ разнаго рода реквизиціяхъ и штрафахъ, а потому естественно было стремленіе таубіевъ и всѣхъ горцевъ освободиться отъ ига, для чего они искали удобнаго случая.

Съ покореніемъ Кабарды генераломъ Ермоловымъ (1818 г.) и обнародованіемъ извѣстныхъ его прокламаций, *) клонящіхся къ обузданію своею волей кабардинскихъ князей и униженію ихъ въ глазахъ народа горцы отчасти были избавлены отъ княжескаго ига.

Съ наступленіемъ болѣе спокойной жизни между кабардинскимъ и горскими обществами установились относительно правильные отношенія, ставшія потомъ обычаемъ, по которому горцы за право выпаса своихъ стадъ на кабардинскихъ земляхъ обязывались одаривать аульныхъ владѣльцевъ (такъ въ прежнее время правительство именовало высшее сословіе туземцевъ).

Переходъ отъ треволненій войны къ спокойной и мирной жизни выдвинулъ въ кабардинскомъ племени новыя формы отношеній высшаго класса и народа: князья и уздени мало-по-малу утрачивали свое прежнее вліяніе на низшіе классы, а эти послѣдніе—киворки (подвластные) и вольноотпущенники становились самостоятельными. При такихъ обстоятельствахъ горскіе скотоводы, задумавъ быть независимыми отъ кабардинцевъ, отказывались отъ обычной платы за выпасъ своихъ стадъ.

*) Напечатаны въ I-мъ выпускѣ „Адатовъ Кавказскихъ горцевъ“ Ф. И. Леонтьевича.

Въ виду этого кабардинские владѣльцы настоятельно требовали этой дани, или самовольно брали натурою, скотомъ и овцами, отчего часто возникали большія недоразумѣнія и столкновенія, сопровождавшіяся дѣйствіями криминального характера. Что бы устранить такія ненормальные отношенія между кабардинцами и горцами въ 1867 году рѣшено было нашему правительственною властью опредѣлить дальнюю черту прогона горскихъ овецъ для весеннихъ и осеннихъ пастбищъ съ установлениемъ извѣстныхъ сроковъ, а въ 1887 году каждому изъ пяти горскихъ обществъ выдѣлили для постояннаго пользованія особые участки изъ общихъ кабардинскихъ пастбищныхъ земель. Еще ранѣе 1864 года нашему же властью прирѣзано къ горскимъ территоріямъ изъ кабардинскихъ земель сѣверныя предгорья скалистыхъ горъ въ количествѣ 40 т. дес. для увеличенія пастбищъ для горскаго скота.

Политическая зависимость горцевъ отъ кабардинскихъ князей какъ нельзя лучше послужила въ пользу таубіямъ: осѣвши съ разрѣшенія и подъ покровительствомъ кабард. князей на сѣверныхъ склонахъ скалъ, таубіи держали тамъ изъ года въ годъ свои стада, имѣли зимовники, а когда эти земли, вслѣдствіе отклоненія границы горской территоріи ниже къ сѣверу, очутились въ районѣ горскихъ владѣній, то они объявили ихъ своею собственностью.

Нѣть надобности подробно останавливаться на фактахъ захватовъ отдѣльными лицами общественной земли,—захватовъ покоющіхся, такъ сказать, на льготной почвѣ, такъ какъ они совершались въ наше время чрезъ посредства горскаго словеснаго суда; съ одной стороны путемъ купли и продажи такихъ земель, которыхъ на основаніи акта 20-августа 1863 г. не составляли частнаго владѣнія, и съ другой стороны путемъ судебныхъ процессовъ, своеобразно рѣшаемыхъ.

Такимъ образомъ установлено хуторное земочное право; кабардинские князья и горскій словесный судъ являются тѣми факторами, которые установили современное землевладѣніе въ горахъ, выразившееся въ такомъ видѣ.

При распредѣленіи частнаго общественнаго владѣнія лѣса не будуть приняты во вниманіе, такъ какъ они въ горахъ не составляютъ элемента сельского хозяйства, потому что горцы никакихъ лѣсныхъ промысловъ не знаютъ, а пользуются лѣсомъ для своихъ нуждъ, которыхъ у нихъ весьма ограни-

чены; следовательно, леса для горцев малоцѣнны и относительно бесполезны.

Все бахсанское ущелье и его окрестности оспариваются Урусбіевыми и князем Мисостомъ Атажукинымъ (Куркужанская дача), поэтому распредѣлять земли подворно преждевременно.

Въ Чегемскомъ обществѣ всей земли значится 61.643 дес., изъ которыхъ 27750 дес. или 45.2% общаго пространства, на которомъ находятся пахотные и покосные участки, селенія, общественные выгоны, пастища, леса и другія земли и 33.893 дес. или 54.8% въ частномъ владѣніи. Исключивъ изъ общественной земли 2237 дес. лесу, получимъ 25513 дес. общественнаго владѣнія, т. е. приходится на дворь 39 дес. и на душу 5, 8 дес.

Въ Хуламскомъ обществѣ всей земли 20515 дес., изъ которыхъ 14433 дес. заняты подъ пахотными и покосными участками, пастищами и лесомъ, или 65.4% общаго пространства и 6082 дес. или 34.6% частной собственности. Исключивъ изъ общественной земли 3096 дес. лесу, получимъ 11337 дес., приходится на дворь 39 дес. и на душу 4, 7 десятины.

Въ Безенгіевскомъ обществѣ значится всей земли 16979 дес., изъ нихъ 10328 дес. составляютъ пахотные и покосные участки, селенія, выгоны, пастища и лесъ, или 60.8% общаго пространства и 6651 дес. частнаго владѣнія или 39.2%. Исключивъ изъ общественной земли 470 дес. лесу получимъ 9858 дес.; приходится на дворь 48.8 д. на душу 6, 9 дес.

Въ Балкарскомъ обществѣ числится земли 58107 дес., изъ которыхъ 28413 дес. или 48.2% составляютъ пахотные и покосные участки, селенія, выгоны, пастища и лесъ и 29012 дес. или 51.8% частнаго владѣнія. Исключивъ изъ общественной земли 9976 дес. лесу, получимъ 18437 дес.; приходится на дворь 25.9 дес. и на душу 2.9 дес.

Въ Чегемскомъ обществѣ изъ числа 652 дворовъ числится безземельныхъ 119 дворовъ или 18.3% общаго числа дворовъ; въ Урусбіевскомъ изъ 430 дворовъ безземельныхъ 52 двора—12%; въ Безенгіевскомъ изъ 202 дв. безземельныхъ 19 дв.—9.4%; въ Хуламскомъ изъ 290 двор. безземельныхъ 23 дв.—8%; въ Балкарскомъ изъ 711 дв. безземель-

ныхъ 33 дв.—4.6%. Всего въ пяти обществахъ безземельныхъ 246 дворовъ.

Къ показанному числу безземельныхъ надобно присоединить малоземельныхъ, потому что нельзя же считать земельными тѣ дворы, которые убираютъ съ своихъ полей отъ $\frac{1}{2}$ до 4 копеекъ хлѣба или сѣна и ничего больше не имѣютъ. Таковыхъ во всѣхъ обществахъ набирается 154 двора, слѣдовательно безземельныхъ будетъ 400 дворовъ.

Несмотря на безземелье и малоземелье, нѣкоторые изъ состава дворовъ этихъ категорій живутъ относительно безбѣдно: имѣютъ много скота и овецъ и держать для нихъ и себя на бегенданомъ правѣ много пахотныхъ и покосныхъ участковъ. За то жизнь большинства этихъ дворовъ весьма плачевна: всѣ члены такихъ семействъ мужского пола, отъ мала до велика, мало-мальски способные къ труду, мыкаются по чужимъ людямъ, всю жизнь состоя въ работникахъ. Трудъ-же въ горахъ весьма дешевъ, такъ, напр., въ самое горячее страдное время при уборкѣ хлѣба и сѣна, когда на плоскости однодневный трудъ работника оплачивается отъ 1 до 2 руб., здѣсь за два кипучихъ рабочихъ мѣсяца хорошій здоровый работникъ получаетъ заработную плату въ 35 руб. (58 коп. въ день), по этому несчастныя семьи, перебиваясь кое-какъ трудами своихъ кормильцевъ, живутъ чуть не умирая съ голоду.

III.

Населеніе Урусліевскаго или Баксанскаго общества исключительно обитаетъ въ очень глубокомъ и живописномъ ущельѣ р. Баксана, по обѣ стороны котораго высится чрезвычайно высокія, крутыя и скалистыя горы съ гигантомъ Эльбрусомъ во главѣ. Общество, заключая въ себѣ 340 дворовъ съ 1546 душъ мужскаго пола и 1454 женскаго—всего 3000 душъ, состоитъ изъ 30 селеній и поселновъ: 1) Гижгитъ у подножія скаль Алмалы-кая, затѣмъ отъ сліянія р. р. Гечекамыкъ и Куркужана съ р. Баксаномъ, по обѣ стороны послѣдней вплоть до ледника Терсъ-хомъ, расположены: 2) Гечекамыкъ, 3) Уллу-камыкъ, 4) Куркужанъ, 5) Эльджуртъ, 6) Тюпно, 7) Муколамъ, 8) 1-й Чалмасъ, 9) 2-й Чалмасъ, 10) 3-й Чалмасъ, 11) 4-й Чалмасъ, 12) 5-й Чалмасъ, 13)

Верхній Кызылъ-кезъ, 14) Нижній Кызылъ-кезъ, 15) Келды,
16) Калышъ-тала, 17) Верхній Курму, 18) Нижній Курму, 19) Верхній Куба-сакты, 20) Нижній Куба-сакты, 21) Тагишиъ,
22) Верхній Казгенъ 23) Нижній Казгенъ, 24) Джапаръ-тала,
25) Койсургенъ, 26) Чегеть, 27) Ить-коль, 28) Терсь-коль,
29) Кыртыкъ въ ущелье р. Кыртыка и 30) главное селение Уруслбевское на р. Кыртыкъ немного выше
сліянія ея съ р. Баксаномъ.

Населеніе Чегемского общества занимаетъ ущелье р. Чегема и побочныя къ ней ущелья. Общество состоитъ изъ 652 дворовъ съ населеніемъ въ 2264 душъ мужскаго пола и 2101 женск., всего 4365 д., которые разселены въ слѣдующихъ 19 селеніяхъ и поселкахъ: 1) Джюра, 2) Гудурги 3) Бопу, 4) Джунгу, 5) Бытургу, 6) Кала, 7) Верхній Быкмынги, 8) Ниж. Быкмынги, 9) Конташъ, 10) Актопрахъ, 11) Тызги, 12) Нулема, 13) главное селение Чегемъ 14) Булунгу, 15) Кямъ, 16) Тузунгу, 17) Сосусларъ, 18) Джарильги и 19) Орсадакъ.

Населеніе Хуламского общества расположено въ ущелье р. Черекъ-тхао и состоитъ изъ 290 дворовъ съ населеніемъ въ 1238 душъ мужскаго пола и 1155 женскаго,—всего 2393 д., разселенныхъ въ слѣдующихъ 5 селеніяхъ: 1) главное селение Хуламъ, 2) Дотуръ, 3) Узень, 4) Джабой и 5) Скуру.

Населеніе Безенгіевского общества занимаетъ тоже ущелье южнѣе Хуламского общества; оно состоитъ изъ 202 дворовъ съ населеніемъ въ 719 душъ муж. пола и 713 жен., всего 1432 д., разселенныхъ въ двухъ селеніяхъ: 1) главное селение Безенги (Тубенель) и 2) Шаки.

Населеніе Балкарского общества занимаетъ ущелье р. Черека или Урваня и состоитъ изъ 711 дворовъ съ населеніемъ въ 3275 д. муж. пола и 3064 д. женск., всего 6339 душъ, разселенныхъ въ слѣдующихъ 22 селеніяхъ: 1) Чегеть эль, 2) Фордыкъ, 3) Чегеть, 4) Сауту, 5) Зильги, 6) Верній Шканты, 7) Ниж. Шканты, 8) Турахабль, 9) Верхній Куниумъ, 10) Нижн. Куниумъ, 11) Тубень-эль, 12) Мухолъ, 13) Шаурдатъ, 14) Курнояты, 15) Галашки, 16) Верхній Чегеть, 17) Нижн. Чегеть, 18) Куспарты, 19) Мукушъ, 20) Жарильги, 21) Дагатъ, 22) Ташлы-кала.

Все населеніе пяти горскихъ обществъ состоитъ изъ 2195

дворовъ съ 9042 душъ мужскаго пола и 8487 душъ женскаго пола,—всего 17529 душъ.

Почти каждый поселокъ въ горскихъ обществахъ составляетъ семейную общину, носящую одну общую фамилию и происходящую отъ одного родоначальника, но въ обыденной жизни каждый дворъ живетъ обособленно, управляемый старшимъ въ домѣ.

Суровая горная природа, тѣсныя ущелья, скалы, камни, всюду расбросанные, все это въ совокупности является очень малою ареной для хлѣбопашства. Здѣсь, что бы имѣть хоть небольшой клочекъ земли годной для культуры, горцамъ приходилось и приходится съ чрезвычайными усилиями шагъ за шагомъ завоевывать у скалъ и каменистой почвы гомеопатические клочки земли, для чего нужно было: очистить почву отъ камней, унавозить, а гдѣ требовалось, натаскать въ мѣшкахъ землю съ другихъ мѣстъ и затѣмъ провести цѣлую сѣть ирригационныхъ канавъ, взятыхъ издалека и искусно проведенныхъ по горнымъ кручамъ, и все это для того, чтобы впослѣдствіи снимать съ этихъ клочковъ земли нѣсколько копенъ ячменя или сѣна. Поэтому эти клочки культурной земли, именуемые обычно земельною собственностью, до того сроднились—срослись въ одно цѣлое съ хозяиномъ горцемъ, настолько глубоко внѣдились въ народномъ сознаніи, что горецъ и помыслить не можетъ, что бы онъ когда нибудь могли быть оспариваемы или отняты. Пашня или поемный лугъ, это часть его самого—его тѣло и кровь. Посягательство на его пашню или лугъ—это посягательство на его личную свободу, это значитъ похитить его самого; но такъ какъ въ обыденной жизни это немыслимо, то, понятно, посягательство на его пашню тоже немыслимо. Таково возврѣніе горцевъ на ихъ мелкіе участки, превращенные упорнымъ и тяжелымъ трудомъ въ культурные земли.

Вся семья горца знаетъ, гдѣ лежитъ каждый камешекъ на ихъ кормилицѣ—пашнѣ; границы этихъ участковъ отчетливо знаютъ не только мужчины и женщины, но и дѣти. И въ самомъ дѣлѣ этотъ видъ землевладѣнія никогда и нигдѣ не вызывалъ и не вызываетъ никакихъ споровъ, ни изъ за границъ владѣнія между сосѣдями, ни иныхъ недоразумѣній, кроме судебныхъ тяжбъ юридического и адатнаго свойства.

Малое количество пахотныхъ земель въ горскихъ общест-

вахъ обуславливается не неимовѣрной трудностью въ ихъ со-
зиданіи, такъ какъ горцу не занимать статъ трудъ,—онъ съ
нимъ сроднился съ целенокъ, а тѣмъ, главнымъ образомъ, чтъ
нѣтъ достаточно мѣстъ, способныхъ культивироваться. Въ этомъ
же лежитъ причина, что хлѣбопашество является для горцевъ
не главною отраслью сельского хозяйства, а маленьkimъ под-
спорьемъ къ главнымъ жизненнымъ средствамъ, вытекающимъ
изъ пастушеской жизни—отъ скотоводства.

Поливные пахотные участки обыкновенно расположены
у самыхъ поселеній или вблизи ихъ. Есть также пашни,
лишенныя ирригациі; это такія, которыяются по крутымъ
склонамъ горъ, недоступныхъ искусственному орошению; но
это не пашни, а жалкія пародія на нихъ: рѣдкій хозяинъ со-
бираетъ съ нихъ скудныя крохи.

Тоже самое представляютъ собой и поемные луга; размѣ-
ры ихъ въ равной степени не превышаютъ пахотныхъ и для
созиданіи изъ требуется такой же трудъ, какъ для пахот-
ныхъ земель.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ преимущественно съятся во всѣхъ
обществахъ ячмень— $\frac{2}{3}$ площади, затѣмъ пшеница и овесъ— $\frac{1}{3}$, при среднемъ урожаѣ всѣхъ хлѣбовъ самъ 5,3. Размѣръ
посѣвныхъ полей и поемныхъ луговъ опредѣляется количест-
вомъ копенъ, такъ какъ горцы никакихъ мѣръ не знаютъ.

Всѣхъ сортовъ хлѣба въ обществахъ убирается съ 6577
пахотныхъ участковъ 23423 копны, каждая горская копна
хлѣба равняется 2 сабамъ или 3 русскимъ четверикамъ, что
въ общемъ составить 70270 четвериковъ всего собираемаго
хлѣба. Для обсѣмененія полей требуется 13533 четверика,
остается для продовольствія населенія въ 17530 душъ 56737
четвериковъ. Полагая минимумъ на человѣка $1\frac{1}{2}$ ф. хлѣба
въ день, или 12 четвериковъ зерна въ годъ на человѣка, по-
лучимъ для продовольствія всего горскаго населенія въ годъ
210.360 четвериковъ, следовательно не хватаетъ годового про-
довольствія 153.623 четвер. или 73%.

Съю съ поемныхъ луговъ и обыкновенныхъ покосовъ вы-
кашивается во всѣхъ пяти обществахъ 133.959 копенъ. Каждая
горская копна вмѣщаетъ отъ 8 до 10 пудовъ, въ сред-
немъ 9 пудовъ, что составить всего сѣна 1.205631 пудъ.
Во всѣхъ обществахъ имѣется 46.558 головъ рогатаго скота,

223.786 овецъ и 5900 лошадей,—всего 276.244 головъ, приходится на голову 4. 4 пуда съна.

Такимъ образомъ продуктовъ земли далеко не хватаетъ горцамъ для прокормленія себя и своего скота; поэтому то и другое восполняется: первое покупкою кукурузы на нальчикскомъ базарѣ преимущественно у кабардинцевъ, а другое путемъ аренды соседнихъ земель у кабардинцевъ и у сваниотовъ (балкарцами).

Какъ я уже говорилъ раньше, въ горахъ большая часть пахотныхъ и покосныхъ участковъ подвергаются ирригациі, безъ чего немыслима посѣвная растительность и хорошія питательныя травы. Въ виду этого по ущельямъ горскихъ обществъ устроена цѣлая сѣть ирригационныхъ канавъ, искусно проведенныхъ по очень гористымъ мѣстностямъ. Ежегодно, когда настаетъ время орошенія полей, а это время настаетъ съ самой ранней весны и продолжается съ перерывами до половины августа, общества выбираютъ надсмотрщиковъ, на обязанности которыхъ лежитъ наблюденіе за правильнымъ выходомъ и въ потребномъ количествѣ воды изъ главныхъ водныхъ артерій въ побочные канавы, развѣтвленныя въ разныхъ направленияхъ и идущія непосредственно для напаиванія полей.

Вода дѣлится на равные пай не по числу орошаемыхъ участковъ и не по ихъ размѣрамъ, а по числу домохозяевъ, считающихся собственниками главныхъ водныхъ артерій, и каждый таковой дворъ получаетъ по очереди на одинъ сутки свой пай, не входя въ разсмотрѣніе, нужна ли ему вода или нетъ. Такой своеобразный обычай вызвалъ другой—торговлю водой: неимѣющіе совсѣмъ пахотныхъ и луговыхъ участковъ продаютъ свои пай другимъ, ощущающимъ большой недостатокъ въ водѣ, а равно продаютъ свою воду или часть ея тѣ, которые по размѣрамъ своихъ участковъ или по мѣстоположенію ихъ, не нуждаются въ полномъ пайѣ. Пустить воду на поля не есть еще полное орошеніе, нуженъ еще самый тщательный присмотръ и трудъ, чтобы поля насыщались равномерно и во всѣхъ своихъ частяхъ; съ этой цѣлью мужчины и женщины съ самого ранняго утра до позднаго вечера ходятъ по своимъ полямъ съ особаго рода желѣзными заступами и въ буквальномъ смыслѣ слова заглядываютъ во всѣ уголки, производя разныя манипуляціи надъ почвой и водой;

гдѣ нужно уравнивать почву, строить валы, прокалываютъ еле замѣтныя канавки, пропускаютъ въ разныя стороны различной величины струи воды и т. п. и когда по соображеніямъ вся площадь оросится, отводятъ воду въ сторону.

Прежде по исконаи заведенному обычаю начало оросительныхъ канавъ (башъ татаулъ) можно было брать безпрепятственно въ чужихъ владѣніяхъ, но въ настоящее время этотъ прекрасный обычай утратилъ свою силу и землевладѣльцы и общества стали запрещать проведеніе канавъ чрезъ ихъ земли, отчего въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ горскаго населенія такой порядокъ является истиннымъ бѣдствіемъ. Такъ напр., Хуламское общество страдающее безводіемъ и имѣющеѣ возможность достать воду изъ рѣчки, протекающей по землѣ Бензенгіевскаго общества, не можетъ воспользоваться ею, вслѣдствіе запрещенія бензенгіевцевъ взять начало на ихъ землѣ.

Кромѣ орошенія горская каменистая почва требуетъ удобренія. Матеріаломъ для этого служить навозъ рогатаго скота и овецъ; послѣдній считается самымъ лучшимъ.

Удобреніе почвы навозомъ производится не каждый годъ, а чрезъ два—три до пяти лѣтъ. Различные сроки для удобренія полей зависятъ, во-первыхъ, отъ качества почвы и, во-вторыхъ, отъ недостатка навоза. Для скопленія навоза устраиваются особья помѣщенія—конюшни; богатые скотоводы имѣютъ свои собственныя, а бѣдные устраиваютъ ихъ въ компаніи и по мѣрѣ надобности разновременно вывозятъ навозъ на свои поля. Когда-же является необходимость въ одновременномъ удобреніи, то компаніи дѣлятъ навозъ по ровну. Для полей удаленныхъ отъ жилыхъ мѣсть и расположенныхъ вблизи пастбищъ, владѣльцы полей, чтобы скопить навозъ, сообща устраиваютъ конюшни для загона на ночлеги скота или баранты. Лучшимъ временемъ для удобренія считается весна, когда почва уже разрыхлена сохой (озимыхъ хлѣбовъ въ горахъ неѣть), но бѣдный людъ производить эту операцию осенью, когда рабочая скотина бываетъ дома, весною же угоняется въ горы далеко отъ жилищъ.

Кромѣ капитального удобренія почвы навозомъ у горцевъ есть и другія средства, служащія поддабриваніемъ полей. Верховья оросительныхъ канавъ и рѣчекъ слегка запружая, набиваютъ навозомъ, если онъ поблизости находится; его топ-

чуть ногами и, такимъ образомъ, навозная эссенція, носясь вмѣстѣ съ водой, осаждается на поляхъ.

Балкарцы и нѣкоторые горцы другихъ обществъ сохой подымаютъ почву полей осенью, сейчасъ послѣ уборки хлѣба, когда оставшаяся подрѣзанная серпомъ солома еще не потравлена скотомъ и овцами; эта солома, оставаясь прикрытою почвою, разлагается и служить нѣкоторымъ образомъ матеріаломъ для сдабриванія почвы.

Затѣмъ осенью на убранныхъ загонахъ и самою раннею весной на посемныхъ лугахъ держутъ много скота и баранты, что служить, такъ сказать, естественнымъ удобреніемъ.

IV

Продажныя цѣны на земли въ пяти горскихъ обществахъ до сихъ порь были чрезвычайно разнообразны и неустойчивы. Можно встрѣтить много земель, пріобрѣтенныхъ по очень низкой цѣнѣ, что совсѣмъ не гармонируютъ съ общей цѣнностью земель, существующей въ этомъ районѣ. Такое колебаніе цѣнъ на земли есть послѣдствіе, во-первыхъ, упраздненія крѣпостнаго права (въ 1867 г.) и, во-вторыхъ, неопределенности поземельныхъ владѣній въ крупныхъ участкахъ.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости къ бывшимъ владѣльцамъ перешло отъ ихъ бывшихъ подвластныхъ очень много пахотныхъ и покосныхъ участковъ, а также зимовники и пастбищныя пространства. Владѣльцы, оставшись безъ обычной дани и даровыхъ рабочихъ рукъ, очутились въ безвыходномъ положеніи. Временный исходъ изъ такого непріятнаго положенія владѣльцы скоро нашли: они свои земли и полученные отъ своихъ чагартъ обратили въ статью дохода, т. е. стали ихъ продавать. И дѣйствительно, по словамъ старожиловъ, никогда въ горахъ не было такой оживленной купли—продажи, какъ за этотъ періодъ времени (конецъ 60-хъ годовъ, 70-е годы и первая половина 80-хъ годовъ). Но такъ какъ рыночныя цѣны всегда въ зависимости отъ спроса и предложения, а въ данномъ случаѣ предложеніе значительно превышало спросъ, ибо горцы—вчерашніе крѣпостные, разоренные выкупомъ, не могли въ данный моментъ располагать средствами для покупки земель,

а дѣлали это постепенно—исподволь, поэтому купли—продажи сходили по весьма низкой цѣнѣ.

Такого же сорта купли—продажи явились вслѣдствіе опасенія владѣльцевъ, въ фактическомъ владѣніи которыхъ находились частбицныя и покосныя земли, что ихъ земли будуть отобраны для общества или въ казну. Эти опасенія возникли еще въ 60-хъ годахъ, когда кабардинская террито-рія объявлена была общественною. Въ началѣ этого періода времени, находясь еще подъ сильнымъ страхомъ лишиться своихъ земель, владѣльцы усиленно продавали ихъ по весьма дешевой цѣнѣ, но вслѣдствіе долговременного неустройства поземельныхъ отношеній нагорной полосы, эти опасенія постепенно теряли свой острый характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ воз-растала и цѣнность земель. Такое положеніе вещей продол-жалось вплоть до второй половины 80-хъ годовъ, когда въ горахъ появились межевые техники для производства съемки. Съ появлениемъ послѣднихъ въ народѣ сталъ циркулировать слухъ, который продолжается и теперь, что земельная вла-дѣнія будутъ отобраны; эти слухи въ глазахъ землевладѣль-цевъ превратились почти въ увѣренность, отчего цѣны на земли опять пали, потому что покупателей изъ такихъ же опасеній было мало, а продавцовъ много.

При такихъ ненормальныхъ условіяхъ, конечно, трудно и почти невозможно установить строго-определенныя цѣны на земли въ горскихъ обществахъ.

Тѣмъ не менѣе цѣлый рядъ сдѣланныхъ мною записей даетъ понятіе о существующихъ цѣнахъ на культурныя и иные земли.

Такъ, цѣнность пространства въ одну копну (три рус-скихъ четверика) хорошей поемной пашни, расположенной у самыхъ селеній, доходитъ до 250 р.; принимая, по личнымъ измѣреніямъ, 20 копенъ за десятину, получимъ стоимость послѣдней въ 5000 руб. Правда, такихъ покупокъ очень мало и заключаются не въ десятинахъ, а въ маленькихъ клочкахъ пашни въ 1—2 копны; за то цѣнность пространства въ одну копну въ 100 р., или десятина въ 2000 р. встрѣчается сплошь и рядомъ. Изъ 283 дѣйствительныхъ покупокъ я вы-велъ среднюю стоимость одной копны (пространство) хлѣба, которая выразилась въ 73 руб. или 1460 р. десятина, но при этомъ въ число этихъ пашенъ входятъ такія безводныя

и на крутыхъ покатостяхъ расположенныея, которые очень часто не даютъ никакихъ урожаевъ.

Цѣнность пространства въ одну копну сѣна (10 п.) поемнаго луга доходитъ до 150 р., полагая 15 копенъ на десятину, получимъ стоимость послѣдней въ 2250 р. Изъ 164 дѣйствительныхъ покупокъ взята средняя стоимость копны (пространства) въ 28 р., причемъ здѣсь нужно принять на десятину поемнаго луга 15 копенъ и обыкновеннаго покоса 10 копенъ, въ среднемъ $12\frac{1}{2}$ коп., тогда получимъ стоимость 6 десят. въ 350 р.

Установить же стоимость въ отдельныхъ участкахъ съ обыкновенными покосами и пастьбой почти нельзѧ, ибо здѣсь встрѣчаются въ 100 р. десятина и въ 4—5 р.; эта громадная разница въ цѣнахъ обусловливалась вышеприведенными явленіями.

Стоймость же мѣстъ въ большихъ селеніяхъ—это иѣчто баснословное: такъ въ Хуламѣ мѣсто, гдѣ построенъ домъ для сельскаго правленія въ 80 кв. с., одинъ хуламецъ покупаетъ за 1300 р. Отбросивъ 300 р. за домъ (дѣйствительная стоимость его), получимъ на одну кв. сажень $12\frac{1}{2}$ р. Въ Балкаріи куплено мѣсто для сельскаго правленія въ 170 кв. с. и заплачено 1400 р., т. е. приходится по 8 р. на кв. саж.

Вообще же стоимость мѣстъ для построекъ въ селеніяхъ на столько высока, что положительно становится не подъ силу бездомнымъ, желающимъ завести свой очагъ, поэтому общества, какъ напр., Хуламское, отводятъ имъ подальше отъ селеній, смотря по условіямъ мѣстности, совершенно никакуда негодныя каменистыя мѣста для жилыхъ построекъ и за это всетаки взимаютъ за каждый таковой отводъ по 10 рублей.

V

Если климатическія и топографическія условія горной природы отказываютъ сельскому жителю горъ въ его естественномъ труде—хлѣбопаштѣ; за то горы даютъ ему всѣ данные, что бы сдѣлаться скотоводомъ а именно: луга и пастища.

Несмотря на то, что больше половины горскихъ терриорій сосредоточены въ частномъ владѣніи немногихъ лицъ, горцы всетаки ведутъ обширное ското-овцеводство. Обуслов-

ливается это близъ лежащими Кабардинскими пастбищами и надѣломъ горцевъ отдельными участками земли изъ тѣхъ же пастбищъ.

Въ 1887 году было выдѣлено для горцевъ изъ общихъ пастбищъ ихъ съ кабардинцами: для Баксанского общества въ одномъ участкѣ 6208 дес., для Чегемскаго въ 4-хъ мѣстахъ 8923 дес., для Хуламскаго въ 3-хъ мѣстахъ 4000 дес., для Бешенгіевскаго въ 4-хъ мѣстахъ 2751 дес. и для Балкарскаго въ 18-ти мѣстахъ 12109 дес.

Обширныя площиади кабардинскихъ пастбищъ за нена-
добностью самимъ кабардинцамъ отдаются въ аренду за срав-
нительно недорогую плату горцамъ, которые имѣютъ тамъ
все, что требуется для скотоводства: покосы, пастьба и зи-
мовники.

Но это послѣднее обстоятельство, конечно, не можетъ
служить гарантію въ прогрессивномъ развитіи этого хозяй-
ства, потому что отсутствіе собственнаго простора, постоянная
зависимость отъ чужихъ земель, исключаютъ тѣ благопріят-
ныя условія, при которыхъ возможно введеніе крупнаго ското-
водства.

Какъ бы то ни было, скотоводство въ горахъ есть един-
ственный источникъ народнаго благосостоянія. Домашнія жи-
вотныя въ народной жизни горцевъ фигурируютъ вездѣ: они
замѣняютъ собою денежные знаки при куплѣ—продажѣ и
отдачѣ въ бегенду земель, при заключеніи наѧха (кальмы)
служать предметомъ ссуды. Рогатый скотъ и овцы воспѣ-
ваются въ пѣсняхъ и при поздравительныхъ импровизаціяхъ
первое и самое почетное пожеланіе имѣть побольше скота.

Домашнія животныя одѣваютъ горца, ими же онъ и кор-
мится, ибо единственою пищею горцевъ служатъ молочные
продукты. Словомъ:

Гайда, душа—скотинушка,
Душевно люблю васъ, милая.
Гайда, душа—бычки,
Желто—жирныя спинки....

Какъ поютъ горцы въ своихъ пѣсняхъ. Это пульсъ на-
родной жизни горскаго населенія. Его интенсивное или сла-
бое біеніе служитъ критеріемъ экономического богатства или
разстройства.

Эта главная отрасль сельскаго хозяйства горцевъ распре-

дѣляется по обществамъ въ слѣдующемъ видѣ, (причёмъ замѣчу, что свѣдѣнія по этому отдѣлу мною собирались путемъ проса всѣхъ домохозяевъ съ провѣркою по регистраціоннымъ книжкамъ). Въ Баксанскомъ обществѣ имѣется 10775 головъ рогатаго скота, 62012 овецъ и 1302 лошади (въ послѣднее число не вошли лошади поселковъ Гижгита и Куркужана,— свѣдѣнія не собраны), въ среднемъ выводъ приходится на дворъ 25 головъ рогатаго скота, 144. овцы и 3—4 лошади.

Въ Чегемскомъ обществѣ 14.780 головъ скота, 65423 овецъ и 2096 лошадей,—на дворъ 27.7 штукъ скота, 100. 3 овцы и 32 лошади.

Въ Хуламскомъ обществѣ—6,919 головъ скота, 23,407 овецъ и 871 лошадь,—на дворъ—23.9 скота, 80.7 овцы и 2 лошади.

Въ Безенгіевскомъ обществѣ—4,150 головъ скота, 15,648 овецъ и 422 лошади,—на дворъ—20.5 скота, 77.5 овцы и 2 лошади.

Въ Балкарскомъ обществѣ—9,941 гол. скота, 57,296 овцы и 1,209 лошадей,—на дворъ 14 штукъ скота, 82 овцы и 1.7 лошади. Всего въ пяти горскихъ обществахъ имѣется 46.558 головъ рогатаго скота, 223.786 овцы и 5,900 лошадей.

Сравнивая скотоводство пяти горскихъ обществъ съ таковыми же у туземцевъ другихъ округовъ Терской области*) мы увидимъ, что горцы имѣютъ больше скота противъ Грозненского округа въ 1.7 раза, Владикавказскаго въ 3.4 раза, Хасавъ-юртовскаго въ 1.9 раза и Кабарды въ 1.3 раза; овцы противъ Грозненского округа въ 8.3 раза, Владикавказскаго въ 6.6 раза, Хасавъ-юртовскаго въ 3.3 раза и Кабарды въ 3.5 раза; лошадей противъ Грозненского округа въ 4.4 раза, Владикавказскаго въ 2 раза, Хасавъ-юртовскаго въ 2 раза и Кабарды одинаково.

Главными покупателями рогатаго скота у горцевъ являются Имеритины Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи и сосѣдняя Сванетія. Первые почти ежегодно закупаютъ большіе гурты скота и перегоняютъ ихъ чрезъ переваль Штула;

*) Свѣдѣнія о народонаселеніи и количествѣ домашнихъ животныхъ округовъ Грозн., Влад., Хасав. и Кабарды заимствованы изъ Всеподданѣйшаго отчета Нач. Тер. обл. за 1896 годъ.

вторые, кроме покупки, состоя въ качествѣ работниковъ у горцевъ, получаютъ большую часть скота въ видѣ платы; главнымъ поставщикомъ для сванетовъ — Баксанское ущелье. Овцы продаются въ разныя мѣста и преимущественно кабардинцамъ. Годовой сбытъ скота у всѣхъ обществъ бываетъ до 2,000 головъ и овцѣ до 14,000; принимая среднюю стоимость головы рогатаго скота въ 15 р. барана въ 3 р., получимъ 72,000 р. годовой выручки.

Сильно развитое овцеводство обусловливаетъ производство въ горахъ въ большомъ количествѣ сукна, которое выдѣлывается самыми примитивными способами, а потому получается грубое и плохого качества. Дѣло это сосредоточено исключительно въ рукахъ женщинъ и имъ же принадлежитъ доходъ съ продажи сукна. Горская женщина чрезвычайно трудолюбива: гдѣ бы вы ни встрѣтили горскую женщину, бесѣдуетъ ли она съ соѣдками, разговариваетъ ли съ мужчинами, идетъ ли изъ селенія въ селенія за 5—6 верстъ, вездѣ — въ сакѣ и на улицѣ, у нея неизбѣжно въ рукахъ шерсть и веретено, которое, безостановочно крутясь, сучить нитку. Встрѣтить женщину безъ этихъ атрибутовъ, значитъ или она больна, или очень бѣдна; за то доходъ отъ этого труда принадлежитъ ей, но это еще не значитъ, чтобы она его клала всецѣло въ свой карманъ, напротивъ она его расходуетъ на общую пользу семьи.

Самая лучшая сукна выдѣлываются въ Баксанскомъ и Хуламскомъ обществахъ, гдѣ они попадаются, хотя очень мало, цѣнностью въ 1 р. аршинъ. Сукно изготавливается кусками длиною въ 100 и болѣе аршинъ и въ $\frac{1}{2}$ ар. ширины, цвѣта преимущественно темно-стѣраго. Размеръ этого производства зависитъ отъ размѣровъ овцеводства и въ обществахъ распредѣляется такъ: Чегемское общество производить 414,500 ар., Баксанское 108500 ар., Балкарское 100,000 ар., Хуламское 41,000 ар. и Безенгіевское 27,000 ар., — итого 390,400 ар., приходится на дворъ 170 ар.

Вся эта масса сукна бываетъ за безцѣнокъ и, собственно говоря, въ руки горской женщины не перепадаетъ и гроша, потому что тутъ не продажа, а простая мѣна товара на товаръ. Ежегодно въ лѣтнее время селенія горцевъ наводняются имеретинами,—они то и являются единственными скупщиками горского сукна. Предварительно появленія въ горахъ, имеретины закупаютъ въ Москвѣ ситцы, бумаги, канаты,

шали, ярко-цвѣтные платки и тому подобные соблазны для горской женщины. Съ такимъ баластомъ они являются въ горы и раскидываютъ свои сѣти-лавочки отъ Баксана до балкарскаго Черека. Какъ только растворились имеретинскія лавочки съ соблазнительными товарами, такъ цѣлой вереницею потянулись женщины и малыя, и большія съ тяжеловѣсными тюками на своихъ плечахъ. Начинается самая оживленная и весьма характерная торговля, т. е. обмѣнъ товаровъ; совершается же это слѣдующимъ образомъ: приходятъ женщины съ свертками сукна (женщины въ одиночку не ходятъ,—всегда толпой, хотя при одномъ сверткѣ); торговцы, разсмотрѣвши сукно, выгружаютъ на прилавокъ свои ситцы и т. п. Если лавочный товаръ выбранъ цѣнностью въ 5—6 коп арш. (торговцы увѣряютъ, что у нихъ ситца въ покупкѣ менѣе 12 коп. ар. нѣтъ), то обмѣнъ идетъ локоть на локоть, т. е. мѣра эта идетъ по длини отъ оконечности средняго пальца до локтя, причемъ лавочный товаръ мѣряется маленькой имеретинъ съ короткими руками, а сукно большой имеретинъ съ длинными руками. Если же товаръ выбранъ цѣнностью въ 10—12 к. ар. (несомнѣнно, что такой высокой цѣны ситца въ лавкахъ нѣтъ); то сукно идетъ на аршины, а лавочный товаръ на локоть, равный $\frac{1}{2}$ ар. Когда же товаръ намѣченъ болѣе цѣнныи, какъ-то: дешевый шелкъ, кангуль, большие ярко-цвѣтные платки, шали и т. п., то тутъ уже существуютъ особья условія: или идетъ штука за штуку, смотря по количеству сукна, или еще дается что либо въ придачу. При обмѣнѣ большихъ кусковъ сукна въ 100 и болѣе ар. снисходительные торговцы даютъ въ бешкешъ своимъ выгоднымъ покупательницамъ—продавцамъ ярко-цвѣтный платочекъ, или что либо изъ шелка и кангула, а то даже дешевеньку шаль.

Имеретины увѣряютъ, что они горское сукно продаютъ въ Кутаисской губерніи по 20 к. ар., но торговцы изъ горцевъ говорятъ, что не менѣе, какъ за 35—40 к. ар.

Кромѣ сукна горскія женщины вырабатываютъ грубая бурки и плохія жидкая толсти, то и другое въ маломъ количествѣ; первыя идутъ преимущественно для собственнаго употребленія, а вторыя сбываются горскимъ евреямъ, торгующимъ въ Нальчикѣ, которые тоже являются своего рода вампирами горскаго населенія, имъ же сбывается и овечья

шерсть. Эта послѣдняя сбывается тѣми горскими семьями, въ которыхъ женщинъ нѣть или мало.

Горскіе евреи тоже зимой и лѣтомъ раскидываютъ свои сѣти-лавочки въ горскихъ селеніяхъ, обмѣнивая шелки, нитки, спички и мелкій красный товаръ на сырье, какъ то: овчины, турии шкуры и рога, кожи отъ скота и лошадей, шерсть, полсти и т. п. и навѣрняка пользуются барышемъ болѣе, чѣмъ въ 200%.

Перейдя къ путямъ сообщенія въ горскихъ обществахъ, я исключительно имѣю въ виду тѣ дороги, которыя служатъ для сообщенія съ плоскостью и главнымъ образомъ съ слоб. Нальчикомъ, который въ буквальномъ смыслѣ слова является жизненнымъ источникомъ, откуда горцы черпаютъ насущное продонольствіе. Раньше я указалъ, что горцы $\frac{2}{3}$ года должны покупать хлѣбъ (кукурузу); эти покупки совершаются на нальчикскихъ базарахъ по понедѣльникамъ. Вотъ почему дороги, идущія изъ горъ въ Нальчикъ, играютъ чрезвычайно важную роль въ экономическомъ быту горскаго населенія. Сами горцы вполнѣ сознаютъ, что хорошія колесныя дороги, выражаютъ собою поль-богатства, потому всѣ усилия ихъ съ давніаго времени направлялись на устройство этихъ дорогъ, но предоставленные своимъ собственнымъ силамъ безъ знанія и средствъ нѣкоторыя общества тратили большія деньги, но завѣтной цѣли не достигли. Въ этомъ отношеніи нагляднымъ примѣромъ могутъ служить общества Чегемское, Хуламское и Безенгіевское, первое затратило около 32 т. р. и вторыя два раза строили дорогу, затративъ до 50 т. р. и въ концѣ-концовъ эти дороги оказались непригодными къ колесному сообщенію.

Баксанское и Балкарское общества въ отношеніи путей сообщенія съ плоскостью находятся въ болѣе счастливыхъ условіяхъ. Благодаря топографическому положенію Баксанскаго ущелья, тамъ для проведения дороги не требовалось никакихъ особыхъ усилий и денежныхъ затратъ: дорога все время идетъ по берегу р. Баксана, то съ правой, то съ лѣвой ея стороны безъ всякихъ подъемовъ, но и здѣсь лѣтомъ, во время таянія снѣговъ, воды Баксана часто совершаютъ опустошенія, подмывая дорогу и смывая мосты. Строго-же говоря и эта дорога непригодна для колеснаго сообщенія.

Единственное общество Балкарское, благодаря трудамъ

г. Муратандова, имѣть прекрасную дорогу, стоящую до 42 т. руб. съ приплатою извѣстнаго количества скота и казенна-го пороху. Дорога закончена въ 1894 году и очень живописна; она идетъ на довольно значительномъ разстояніи въ высѣченной, отвѣсной скалѣ и, хотя имѣетъ небольшіе уклоны, вполнѣ годна для колеснаго сообщенія. И дѣйствительно съ проведе-ніемъ этой дороги многіе балкарцы обзавелись арбами и да-же европейскими экипажами.

Посмотримъ же, какъ отражается на населеніи и въ особынности на бѣднякахъ отсутствіе колеснаго сообщенія съ Нальчикомъ. Для закупки кукурузы горцы отправляются въ Нальчикъ верхомъ; сдѣлавъ покупку, они навьючиваютъ ту-же лошадь и возвращаются пѣшкомъ. Обыкновенно лошадь подымаеть 6 пудовъ. Превративъ у себя дома эту кукурузу самыи примитивнымъ способомъ въ муку, горецъ уже полу-чить не 6 пуд., а гораздо меныше, слѣдовательно для семьи съ среднимъ количествомъ душъ продовольствія хватить не-особенно надолго. Такимъ образомъ часто приходится совер-шать такія поѣздки въ Нальчикъ. Безлошадники же (ихъ много), чтобы привести себѣ продовольствіе, нанимаютъ ло-шадей у своихъ односельчанъ, и каждая такая поѣздка сто-ить 3 р., а привезеть провизіи рубля на 2. Сколько же этимъ несчастнымъ безлошадникамъ приходится выплачивать въ теченіе года?

Въ особынности затруднительнымъ становится доставка хлѣба, когда одновременно наступаетъ покосъ и жнитво, ког-да каждая минута дорога. Такую же неприглядную картину предсталяетъ собою доставка хлѣба во время дождей, а ихъ въ горахъ выпадаетъ обильно; вообще во время распутицы, кто близ-ко наблюдалъ эту картину, тотъ непремѣнно назоветъ ее народ-нымъ бѣдствіемъ. Правда, горцы къ этому привыкли, но тѣмъ не менѣе они съ зависью смотрятъ на своихъ сосѣдей Балкарцевъ, имѣющихъ колесное сообщеніе.

Самыя удобныя и доступныя тропы чрезъ главный хре-бетъ находятся въ Баксанскомъ ущельѣ. Здѣсь перевалы въ Сванетію: *Юсени* на высотѣ 11074 ф., *Донгузъ-орунъ*-10700 ф. и чрезъ ледникъ Азау *Чепергъ-азау*-10717 ф.; въ Карабай чрезъ ледникъ Азау и другой *Хутно-тау*-11634 ф. идеть по фирмовому снѣгу южнаго склона Эльбруса. Затѣмъ идутъ перевальная дороги изъ ущелья Адыль-су въ ущелье Адыръ-

су *Кай-аванъ-аумъз* на высотѣ 11480 ф., изъ ущелья Кыртыкъ въ ущелье р. Малки на Кисловодскъ *Кыртыкъ-аумъз* — 10640 ф. и изъ того же ущелья въ долину р. Гиягитъ *Суарикъ-аумъз* — 10563 ф.

Въ Хуламскомъ и Чегемскомъ ущельяхъ перевальныхъ дорогъ въ Сванетію нѣть, если не считать въ послѣднемъ ущельѣ очень трудно доступный перевалъ въ ущельѣ Гора-су.

Въ Валкарскомъ ущельѣ, въ уроцишѣ Штула имѣются два перевала одинъ *Гезе-въченъ* очень удобной ведетъ въ Сванетію и другой *Штулу-въченъ* на высотѣ 10.983 ф. ведетъ въ ущелье р. Уруха въ горную Дигорію. Кромѣ этихъ дорогъ имѣется много внутреннихъ дорогъ (горные тролы), служащихъ для сообщенія обществъ между собою и ведущихъ къ пастбищамъ, покосамъ и къ конямъ. Многія изъ нихъ не-безопасны для путешественниковъ.

VII

Языкъ горцевъ, какъ уже рапыше говорено, обще-татарскій, но съ большими отклоненіями отъ него, какъ въ измѣненіи многихъ словъ, такъ и въ произношеніи; въ этомъ отношеніи онъ представляется замѣчательный контрастъ съ обще-татарскимъ языкомъ. Татары вообще говорятъ тихо, скороговоркой, безъ всякихъ отѣнковъ въ рѣчи, тогда какъ горцы говорятъ вполнѣ, громко, нараспѣвъ, отчеканивая каждое слово, что дѣлаетъ этотъ языкъ очень пріятнымъ для слуха. Выработка языка въ смыслѣ интонаціи обусловливалась горной природою: въ горахъ при постоянномъ шумѣ и ревѣ горныхъ потоковъ нельзѧ говорить тихо и скоро. Кромѣ того рѣдкій изъ горцевъ въ молодости не былъ пастухомъ, а пастухи отдѣльныхъ стадъ (бараны), стоя другъ отъ друга на далекомъ разстояніи, всегда переговариваются между собою, поэтому при шумѣ рѣчекъ и на далекихъ разстояніяхъ на горныхъ возвышенностяхъ необходимо не просто разговаривать, а растягивать слова — пѣть и настолько громко пѣть, чтобы слышно было, о чёмъ идетъ рѣчь. Во многихъ слушаяхъ я былъ свидѣтелемъ, какъ пастухи — мальчики, находясь на противоположныхъ горахъ, въ промежуткахъ версты въ двѣ и болѣе, *) совершенно свободно между собою разгово-

*) Голосъ и рѣчь въ горахъ слышны на большихъ разстояніяхъ, чтобы на плоскости, объясняется это разрѣженіемъ въ горахъ воздуха.

варивали; я же, находясь тоже неблизко отъ разговаривающихъ и плохо понимая горскій языкъ, внятно слышалъ каждое слово. Между тѣмъ я пробовалъ на болѣе близкихъ разстояніяхъ перекликаться по--русски съ русскими, но ничего не выходило: мы слышали голоса другъ друга, но ни одного слова не могли разобрать. Находясь долгое время среди различныхъ народностей Терской Области, я пришелъ къ убѣжденію, по крайней мѣрѣ на мой личный взглядъ, что изъ всѣхъ нарѣчий туземцевъ съвернаго Кавказа самымъ пріятнымъ, отчетливымъ и музыкальнымъ является именно горское нарѣчие. Нѣчто похожее на горскій представляеть собой языкъ Кумыковъ, но они по сравненію съ горцами говорять скоро и тихо, что скрадываетъ музыкальность языка.

Горцы, исповѣдую мусульманскую религию, принадлежать къ шіитскому толку. Горская молодежъ по отношенію религіи является полными индифферентами, впрочемъ такое явленіе замѣчается и въ другихъ туземныхъ племенахъ. Старики-же аккуратно совершаютъ предписанная кораномъ ежедневныя молитвы. Въ горахъ почти нѣть людей, которые знали бы хоть мало-мальски коранъ и главныя религіозныя основы. Муллы и тѣ крайне невѣжественны; попадаются иногда единичные личности, нѣсколько обученные по--арабски: т. е. знающія коранъ, немного по--арабски и нѣсколько шаріатскихъ правиль, нужныхъ въ обыденной жизни.

Съ цѣлью религіознаго образованія въ нѣкоторыхъ большихъ селеніяхъ существуютъ такъ называемыя *Медрессе*, гдѣ обучаются мальчики, а иногда и дѣвочки; учителями являются тѣ же невѣжественные муллы. Софты или ученики собираются изъ разныхъ селеній и живутъ на счетъ общества, для этого они разгуживаютъ по ауламъ и собираютъ себѣ продовольствіе.

Горцы очень хорошо сложены: мужчины средняго роста, съ правильнымъ, немного продолговатымъ лицомъ, окаймленнымъ жиденькой бородкой и жиденькими усами, преимущественно шатены; стройная узкая талия; ходятъ медленно, нѣсколько наклоняя корпусъ впередъ, дѣлаютъ длинные шаги, къ чему пріучили ихъ родныя горы. Горская женщина вообще красива и очень стройна; на бѣломъ часто матовомъ, слегка подернутомъ румянцемъ лицѣ выразительно выглядываютъ большие черные глаза, окаймленные такими же черными рѣсницами; талия въ

строгомъ смыслѣ слова рюмочкой, вѣдь дома одѣта изящно; ходить прямо, но всегда съ наклоненной внизъ головой, къ чѣму пріучилъ ее обычай скрываться, стыдиться въ присутствии мужчинъ. Всѣ эти прелести имѣютъ мѣсто покуда она дѣвушкой, по выходѣ же замужъ и подъ вліяніемъ постоянной домашней и полевой работы, онъ скоро старѣются, тонкая талия исчезаетъ, онѣ дѣлаются неуклюжими, лицо тускнѣетъ и дѣлается какимъ-то сѣрымъ; словомъ дѣвушка и женщина въ физическомъ строеніи—это два совершенно различныхъ субъекта, имѣющіе между собою отдаленное сходство.

Горцы въ противоположность другимъ туземнымъ племенамъ отличаются необыкновенно хладнокровныемъ, спокойныемъ и добродушныемъ характеромъ. По преимуществу флегматического темперамента, они всякую несправедливость по ихъ адресу переносятъ удивительно добродушно, не горячатся, не сердятся и всегда далеки отъ какой бы то ни было мести своимъ недругамъ. Отнимите у него собственную вещь, онъ, если относительно горячаго темперамента, выразить свой протестъ на словахъ громкимъ голосомъ, а флегматикъ будетъ отмачиваться, протестуя легкой иронической улыбкой. Рѣдкій изъ горцевъ прибѣгнетъ къ активнымъ дѣйствіямъ, чтобы защитить свою особу отъ причиненныхъ обидъ, или чтобы возвратить отнятую у него вещь. Ношеніе оружія туземцами въ значительной степени увеличиваетъ кровавыя преступленія, совершаемыя при воровствѣ или въ дракахъ и ссорахъ; это совершенно справедливо по отношенію къ какимъ хотите туземцамъ, но только не къ горцамъ. Я лично не однажды наблюдалъ ссорящихся между собою горцевъ; въ однихъ случаяхъ дѣло кончалось крупной бранью, а въ другихъ общей потасовкой на кулакахъ или палкахъ, въ тѣхъ и другихъ случаяхъ ссорящіеся были прикижалахъ, но никто изъ нихъ не только не обнажалъ ихъ, но и не дотрогивался до ноженъ.

Тоже самое по отношенію нравственности: можно съ уверенностью сказать, что изъ всѣхъ туземныхъ народностей Терской области и пожалуй всего Кавказа населеніе пяти горскихъ обществъ является самымъ нравственнымъ, честнѣйшимъ, тихимъ и трудолюбивымъ племенемъ. Какъ, известно, самое большое зло, вытекающее изъ нравственности и темперамента туземцевъ,—это постоянное ското-коннокрадство, убийства изъ корыстныхъ цѣлей и т. п. дѣйствія криминаль-

наго свойства. Между тѣмъ эти художества положительно неизвестны горцамъ. Ихъ табуны лошадей, гулевой и дойный рогатый скотъ всегда пасутся далеко въ горахъ безъ всякаго присмотра; пастухи бывають только для овецъ. Часто бываетъ, что хозяева, когда нѣтъ надобности въ лошадяхъ и быкахъ, не видяще ихъ цѣлый пастбищный сезонъ, а при надобности по цѣлымъ днямъ отыскиваютъ ихъ по разнымъ горнымъ трущобамъ, и не было примѣра, чтобы лошадь или скотина пропадала чрезъ воровъ горцевъ. Въ этомъ отношеніи баксанцевъ и балкарцевъ тревожатъ свасти, отличные конно-скотокрады, поэтому эти общества въ лѣтнее время въ верховьяхъ своихъ ущелій держать караулъ.

Силошь и рядомъ лѣтомъ, въ дневное время, можно встрѣтить оставленные пастухами коши на открытомъ воздухѣ; прохожіе или проѣзжающіе могутъ на этихъ кошахъ утолить голодъ сыромъ и жажду айраномъ (кислое молоко) и продолжать свой путь, не тронувъ ничего изъ оставленнаго. Таковъ обычай. Любой горецъ или охотникъ, подымаясь на высоты горъ, свободно оставляютъ на тропѣ свою бурку и другую одежду, обременительную при подъемахъ, въ полной увѣренности, что имъ оставленное можетъ лежать сколько угодно времени никѣмъ не тронутое. Тамъ въ горахъ нѣтъ надобности имѣть ни днемъ, ни ночью толстые засовы и дверные замки, все можетъ быть открыто и никто ничего не тронетъ. Не надо думать, что такое честное отношеніе горцевъ къ чужому добру относится только къ односельчанамъ; нѣтъ, оно одинаково равносильно и къ чужимъ пришлымъ людямъ и соѣдямъ, и въ этомъ отношеніи я могъ бы привести много примѣровъ честности горцевъ, но полагаю, что нѣтъ надобности удлинять свой очеркъ. Объ убийствахъ, пораненіяхъ и говорить нечего, даже въ прежнее время пресловутая кровная месть сопровождалась въ большинствѣ случаевъ не убийствами, а вознагражденіемъ потерпѣвшихъ деньгами или скотомъ.

Горцы, какъ всѣ туземцы Кавказа, гостепріимны, но не въ такой степени, какъ другія народности, какъ напр., кабардинцы, чеченцы и др. Болѣе гостепріимны Баксанцы, менѣе Чегемцы. Вообще же надо замѣтить, что горцы, обитающіе въ глубинѣ горъ, менѣе гостепріимны, чѣмъ плоскостные туземцы.

При всѣхъ хорошихъ качествахъ горцевъ, они крайне нечистоплотны; впрочемъ, въ этомъ отношеніи они . только отражаютъ общую черту, свойственную почти всѣмъ туземцамъ. Правда, въ сакляхъ (дворы у рѣдкихъ жилищъ имѣются) какъ будто чисто: они аккуратно подметаются, но за то на улицахъ соръ, всевозможные отбросы, навозъ, тутъ же на улицахъ выбрасываемый съ кручъ и издающій страшное зловоніе. На кошахъ, прочно устроенныхъ, творится нечто невообразимое: остатки отъ молочныхъ продуктовъ выбрасываются и выливаются у самыхъ дверей; постепенно накапляясь и смыкаясь съ пометомъ скота и овцѣ, они обращаются въ сплошные болота, при приближеніи къ которымъ въ буквальномъ смыслѣ слова надобно зажимать носъ.

Горцы бѣлья почти никогда не мнѣяютъ и не моютъ до тѣхъ поръ, покуда оно не истлѣеть у нихъ на плечахъ. Бываетъ и такъ, въ особенности на кошахъ: снимутъ съ себя рубахи, пополощутъ въ холодной водѣ, высушатъ и опять одѣнуть. Мужчины, прикрытые бешметами, черкесками, бурками и т. п., не такъ еще обнаруживаютъ грязь бѣлья и тѣла, за то въ этомъ отношеніи крайне непріятное впечатленіе на непривычнаго человѣка производить горская женщина: женщины у себя дома всегда бываютъ въ одѣяхъ широчайшихъ панталонахъ и длиннѣйшихъ съ широчайшими и длиннѣйшими рукавами рубахахъ; этотъ незатѣйливый костюмъ, часто оборванный, едва прикрываетъ голое тѣло и до того грязенъ, что положительно становится невозможнымъ опредѣлить первоначальный цветъ его. Особенно некрасивую картину представляеть горская женщина, когда она въ этомъ грязномъ костюмѣ, вываливъ полнотю свои длинныя, отвислые и грязныя груди, при всемъ честномъ народѣ кормить своего ребенка. Совсѣмъ не рѣдкость встрѣтить въ горскихъ лугахъ, около дверей сакель, на плоскихъ крышахъ, на площадкахъ такого рода характерныя идилии: сидѣть молодая женщина, передъ ней растянулся молодой горецъ, положивъ голову на ея колѣна; она ищетъ въ его головѣ желто-серыхъ паразитовъ и тутъ же между ногтями пальцевъ предаетъ ихъ смерти. *) Такія обычныя занятія нисколько не шокируютъ дѣйствующихъ лицъ даже и тогда, когда прохо-

*) Это занятіе столь обыденное явленіе, что горцы на этотъ предметъ придумали загадку: «Между двухъ горокъ убитая овца.»

жие или проезжающие не-горцы останавливаются полюбопытствовать на эту идиллию. Пастухи же на кошахъ употребляютъ другой способъ: они просто—напросто снимаютъ съ себя бѣлье и трусятъ его надъ костромъ; отъ падающихъ въ огонь паразитовъ раздается только учащенный трескъ. Если вы поспите на горской постели, то утромъ ваше бѣлье или платье будутъ изображать пастбища, на которыхъ пасутся жаждущіе вашей крови паразиты.

Современный культурный человѣкъ, прежде временно увядашій, съдѣюшій, теряющій зрѣніе, зубы, волосы и обремененный всевозможными хроническими болѣзнями, можетъ вполнѣ позавидовать дѣтямъ горь, которымъ эти илоды современного просвѣщенія незнакомы.

Выносливость горцевъ при всѣхъ невзгодахъ жизни поистинѣ изумительна. Къ холоду они такъ привыкаютъ, что ходятъ босикомъ и въ одиѣхъ рубахахъ даже зимой по снѣгу. На кошахъ мальчики и взрослые, изъ которыхъ составляется весь контингентъ горцевъ—мужчинъ, находясь постоянно и днемъ, и ночью подъ открытымъ небомъ, подвергаются всѣмъ стихійнымъ невзгодамъ: туманамъ, вѣтрамъ, дождямъ и снѣгу, а между тѣмъ для защиты нѣть ничего, грязное и дырявое исподнее бѣлье и на плечахъ накинутые дырявныя пальтишки, или куски шерстяной матеріи, или, наконецъ, что-то такое, которое когда-то именовалось буркою. Затѣмъ крайне скучное питаніе въ качествѣ и количествѣ; въ особенности на кошахъ пастухи просто-таки голодаютъ. Несмотря, однако, на все это горцы до самой глубокой старости пользуются отмѣннымъ здоровьемъ, почти никогда не болѣютъ и большинство доживаетъ до 100 и болѣе лѣтъ. Въ 70—80 лѣтъ они еще не считаются старыми людьми, по крайней мѣрѣ на видъ имъ можно дать не болѣе 50 лѣтъ: ни одной сѣдины, вѣнѣніе и слухъ остры, ноги крѣпки и ходки, бѣлые зубы цѣлы и крѣпки и т. д., поэтому эти старики наравнѣ съ молодыми исполняютъ всѣ работы дома и въ полѣ. Въ Баксанскомъ ущельѣ я не вездѣ, а такъ, между прочимъ, записалъ поименно больше 20 человѣкъ мужчинъ и женщинъ въ возрастѣ отъ 70 до 120 лѣтъ (послѣдній возрастъ преобладаетъ) и крайне сожалѣю, что не вѣль правильную статистику старческому возрасту во всѣхъ пяти горскихъ обществахъ, чтобы такъ сказать, этими краснорѣчивыми цифрами потвердить свое пока-

заніе. Само собою разумѣется, что и горцы не гарантированы отъ простудныхъ болѣзней; они также болѣютъ лихорадкой и разными острыми воспаленіями, но гораздо рѣже, чѣмъ культурные люди. Также горцы не избавлены отъ дѣтскихъ болѣзней: дифтерита, скарлатины и т. п., хотя болѣютъ ими тоже рѣдко; но когда эти болѣзни посѣщають горы, то дѣти мрутъ, какъ мухи. Горецъ плохо вѣрить въ русскую медицину и очень рѣдко обращается къ участковому фельдшеру или окружному врачу, да и послѣдніе совершенно бессильны оказать существенную пользу населенію: фельдшеръ и врачъ принимаютъ всевозможныя мѣры изоляціи больныхъ дѣтей, прописываютъ лѣкарства, дѣлаютъ указанія по санитарной части и т. п.; но всѣ эти благія мѣры и указанія разбиваются прахомъ о косность и невѣжество горцевъ; уѣхали врачъ и фельдшеръ, и все остается по старому: женщины съ малыми и грудными дѣтьми, по обычаю, продолжаютъ посѣщать дома, где есть больные и умершія дѣти, навозъ и грязь продолжаютъ царить всюду, отсюда широкое распространеніе дѣтской эпидеміи, которая, безпрепятственно разгуливая по домамъ, косить и косить дѣтей.

Эпидемическихъ болѣзней, вродѣ холеры, горы не знаютъ. Въ 1892 году, во время холеры въ Россіи и Терской области, когда кругомъ пососѣству горы въ Нальчикѣ и Кабардѣ умирала масса народу, въ горскомъ населеніи не только не было ни одного случая смерти, но и самая болѣзнь отсутствовала.

Русская грамота въ горскомъ населеніи почти отсутствуетъ. Въ нальчикской горской школѣ изъ горцевъ обучается очень мало, а въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и того меньше. Объясняется это различными причинами: горское населеніе замкнуто въ своихъ мало доступныхъ, далеко отъ русскихъ поселеніяхъ, родъ сельскохозяйственныхъ занятій, необщеніе горцевъ за ненадобностію съ жителями плоскости, свой словесный горскій судъ, все это въ совокупности дѣлаетъ положеніе горцевъ изолированнымъ отъ тѣхъ элементовъ, которые могли бы послужить имъ толчкомъ къ сознанію пользы просвѣщенія. Тѣ же горцы, которые сознаютъ пользу русской грамоты и желали бы воспитывать своихъ дѣтей въ русскихъ школахъ, за недостаткомъ средствъ не могутъ этого достигнуть, такъ какъ воспитывать своихъ дѣтей имъ приходится всегда на свой счетъ. Въ горской школѣ горцевъ при-

нимаютъ очень мало, ибо школа преимущественно наполняется кабардинцами и даже осетинами и русскими. Существующія стипендіи изъ общей кабардинской горской суммы получаются исключительно кабардинцы, даже тѣ, которые въ этихъ стипендіяхъ не нуждаются. И это очень понятно: стипендіи назначаетъ сходъ кабардинцевъ и горцевъ, а такъ какъ первыхъ въ нѣсколько разъ больше вторыхъ, то, очевидно, перевѣсь въ назначеніи стипендій имѣютъ кабардинцы. Другимъ факторомъ, мѣшающимъ горцамъ обучать своихъ дѣтей русской грамотѣ и вообще давать имъ порядочное воспитаніе, есть нужда въ рабочихъ рукахъ: вслѣдствіе обширнаго горскаго скотоводства дѣти почти съ самыхъ малыхъ лѣтъ становятся серьезными помощниками своихъ родителей или родственниковъ. Отдавая дѣтей въ ученіе, надо, въ такомъ случаѣ, нанимать работниковъ; выходятъ двойные расходы; за обученіе дѣтей и работникамъ надо платить, что уже не по силамъ не только бѣднякамъ, но мало-мальски зажиточнымъ людямъ.

Такимъ образомъ, отсутствіе грамотности среди горскаго населенія вытекаетъ, кроме слабаго сознанія въ пользу просвѣщенія, еще изъ сложившихся для него неблагопріятныхъ обстоятельствъ. А между тѣмъ очень недалеко то время, когда горцы будутъ ощущать настоятельную потребность въ русской грамотѣ: горнозаводская промышленность въ Терской области уже теперь обнаруживаетъ интенсивно—лихорадочную дѣятельность, и мы стоимъ на рубежѣ того знаменательнаго времени, когда во многихъ углахъ нагорной полосы застучать молотъ и кирка, извлекая изъ горныхъ нѣдръ минеральная богатства. На почвѣ такихъ постепенно возникающихъ новыхъ условій горской жизни, съ одной стороны земельная собственность, какъ главный факторъ народной жизни и горнозаводской промышленности, сдѣлается объектомъ частаго движенія путемъ купли—продажи, залоговыхъ и арендныхъ договоровъ и т. п., но такъ какъ обычные горскіе суды отойдутъ въ вѣчность, то всѣ указанныя сдѣлки будутъ совершаться на основаніи нашихъ общихъ законовъ; съ другой стороны, помимо земельныхъ сдѣлокъ, постоянное сношеніе горцевъ по общимъ дѣламъ съ пришлымъ образованнѣмъ элементомъ, все это при отсутствіи знаній и грамотности въ значительной степени неблагопріятно отразится на экономическомъ бытѣ горскаго населенія.

Въ количественномъ отношеніи, какъ я уже сказалъ, горцы питаются очень мало. Главная пища ихъ молочные продукты и лепешки изъ кукурузной и ячменной муки, испеченные въ горячей золѣ. Молоко въ сыромъ видѣ горцы никогда не употребляютъ, оно перерабатывается въ сыръ и «айранъ». Сыръ изготавливается обыкновеннымъ способомъ посредствомъ сычужной закваски. Такъ какъ горцы не имѣютъ своей соли, а приходится ее покупать, то многіе бѣдняки употребляютъ сыръ въ свѣжемъ—сладкомъ видѣ; такой непросоленный сыръ не можетъ долго сохраняться, въ особенности въ лѣтнее время. Зажиточные же горцы, имѣющіе много овецъ и скота и могущіе покупать соль, заготовляютъ сыръ въ прокѣ. Другой молочный продуктъ—айранъ или кислое молоко приготавливается тоже путемъ закваски изъ кислаго—же молока; этотъ прекрасный и здоровый напитокъ или пища горцевъ, приготовляемый ежедневно на кошахъ преимущественно изъ коровьяго молока, въ бурдюкахъ свозится въ селенія. Вотъ два продукта, составляющіе главную пищу горцевъ. Хлѣбъ изъ кукурузы или ячменя бѣдныя семьи не всегда имѣютъ, а пастухи на кошахъ почти его не видятъ. Богатые горцы їдятъ и пшеничный хлѣбъ, режутъ барановъ и заготовляютъ мясо на зиму посредствомъ конченія или сушки. Кромѣ сказаннаго, въ горахъ въ малыхъ количествахъ варятъ пиво изъ ячменя и овса; затѣмъ, какъ пища имѣется *кефиръ*, который, какъ известно, за послѣдніе года получилъ широкое распространеніе, какъ лѣчебный продуктъ. Кефира въ пяти горскихъ обществахъ мало, больше его въ Балкаріи, а въ самыхъ большихъ количествахъ въ Карабаѣ, Кубанской области. Первоначальное происхожденіе эластичныхъ зеренъ кефира никто не знаетъ, знаютъ только, что онъ въ молокѣ сильно размножается. Въ 1881 году лаборантъ Московскаго университета, сдѣлавши анализъ кефира, нашелъ, что онъ состоить изъ мельчайшихъ микро-организмовъ, служащихъ ферментомъ для окисленія молока. Интересно повѣрье горцевъ на счетъ кефира: если кто добровольно отдаетъ часть кефира въ чужія руки, то онъ у хозяина долженъ изсякнуть, поэтому, чтобы воспользоваться кефиромъ, надо его украсть, что не считается предосудительнымъ. Впрочемъ, это повѣрье за послѣднее время стало мало по малу исчезать.

Жилища горцевъ во всѣхъ пяти обществахъ построены по одному типу съ тою только разницею, что на Баксанѣ при обилии лѣсного материала сакли выстроены изъ толстыхъ сосновыхъ бревенъ, а въ остальныхъ обществахъ они сложены изъ безформенныхъ камней безъ всякихъ цементныхъ и иныхъ скрѣплений. Такъ какъ горскія селенія обыкновенно ются у подножія скалъ и высокихъ крутизнь, то сакли располагаются террасами и часто бываетъ, что плоскія крыши нижнихъ домовъ служатъ дворами верхнихъ. Большинство сакель состоить изъ трехъ искусственныхъ стѣнъ, а четвертая естественная, прилегающая къ скалѣ или крутизнѣ. Эти сакли представляютъ изъ себя прямоугольникъ въ одну довольно просторную комнату съ землянымъ поломъ, вымазаннымъ глиною. Съ одного края сакли дверь, съ другого отверстіе въ видѣ окна, а посрединѣ очагъ—каминъ въ уровень съ поломъ; очагъ этотъ—внизу широкій—постепенно суживается кверху и заканчивается на крышѣ изъ хвороста трубою въ видѣ усѣченного конуса, обмазанного глиной, а то и простымъ отверстіемъ въ крышѣ (Балкарія). По срединѣ отверстія очага вставленъ деревянный брускъ, къ которому прикрѣплена желѣзная цѣпь (*сынжиръ*), спускающаяся до низу; на этой цѣпи вѣшаются мѣдный или чугунный котель. Подъ самыемъ отверстіемъ помѣщается два желѣзныхъ бруска, покрытыхъ грифельной доской или гладкимъ плоскимъ камнемъ для печенія хлѣба; это послѣднее приспособленіе бываетъ только у богатыхъ, бѣдные же пекутъ свои каржини (хлѣбъ) въ горячей золѣ. Въ сакляхъ во всю длину стѣнъ идутъ въ одинъ или въ два ряда полки изъ простыхъ досокъ; на этихъ полкахъ на первомъ планѣ красуются принадлежности постели: перины, громадныя подушки и толстая одѣяла; все это симетрично и аккуратно уложено другъ на другѣ; затѣмъ на этихъ полкахъ размѣщается посуда: каменные бѣлые чашки фабричной работы, деревянные чинаки и чашки, глиняные кувшички, разнаго сорта бутылки, разныхъ формъ жестяные коробки изъ подъ консервовъ и конфектъ и тому подобный хламъ, имѣющій въ глазахъ полуудицаго горца—цастуха нѣкоторую цѣнность. Тутъ же въ сакль деревянныя кадушки и ведра, принадлежности для доенія коровъ и изготавленія сыра и айрана. Часто бываетъ, что тутъ же въ сакль ночуютъ курица съ цыплятами и новорожденные телки и ягнята.

Центральная часть сакли, «подобно атріуму, считается главною частью двора и играетъ важную роль во всѣхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ семьею или отъ ея имени: тутъ решаются вопросы объ отдачѣ въ замужество и о полученіи платы за кровь; ищущій убѣжища преступникъ старается прежде всего проникнуть въ это помѣщеніе; разъ онъ вошелъ подъ его кровлю,—онъ считаетъ себя спасеннымъ отъ преслѣдованій и по обычаю не можетъ быть выданъ, будь онъ даже виновникомъ смерти кого либо изъ домочадцевъ. Помѣщеніе съ очагомъ является одновременно и кухней, и столовой; въ немъ каждому отведено свое мѣсто: прислугѣ нальво отъ очага; хозяїкѣ направо; хозяину же посрединѣ. Это-же помѣщеніе служитъ залою для увеселеній; если танцы не происходятъ на воздухѣ передъ саклею, то для нихъ нѣтъ другого мѣста, кромѣ столовой. Фамильныя торжества, какъ общее правило, отправляются исключительно здѣсь. Наконецъ и въ семейномъ культе общая кухня играетъ главную роль: въ ней производятся всѣ поминки по мертвѣцамъ и приносятся въ ихъ честь всякаго рода жертвоприношенія»*).

Само собою разумѣется, что у богатыхъ горцевъ имѣется не одна сакля, а есть, такъ называемая кунацкія для приема гостей и другія помѣщенія для женщинъ и кухни.

Среди занятій, пользующихся у горцевъ особыннымъ уваженіемъ, первое мѣсто принадлежитъ охотѣ.

Горскіе охотники никогда на первнатую дать не охотятся, а объектомъ ихъ дѣйствій служатъ звѣри: туры, серны, дикия коzy, олени, медвѣди и кабаны, но преимущественно туры. Здѣсь въ горахъ нѣтъ того обычая, какъ въ Швейцаріи, гдѣ выдающіеся охотники отмежевываютъ себѣ известныя горныя пространства для охоты и никто другой не смѣеть появляться въ этихъ мѣстахъ. Напротивъ здѣшніе охотники могутъ распространять свои дѣйствія везде, гдѣ пожелають, но всегда предпочтитають свои родныя ущелья, какъ болѣе ими изученные.

Когда на охотѣ нѣсколько человѣкъ, то тотъ, кто убилъ звѣря, беретъ себѣ голову и верхнюю часть груди, остальное дѣлится поровну; кожа дѣлится между всѣми охотниками на равныя части. При встрѣчѣ охотниковъ съ посторонними лицами каждый изъ нихъ обязанъ дать имъ нѣкоторую долю

*). М. Ковалевскій, «Законъ и обычай на Кавказѣ», Т. I, стр. 200 и 201.

изъ своей части. Когда убитый звѣрь оставленъ въ полѣ за невозможностью нести его одному человѣку или по другимъ причинамъ, охотникъ отрѣзываетъ голову или потрошить внутренности и отправляется въ аулъ или на конь за помощью; оставленнаго въ полѣ звѣря никто не тронеть.

По обычаю старшій предлагаетъ младшему первому стрѣлять но это не больше, какъ церемонія: младшій все-таки предоставляетъ старшему первый выстрѣлъ. Когда охотникъ охотится съ гостемъ, то первый выстрѣлъ обязательно предоставляется послѣднему, хотя бы онъ былъ гораздо моложе охотника. Если раненый звѣрь ушелъ и убитъ другимъ охотникомъ, то право первенства въ дѣлѣ принадлежитъ первому охотнику.

О количествѣ истребляемыхъ туровъ я говорилъ раньше, прибавлю только, что эти благородныя животныя истребляются охотниками во всякое время года, не обращая вниманіе на существующій законъ обѣ охотѣ, если у горцевъ появится усовершенствованное дальнобойное оружіе, то турамъ грозить полное истезновеніе.

VIII

Женщины у горцевъ, какъ у всѣхъ некультурныхъ народностей Сѣвернаго Кавказа, считаются существами низшими, онъ не болѣе какъ самки. Жена и дочери въ домѣ не имѣютъ другой воли, кромѣ воли мужа и отца. Инициатива во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ исключительно принадлежитъ главѣ семьи, хотя часто въ разнаго рода дѣлахъ онъ совѣтуется съ женой и съ старѣшими женщинами; но эти совѣты нисколько не стѣсняютъ его поступать по своему усмотрѣнію. Женщины никогда не могутъ бѣсть за однимъ столомъ съ мужчинами и въ присутствіи ихъ должны стоять. Жена никогда и нигдѣ не можетъ произносить имя мужа. На женщинѣ лежитъ вся домашняя работа; ея трудолюбіе изумительно; она не работаетъ только тогда, когда спитъ, а спитъ очень мало. Она обшиваетъ и себя, и всѣхъ мужчинъ въ домѣ; у очага ея неотъемлемое мѣсто; она рубить дрова, чистить конюшни и дворы, дѣлаетъ кизяки, ткетъ сукно, валиаетъ полсти и бурки, встрѣчаетъ съ пастьбы и доить коровъ, вмѣстѣ съ мужчинами стрижетъ овецъ, въ полѣ уби-

раеть съно, жнеть и т. д., и т. д. Одновременно съ этими разнообразными работами она успѣваетъ нянчиться съ дѣтьми, кормить, забавлять и укладывать ихъ спать. Это послѣднее обстоятельство является для женщины—работницы ужаснейшей обузой, потому что въ силу обычая отцы не только не ухаживаютъ за своими дѣтьми, но даже не имѣютъ за ними мало—мальски призора. Этотъ ничѣмъ неоправдываемый и своеобразный обычай доходитъ до полнаго отрицанія человѣколюбія, а тѣмъ паче къ собственнымъ дѣтямъ: отцы и пальцемъ не пошевелятъ и ни въ какомъ случаѣ не подадутъ руку помоши своимъ дѣтямъ даже тогда, когда имъ грозить опасность гибели илиувѣчья; въ этомъ случаѣ они ограничиваются громкимъ призывомъ на помощь жены или другихъ женщинъ. Отца нельзя поздравить съ новорожденнымъ —это стыдно.

Абсолютная подчиненность женщины мужчинѣ въ семье рѣзко сказывается и въ дома: при встрѣчахъ мужчинѣ съ женщинами где бы то ни было, послѣднія спѣшатъ посторониться, отойти въ сторону и всѣмъ корпусомъ повернуться въ противоположную сторону; когда сидять, обязаны встать, даже когда юдутъ на арбѣ или верхомъ, то и тогда должны хоть немного приподняться. Поворачиваться при встрѣчѣ съ женщиной корпусомъ въ противоположную сторону обязательно только для дѣвушекъ; для старыхъ и пожилыхъ женщинѣ допускается исключеніе. Женщины вообще отъ природы очень любопытны, и въ этомъ отношеніи горянки не составляютъ исключенія; поэтому задавно наблюдать борьбу между любопытствомъ и стыдливостью молодыхъ дѣвушекъ горянокъ при встрѣчѣ ихъ съ рѣдкими посѣщеніями горь.

✓ При всемъ приниженніи положеніи женщины, горцы все-таки смотрятъ на нее какъ на слабое созданіе въ смыслѣ физическомъ и въ этомъ отношеніи оказываютъ ей уваженіе. Въ противоположность чеченцамъ, ингушамъ и горному Дагестану, здѣсь въ пяти горскихъ обществахъ нельзя встрѣтить, чтобы мужчина юхалъ верхомъ, а женщина рядомъ съ нимъ шла бы пѣшкомъ, или женщина шла бы съ тяжелою ношею, а мужчина съ пустыми руками, тутъ происходитъ какъ разъ обратное.

Горскія женщины юздятъ верхомъ троекимъ образомъ: дѣвушки обыкновенно сидять на колѣняхъ у мужчины, спу-

стивъ ноги въ одну сторону; женщины или сидять по мужески въ сѣдль, а сзади на крупѣ лошади сидить мужчина и править ею, или ъздятъ самостоятельно; въ послѣднемъ случаѣ иногда мужчина ведетъ лошадь въ поводу.

✓ Типъ горскихъ женщинъ, какъ говорено выше, красивый, и между дѣвушками можно встрѣтить положительныхъ красавицъ; но красота эта умаляется отсутствіемъ бюста, искусственно задержанного въ своемъ естественномъ развитіи. Дѣло въ томъ, что дѣвушки съ ранняго возраста зашиваются въ кожаный корестъ, который носится вплоть до замужества и только одинъ мужъ можетъ распороть его. Такимъ образомъ, задержанный въ своемъ естественномъ развитіи, бюстъ дѣвушки представляетъ плоскую доску.

✓ У себя дома женщины въ горскихъ обществахъ держатся съ мужчинами свободно, а молодежь обоего пола часто и совершенно безпрепятственно сходится на вечеринкахъ, свадьбахъ и т. п. увеселеніяхъ, устраиваемыхъ въ просторныхъ сакляхъ (зимой) и въ «предверьяхъ» или на просторныхъ площадкахъ (лѣтомъ). На этихъ увеселительныхъ сходкахъ дѣвушки и парни относятся другъ къ другу совершенно свободно, шутить, вслухъ отпускаютъ очень вольныя любезности и т. п. На этихъ собраніяхъ обыкновенно стоять группами—дѣвушки отдѣльно и парни отдѣльно. Изъ танцевъ обще-распространенный и любимый танецъ—лезгинка; танцуютъ подъ звуки гармоніи и хлопанья въ ладоши. Молодыя замужнія женщины по обычаю не могутъ ни играть на гармоніи, ни принимать участіе въ танцахъ. Вызовъ къ танцамъ происходитъ такъ: танецъ начинаетъ одинъ парень; онъ танцуя приближается къ избранной имъ дѣвушкѣ, останавливается предъ ней, продолжая выдѣлывать «па» на одномъ мѣстѣ, и слегка наклоняетъ корпусъ въ сторону дѣвушки; это продолжается до тѣхъ поръ, покуда дѣвушка не выйдетъ танцевать. Такимъ образомъ составляется пара. Если парень раньше отсталъ, а дѣвушка продолжаетъ танцевать одна, то она такимъ же маневромъ вызываетъ парня. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ дѣвушки наряжаются въ праздничныя одежды: сверхъ длинной шелковой рубахи съ широчайшими рукавами онѣ одѣваютъ разноцвѣтные шелковые бешметы съ широкими полами, спускающимися до самой земли, и съ очень узкими рукавами; талию обхватываетъ широкій подъ серебро

поясъ; края широкихъ рукавовъ рубахи обязательно должны выходить наружу изъ подъ узкихъ рукавовъ башмета; на голову накидывается шелковый платокъ, обматываемый черезъ шею; во время танцевъ широкія рукава рубахи развиваются по воздуху, напоминая крылья фантастической птицы.

Несмотря на то, что горская девушка въ замужество покупается (кальмы) и этимъ даетъ своимъ родителямъ некоторую материальную помошь, и чѣмъ больше дочерей, тѣмъ эта помошь больше, однако, горскія семьи желаютъ имѣть больше мальчиковъ, чѣмъ девушки. Обусловливается это чисто экономическими соображеніями: горцы по преимуществу скотоводы, а за скотомъ ухаживаетъ и берегаетъ его исключительно мужчина; вотъ почему горской семье всегда желательно имѣть детей мужского пола: девушки принесутъ ли кальмы или нетъ — это вопросъ далекаго будущаго, тогда какъ мальчики съ 5—6 лѣтъ дѣлаются помощниками на лѣтнихъ кошахъ.

Многоженства всѣ пять горскихъ обществъ почти не знаютъ; двѣ жены — это величайшая рѣдкость; объясняется это не только экономическими условіями, но и просто обычаемъ.

Бракъ у горцевъ совершается по свободнымъ договорамъ и по правиламъ шаріата. Когда намѣчена невѣста, родители жениха или самъ женихъ посылаютъ довѣренное лицо въ домъ невѣсты для переговоровъ. Въ случаѣ согласія родителей невѣсты, приступаютъ къ заключенію брачнаго обряда, называемаго «накяхъ». При этомъ выговаривается размѣръ калыма и подарки отъ жениха родителямъ и родственникамъ невѣсты.

Обрядъ вѣнчанія заключается въ слѣдующемъ: родственники жениха, или онъ самъ, и родственники невѣсты, или вообще избранные посредники, преимущественно старики, приходятъ къ муллѣ или эфендю и заявляютъ ему, что такие-то желаютъ вступить въ бракъ. Тогда мулла отъ себя посылаетъ кого либо къ невѣстѣ для троекратного опроса ея согласія; согласіе, конечно, получается, ибо желаніе родителей для дочери законъ. По полученіи отъ невѣсты согласія, посредники въ присутствіи муллы берутся за руки такъ, чтобы большиe пальцы были соединены вмѣстѣ и вытянуты вверхъ; мулла правой рукою обнимаетъ пальцы въ видѣ кольца и три раза спрашиваетъ посредниковъ, желаютъ ли ихъ довѣритель и довѣрильница соединиться бракомъ. Послѣ утвердительного отвѣта

мудла читает молитву, и тѣмъ совершаются религіозный обрядъ вѣнчанія.

Если послѣ совершенія этого обряда женихъ отказываетъся отъ невѣсты, то онъ уплачиваетъ половину условленнаго калыма въ томъ случаѣ, когда не воспользовался еще супружескими правами; въ противномъ случаѣ уплачиваетъ калымъ полностью. Исключеніе бываетъ въ томъ только случаѣ, когда обнаружится въ невѣстѣ изъянъ, который былъ скрытъ до и во время совершенія накяха, напримѣръ, лишеніе дѣственности или физические недостатки. Бываетъ и такъ, что дѣвушка, согласно желанию своихъ родителей, изъявить согласіе на замужество, любя другого; тогда она по взаимному тайному уговору съ своимъ возлюбленнымъ позволяетъ выкрасть себя. Въ такихъ случаяхъ первый бракъ уничтожается, когда дѣвушка открыто заявить, что это произошло съ ея согласіемъ.

Когда есть согласіе на бракъ, но у жениха нѣтъ калыма, то въ подобныхъ обстоятельствахъ претендентъ съ товарищами выкрадываетъ дѣвушку, и родители послѣдней волей—неволей должны мириться съ совершившимся фактомъ, ибо въ этихъ случаяхъ накяхъ заключается безъ ихъ участія. Но если умыканіе произведено безъ согласія дѣвушки, и она это открыто заявить, то такой бракъ по шарлату не считается дѣйствительнымъ.

Послѣ заключенія накяха невѣста, смотря по условію, можетъ оставаться въ родительскомъ домѣ болѣе или менѣе продолжительное время (бываетъ годъ и два). Въ это время она, ея родные и подруги приготовляютъ приданое. Какъ только пара объявлена женихомъ и невѣстою, и накяхъ заключенъ, то они уже не могутъ видѣться явно, а дѣлается это тайно при содѣйствіи родственницъ невѣсты.

Когда наступаетъ условленное время венчанія невѣсты въ домѣ жениха, или его родственниковъ, или, наконецъ, у знакомыхъ (первоначально невѣста должна пребывать не въ домѣ жениха, а въ чужомъ), и если невѣста живетъ въ другомъ аулѣ, то для привода ея снаряжается цѣлая экспедиція изъ молодежи, которая верхомъ, по прибытии въ селеніе невѣсты, направляется къ ея сакль. Въ это время молодые женщины и дѣвушки загораживаютъ ей дорогу, требуя выкупа, т. е. подарки за снаряженіе невѣсты. Молодые

люди отъѣзываются шутками и мѣдными деньгами, а женщины обливаютъ ихъ водою, помоями, бросаютъ въ нихъ грязью и каменьями, теребятъ за черкески, гикаютъ на лошадей и т. п. Надобно быть очень ловкимъ, чтобы избѣгнуть всего этого и съ удачью взять невѣсту, лицо которой въ это время покрыто покрываломъ, посадить на лошадь и умчаться. Обыкновенно невѣсту одинъ изъ дружковъ жениха сажаетъ къ себѣ на лошадь и такимъ образомъ блестящій кортежъ съ разноцвѣтными флагами, со стрѣльбой изъ пистолетовъ, ружей и съ пѣснями возвращается домой въ ауль жениха. Здѣсь молодыя женщины, дѣвушки и подростки тоже самое продѣлываютъ надъ пріѣзжей молодежью. Невѣсту помѣщаютъ въ отдельную комнату, а молодежь обоего пола нѣсколько дней веселится: угощаются, танцуютъ, поютъ пѣсни, а несчастный женихъ въ это время долженъ находиться вдали отъ веселья и своей молодой жены.

Когда невѣсту берутъ изъ того же аула, где живетъ женихъ, или изъ близкаго аула, то ее ведутъ въ домъ жениха исключительно женщины и дѣвушки. Шествіе представляеть вереницу хорошо одѣтыхъ женщинъ: впереди несутъ приданое молодой, посрединѣ идетъ невѣста съ подругами, а позади тоже несутъ что либо изъ приданаго.

Послѣ свадебныхъ пиршествъ жизнь вступаетъ въ обыкновенную колею, но только не для новобрачныхъ: молодой мужъ нѣкоторое время (а это бываетъ мѣсяцы) не можетъ проживать подъ одной кровлей съ молодой женой и днемъ не долженъ видѣть ее, а по ночамъ онъ, какъ воръ, крадучись, тайно отъ постороннихъ взоровъ, пробирается къ своей женѣ и, Боже упаси, если его инкогнито будетъ открыто молодежью; его начинаютъ травить насмѣшками, бросаютъ въ него грязью, тряпьями и т. п. Въ этотъ періодъ молодая, проживая въ домѣ жениха или у его родственниковъ, тоже должна скрываться отъ постороннихъ; дома она живеть изолированно, и когда къ ней кто либо взойдетъ, она покрываетъ лицо покрываломъ. По мнѣнію М. Ковалевскаго, такое поведеніе молодыхъ послѣ свадьбы несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ прежнее время браки у горцевъ совершались по обычаямъ умыканія невѣстъ.

Такой своеобразный образъ жизни молодые ведутъ мѣсяцы, и это зависитъ отъ старшихъ, т. е. отъ родителей мо-

лодого мужа. Когда же по соображеніямъ стариковъ настаетъ время вдоворенія мужа подъ одну кровлю съ женой, то это сопровождается слѣдующимъ церемоніаломъ: молодой мужъ, собравъ своихъ дружковъ и товарищъ, отправляется вмѣстѣ съ ними къ дому своихъ родителей; здѣсь онъ старается укрыться въ толпѣ товарищъ. У предверья толпу встрѣчаетъ одинъ изъ старѣйшихъ дома съ чашкой (чинакъ), наполненной брагой или пивомъ, а старѣйшая изъ женщинъ съ небольшой закуской. Старикиъ, отыскивая глазами молодого, обращается къ нему со словами: «Отнынъ твоя молодость кончена», и если старикиъ находчивъ, что бываетъ въ большинствѣ случаевъ, то произносить приличествующую слушаю импровизацію. Молодой, конфузясь, съ нахлобученной на глаза палахой, съ опущенной внизъ головой, подходитъ, беретъ чашу и закуску и передаетъ дружкамъ; тѣ, отвѣдавъ того и другого, возвращаются ихъ старикамъ. Если домъ богатъ, устраиваются танцы и угощеніе.

Калымъ—плата за невѣstu выплачивается деньгами, скотомъ, лошадьми, вещами домашняго обихода и землею. Въ Хуламъ, Безенги и Чегемъ таубі вносятъ *калымъ* до 1500 р., пару быковъ, двѣ лошади, а по совершенніи *накяха* еще одну хорошую лошадь, называемую передовою—*алз-атъ*. Каракеші выплачиваютъ отъ 600 до 800 р. и тоже пару быковъ и лошадь; простой народъ не свыше 200 р. и также скотомъ. Въ Балкаріи и на Баксанѣ калымъ почти вдвое больше. Само собою разумѣется, указанные размѣры калыма не всегда одинаковы: они то повышаются, то понижаются, что зависитъ отъ договаривающихся сторонъ.

Такъ какъ въгорахъ деньги очень дороги и почти ихъ нѣть, а въ особенности было мало въ прежнее время, то калымъ болѣею частію заключается въ $\frac{1}{3}$ деньгами и $\frac{2}{3}$ скотомъ по оцѣнкѣ на деньги. Часто бываетъ, что вмѣсто денегъ или скота въ калымъ идутъ пахотные и покосные участки—тоже по оцѣнкѣ на деньги. Послѣдній видъ калыма обусловливается съ жениховой стороны въ интересахъ брачущихся: въ принципіѣ, по обычаю, весь калымъ долженъ идти въ собственность невѣсты, на дѣлѣ имъ пользуются ея родители, ибо въ горахъ и вообще у туземцевъ дочери не могутъ имѣть собственную волю и во всемъ подчиняются своимъ родителямъ. При такихъ условіяхъ нѣкоторые предусмотрительные

отцы жениховъ стараются вмѣсто денегъ или скота давать земельные участки. Если молодые пожелали бы, по истечении нѣкотораго времени, отдѣлиться отъ своихъ родителей и жить своимъ домомъ, то они по обычаю имѣютъ право взять калымный участокъ въ свое пользованіе; если же собственники земли пожелаютъ возвратить участокъ себѣ, то уплачиваютъ молодымъ одѣночную сумму. Такимъ образомъ, отдавая въ калымъ земельный участокъ, родители молодого руководствуются благоразумными побужденіями сохранить что либо изъ калыма для сына и его жены. Кроме того при отдачѣ калыма землею и скотомъ соблюдаются и материальные выгоды: обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ посредники принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно дороже одѣнить скотъ и земельныя угодья, дабы хоть этимъ немногого парализовать тяжелыя обязанности, налагаемыя на жениховъ и ихъ родителей обычаемъ сѣйдѣи старины. Дѣйствуя въ пользу плательщиковъ, посредники тѣмъ самымъ выражаютъ косвенный протестъ противъ установившагося неестественного обычая. Однако, въ горскомъ населеніи не замѣчается стремленія уничтожить его или покрайней мѣрѣ уменьшить размѣры его, напротивъ, съ каждымъ годомъ этотъ обычай крѣпчаетъ, и величина калыма обнаруживаетъ повышенное движение.

IX

Въ сферѣ экономическихъ правоотношеній у горцевъ есть много интересныхъ обычаевъ, среди которыхъ особый интересъ представляетъ бегенда.

Бегендное право, неизвѣстное ни нашему законодательству, по обычному праву, чрезвычайно характерно и есть ничто иное, какъ своеобразное договорно-залоговое право по денежнымъ и инымъссудамъ. Оно выражается въ слѣдующемъ: лицо, взявшіи деньги, скотъ или овецъ въ домъ, отдаетъ въ безотчетное пользованіе свой участокъ земли заимодавцу, который имъ владѣеть, на правахъ собственника, покуда долгъ не будетъ уплачено.

Такимъ образомъ, всѣ выгоды, вытекающія изъ пользованія объектомъ залога, замѣняютъ собою обыкновенные наши проценты. Бегенда не лишаетъ собственника права продавать зало-

женнюю землю. Покупщикъ въ этомъ случаѣ можетъ уплатить или всю договорную сумму сполна или часть ея. Въ первомъ случаѣ онъ поступаетъ такъ: часть, составляющую бегендную сумму, возвращаетъ заимодавцу, а другую часть выдаетъ продавцу. Въ этомъ случаѣ покупщикъ выплачиваетъ продавцу изъ договорной суммы только ту часть, какая ему причитается, оставляя по прежнему участокъ въ пользованіи залогодержателя до уплаты ссуды. Послѣдняя сдѣлка возможна въ томъ случаѣ, когда залогодержатель соглашается перенести ссуду на другое лицо, въ противномъ случаѣ продажа можетъ состояться только при полной оплатѣ всей оцѣночной суммы. На практикѣ чаще всего имѣеть мѣсто нежеланіе заимодавца переводить долгъ на другое лицо, что обусловливается личными выгодами. Лица, берущія земли на бегендномъ правѣ, обыкновенно состоятельный и ихъ завѣтная мечта пріобрѣтать какъ можно больше земель, а этимъ путемъ земли идутъ несравненно дешевле, чѣмъ прямою покупкою. Для содерхателей земель на бегендномъ правѣ совершенено безразлично, будутъ ли они именоваться собственниками земель или только залогодержателями, лишь бы неограниченно пользоваться ихъ плодами. За первыми собственниками, вслѣдствіе ихъ большой задолженности, они признаютъ гораздо менѣе шансовъ на выкупъ своихъ земель, чѣмъ за вторыми—покупателями, не менѣе ихъ состоятельными. Наконецъ въ первомъ случаѣ залогодержателямъ несравненно легче сдѣлаться собственниками бегендныхъ земель, приплативъ небольшія деньги къ суммѣ, уже выданной въ ссуду, на что владѣльцы земли охотно соглашаются.

Стремленіе залогодержателей во чтобы то ни стало за-владѣть бегендными землями вызываетъ съ ихъ стороны разного рода препоны въ отношеніи выкупа земель владѣльцами. Если ссуда сдѣлана деньгами и скотомъ, то возвратъ требуетъся въ такомъ же порядкѣ. Въ прежнее время, когда серебряные рубли и золото имѣли свободное обращеніе, и когда ссуда была произведена этимъ металломъ, то уплата требовалаась тѣмъ же металломъ, несмотря на то, что его уже не было въ обращеніи. Чтобы крѣпче держать въ кабалѣ своихъ дебиторовъ, залогодержатели при малѣйшей нуждѣ первыхъ спѣшать имъ на помощь выдачею дополнительныхъ ссудъ, если первоначальная была незначительна. Такимъ образомъ,

затягивая накинутую на своихъ заемщиковъ петлю все туже и туже, кредиторы достигаютъ полнаго и безпрепятственного владѣнія бегендными землями навсегда, и только въ рѣдкихъ случаяхъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ земли выкупаются обратно.

Помимо сказанного о бегендахъ, въ основѣ этого института лежитъ не менѣе важный элементъ — размѣры вознагражденія за ссуду, т. е. проценты, выраженные въ пользованіи бегендными землями. Для вывода этихъ процентовъ я воспользуюсь своею записною тетрадью, откуда извлеку самыя точныя цифры, характеризующія вознагражденіе бегендодержателей.

Во всѣхъ пяти горскихъ обществахъ состоить на бегендномъ правѣ: поемныхъ луговъ 4822 копны, обыкновеннаго покоса 9935 копенъ, поемныхъ пашень 1441 копна и обыкновенныхъ пашень 479 коп. Ссуда, переложенная на деньги, составляетъ капиталъ въ 114.165 р. Принимая самую низшую цѣнность копны поемнаго луга въ $1\frac{1}{2}$ р., обыкновеннаго покоса въ 1 р. и копны зерна, состоящей изъ двухъ горскихъ сабъ или трехъ русскихъ четвериковъ — въ 3 р., получимъ стоимость продуктовъ отъ бегендныхъ земель въ 23528 р., или иначе говоря за ссуду взимается 20.6%; вычтя отсюда 2.6%, составляющія трудъ по орошенню, посѣву и уборкѣ хлѣба и сѣна, мы въ окончательномъ результатахъ получимъ 18% годовыхъ.

Такимъ образомъ институтъ бегенды, оперируя въ пяти горскихъ обществахъ неослабно въ большихъ размѣрахъ, плодить съ одной стороны безземельный пролетаріатъ, а съ другой создастъ земельныхъ кулаковъ, обогащающихся на счетъ первого. Такое явленіе, хотя оно и вызвано къ жизни вѣковымъ обычаемъ, не можетъ считаться нормальнымъ, потому что такой легко приобрѣтаемый кредитъ развращаетъ населеніе, пріучая его къ непроизводительнымъ тратамъ и привода его къ полной беспомощности.

Послѣ *кальма* и *бегенды* третимъ бичемъ горскаго населенія служатъ семейные раздѣлы, принявшие за послѣднее время большия размѣры. Раздробляя движимое и недвижимое имущество до микроскопическихъ по величинѣ, раздѣлы наносятъ экономическому быту населенія не мало бѣдъ.

Причины семейныхъ раздѣловъ кроются въ неуживчивости и враждебныхъ отношеніяхъ женщинъ въ большихъ семьяхъ. Возьметъ ли въ домъ глава семьи по смерти жены другую, или, прогнавъ первую, женится на другой при существованіи женатыхъ сыновей, немедленно возникаютъ раздоры на женской половинѣ, и въ результатѣ сыновья или добровольно уходятъ, или самыи жестокимъ образомъ выгоняются отцемъ, на худой конецъ съ выдѣломъ ничтожныхъ клочковъ пашни и луга, а въ большинствѣ случаевъ безъ всякихъ выдѣловъ.

Однако при такихъ насильственныхъ раздѣленіяхъ семействъ движимое и недвижимое имущество страдаетъ отъ дробленія гораздо меньше, чѣмъ при раздѣлахъ между братьями и при выдѣлѣ имущества и земельныхъ угодій замужнимъ женщинамъ по праву *тереке* (отцовское наслѣдство); въ этихъ случаяхъ земли и другое имущество дробятся до бесконечности. Здѣсь причины раздѣловъ, кромѣ неуживчивости женской половины, кроются въ неодинаковости семей братьевъ: живутъ совместно три-четыре брата, у одного дѣтей много, у другого мало или совсѣмъ нѣть, поэтому расходы на содержаніе семей и пользованіе продуктами общаго труда бываетъ неравномѣрное, а между тѣмъ каждый изъ братьевъ имѣеть совершенно одинаковую долю въ общемъ имѣніи; отсюда неудовольствія малосемейныхъ противъ многосемейныхъ и въ конечномъ результаѣ раздѣлы.

Выдѣлы или раздѣлы имущества по *тереке* составляютъ тоже большое мѣсто сельского хозяйства горца. Замужнія женщины имѣютъ право на часть отцовского наслѣдства. По адату дѣти женского пола ничего не наслѣдуютъ, но съ введеніемъ въ мусульманскомъ мірѣ Сѣверного Кавказа шаріата женщины стали получать известную часть наслѣдства. Вполнѣ сознавая разорительность такихъ выдѣловъ по шаріату, горцы стали прибегать къ компромиссу, т. е. къ медіаторскимъ решеніямъ. Медіаторы принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы какъ можно менѣе выдѣлить женщинамъ, а когда имущество разнообразно и заключается въ движимости и недвижимости, то стараются выдѣлять какое нибудь однородное сравнительно въ большемъ количествѣ, не дробя другое; такъ, напримѣръ, если въ наличности имѣются рогатый скотъ, овцы, пахотныя, покосныя и другія земли, то, смотря по обстоятельствамъ, вы-

дѣляютъ скотомъ и овцами, а земли не дробятъ, или поступаютъ обратно. Такимъ образомъ, горцы въ дѣлѣ *тереке*, отдавая въ иѣкоторой степени дань и адату, и шаріату, усвоили практическіе пріемы, дѣлающіе послѣдствія дѣлѣжа сравнительно не такъ разорительными.

Въ куплѣ—продажѣ земель (по горски *сату*), какъ и въ другихъ сдѣлкахъ, горцы выработали особые обычаи.

Въ покупкахъ земли родственники имѣютъ преимущество предъ всѣми другими покупщиками; затѣмъ идутъ сосѣди и только по отказу тѣхъ и другихъ право на покупку дается всѣмъ желающимъ. Повидимому шаріатъ придаетъ важное значеніе родственникамъ въ дѣлѣ купли-продажи земель; такъ, если горецъ совершає намазъ (моленіе) и услышитъ о продажѣ, шаріатъ разрѣшаетъ ему прервать молитву, чтобы заявить о своемъ родственномъ преимуществѣ. Изъ этого видно, что землевладѣлецъ не обязывается при продажѣ своихъ земель предупредить родственниковъ или сосѣдей; послѣдніе сами должны слѣдить за подобными сдѣлками, что, конечно, на практикѣ весьма затруднительно, отчего по этимъ сдѣлкамъ часто возбуждаются судебные процессы. На обычномъ судѣ, если родственники докажутъ свое незнаніе о совершенныхъ продажахъ, судъ дасть имъ право выкупать земли.

Что же касаетсясосѣдей—землевладѣльцевъ, то иѣкоторые продавцы легко обходить ихъ: они заявляютъ, что изъ проданнаго или продаваемаго участка узкая полоса, примыкающая къ участкусосѣда, претендующаго на покупку, подарена кому либо, а потому продаваемый участокъ не лежитъ въ сосѣствѣ съ землею претендента. Правда, такая комбинація не имѣть еще большого примѣненія въ горской жизни; она покуда практикуется лицами бывальми и хорошо знающими обходъ законовъ.

Обычное право *ортакъ* (по-русски - *изъ половины*) существуетъ въ горахъ при наймѣ работниковъ—настуховъ, при арендѣ скота, овецъ и культурныхъ земельныхъ участковъ Хозяинъ скота или овецъ, нанимая работника, преимущественно настуха, заключаетъ съ нимъ такое условіе: онъ, хозяинъ, выдѣляетъ изъ своего стада около ста овецъ старыхъ и молодыхъ (въ томъ числѣ и козы). Это маленькое стадо тотчасъ мѣтится особымъ знакомъ. По истеченіи пяти лѣтъ весь приплодъ, а равно намѣченные бараны дѣлятся пополамъ;

одна половина идетъ въ собственность работника и служить платою за трудъ, а другая половина идетъ владѣльцу. Въ теченіе условленнаго времени, если хозяинъ беретъ изъ намѣченаго стада барана на продажу или на зарѣзъ, то такое же право имѣть и работникъ. Шерсть обыкновенно береть хозяинъ, но иногда она дѣлится тоже пополамъ. Для покупки скоту работникъ часто выговариваетъ себѣ ежегодно сверхъ намѣченного стада по одному барану. Въ этотъ основной договоръ входитъ много другихъ побочныхъ условій: о павшихъ овцахъ, овчинахъ, мясе, зарѣзанныхъ овцахъ, соли, шерсти, молокѣ и сырѣ, о проступкахъ работника, о нарушенияхъ условій хозяиномъ или работникомъ и т. п. Работникъ взамѣнъ получаемыхъ правъ обязывается неукоснительно исполнять всѣ порученія хозяина и главнымъ образомъ блюсти и пасти все его стадо. Когда въ ортакъ идетъ рогатый скотъ, то онъ намѣчается въ гораздо меньшемъ количествѣ при такихъ же основныхъ условіяхъ.

Второй видъ ортака заключается въ томъ, что одинъ отдаетъ другому на пять лѣтъ на полномъ изждивеніи послѣдняго известное количество рогатаго скота или овецъ. По истеченіи условленнаго срока хозяинъ получаетъ обратно то, что отдалъ въ аренду, а приплодъ, смотря по количеству, или дѣлится пополамъ, или весь оставляется въ пользу арендатора. Если въ ортакъ идутъ однѣ овцы, то ежегодно шерсть дѣлится пополамъ; кромѣ того хозяину дается каждую весну по молодому барашку, а осенью по барану.

Третій видъ ортака касается культурныхъ участковъ земли: владѣлецъ отдаетъ свой пахотный участокъ въ аренду на условіяхъ, что арендаторъ обязывается его раслахать, засѣять собственными сѣменами, оросить, убрать и смолотить хлѣбъ и за все это онъ получаетъ половину урожая. Когда же участокъ луговой, то всѣ работы по участку также лежать на арендаторѣ, но сѣномъ онъ пользуется въ $\frac{1}{3}$ части.

Всѣ три вида ортака вызваны къ жизни, во первыхъ, малоземельемъ, во-вторыхъ, недостаткомъ рабочихъ рукъ и, въ-третьихъ, отсутствиемъ денежныхъ знаковъ, въ особенности въ прежнее время. Хорошее хозяйство, заключающее въ себѣ скотъ, овецъ, пахотныя и покосныя земли, требуетъ въ лѣтненое время немало рабочихъ рукъ; у кого такихъ рукъ мало, тотъ вынужденъ часть своего скота отдавать въ ортакъ; кто

имѣть скотъ и овецъ, но не имѣть достаточно пастбищъ и покосовъ, тоже волей неволей долженъ отдавать свой скотъ въ ортакъ. Наконецъ плата за услуги скотомъ самая естественная расплата въ пастушеской жизни.

Упомяну еще о почти отживающемъ обычай, который имѣлъ мѣсто во всѣхъ племенахъ Сѣвернаго Кавказа съ аристократическимъ складомъ жизни; заключается онъ въ томъ, что высшее сословіе сейчасъ же по рожденіи дѣтей отдавало ихъ на вскормленіе, а потомъ на воспитаніе въ семи низшихъ классовъ. Воспитаніе въ чужомъ домѣ продолжается до 15-лѣтняго возраста; воспитатели называются *атамыками*, а дѣти его по отношенію воспитанника *емчеками*, т. е. молочными братьями и сестрами. Емчеки считаются самыми близкими родственниками и стоять выше кровнаго родства.

За такія важныя семейныя услуги родители воспитанниковъ одариваются *атамыковъ*, а воспитанники — своихъ молочныхъ братьевъ; дары эти въ большинствѣ случаевъ заключались въ участкахъ земли, которые давались въ полное потомственное пользованіе, либо въ пожизненное. Въ горахъ этотъ обычай дѣйствовалъ преимущественно въ Балкарскомъ обществѣ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного права онъ сталъ всюду исчезать. Держаніе земель на емческомъ правѣ я встрѣтилъ въ Чегемѣ (два случая) и въ Балкарии (10 случаевъ). За пользованіе землею на этомъ правѣ емчеки и ихъ наследники обязаны оказывать нѣкоторыя услуги собственникамъ земли и питать къ нимъ особое почтение. Какъ только обнаружится какое либо нарушеніе изъ этихъ обычныхъ условій, собственникъ имѣть право отобрать земли. Такъ какъ условия держанія земель на емческомъ правѣ строго не регламентированы, то отсюда возникаютъ разныя недоразумѣнія между сторонами. Захотѣлось почему-то землевладѣльцу отобрать землю и вотъ онъ ищетъ предлога и находитъ его въ пустыкахъ: не поклонился кто либо съ емческой стороны, отказалъ по недосугу косить или жать на поляхъ владѣльца и т. д.

И такие ничтожные поводы влекутъ за собою расторженіе емческихъ отношеній, что часто ведетъ къ судебнѣмъ тяжбамъ.



Н. П. Тульчинскій.

Извлечено изъ «Терского Сборника» за 1904 г. вып. VI.

ПОЭМЫ, ЛЕГЕНДЫ, ПѢСНИ, СКАЗКИ И ПОСЛОВИЦЫ
ГОРСКИХЪ ТАТАРЪ
НАЛЬЧИСКАГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ.
ЗАПИСАНЫ Н. П. ТУЛЬЧИНСКИМЪ.

К А І Ш А У - Б І Й.*)
(ПОЭМА).

Темою, вдохновившую горского пѣвца, воспѣвшаго героя поэмы въ восьма строфахъ и рифмованныхъ стихахъ, послужилъ слѣдующій разсказъ, который считаю нужнымъ привести здѣсь, безъ чего сама поэма будетъ мало понятна для читателей.

Герой поэмы Кашшау-бій принадлежалъ къ фамиліи первостатейныхъ карачаевскихъ удѣней Крымшамхаловыхъ, нынѣ живущихъ въ Кубавской области, Баталпашинскаго отдѣла, въ селеніи Карть-Джуртъ, расположенномъ въ верховьяхъ р. Кубани.

По преданію горцевъ и сохранившимся памятникамъ достовѣрно известно, что Баксанское ущелье Нальчикского округа, начиная отъ вынѣшняго поселка Гижгита (жители этого поселка потомки карачаевцевъ) вплоть до верховьевъ р. Баксана, когда-то было населено карачаевцами.

Въ то время, къ которому относится поэма «Кашшау-бій», Крымшамхаловы жили въ аулѣ Эль-Джуртѣ, существующемъ по настоящее время (этотъ отселокъ состоитъ изъ вѣковыхъ сакель) и расположенному у подножья скалы, на лѣвой сторонѣ р. Баксана, въ 5—6 верстахъ выше селенія Куркужана. Въ поэмѣ это селеніе названо «Тары аузъ», что значитъ по горски узкій проходъ, ротъ.

По преданію карачаевцевъ родоначальникомъ Крымшамхаловыхъ былъ Бекмурза, у которого было четыре сына: Эльбуадукъ, Камгутъ, Кашшау-бій—герой поэмы и Гильстанъ. Въ молодости, по обычаю того времени, второй сынъ Бекмурзы Камгутъ воспитывался въ Кабардѣ у князей Бибертовыхъ. Въ домѣ Бибертовыхъ Камгутъ былъ плѣненъ необыкновенной красотой малолѣтней дочери своихъ воспитателей по

*) Поэма «Кашшау-бій» заимствована изъ тетради Науруза Исмаиловича Урузбіева.

имени Гошіахъ, которую онъ во что бы то ни стало рѣшилъ похитить, возрасти, а потомъ жениться на ней. Преслѣдун таکую мысль, Камгутъ сталъ придумывать способъ къ тайному увозу малолѣтней красавицы. Случай этотъ скоро представился.

Камгутъ былъ славный и неустранимый наездникъ и у князей Бибертовыхъ занимался выѣздкою неуковъ-лошадей.

Прежде всего Камгутъ исподволь приручалъ къ себѣ маленькую Гошіахъ: онъ сталъ часто возить ее на прогулки, сажая ее впереди себя на лошади. Въ одну изъ такихъ прогулокъ Камгутъ на хорошо выѣзженной лошади вмѣстѣ съ Гошіахъ умчался къ себѣ, въ аулъ Эль-Джуртъ. Здѣсь до времени женитьбы на Гошіахъ, чтобы скрыть ее отъ взоровъ постороннихъ и братьевъ и отъ поисковъ родителей, Камгутъ устраивалъ хижину въ землѣ, куда помѣщалась свою красавицу, отдавши ее на попеченіе одной старушки.

Такое положеніе длится нѣсколько лѣтъ. Камгутъ сталъ славенъ, его доблести пропагандировались по всей окрестности, а Гошіахъ расцвѣла въ пышную розу. Тутъ бы только пожелать счастья молодымъ людямъ, но къ крайнему прискорбію Камгуту не пришлось осуществить свои завѣтныя желанія. Богъ разсудилъ иначе: Камгутъ едвалялся жертвой свирѣпствовавшей въ то время въ горахъ черной осы.

Послѣ смерти Камгута тайна его стала известна Каншау-бію. Онъ также прельстился необыкновенной красотою Гошіахъ и, вопреки обычая, по которому она должна была выйти замужъ за старшаго брата, самъ женился на ней. Но неумолимый рокъ и тутъ зло надѣмѣялся надъ несчастной красавицей. Этотъ бракъ, совершенный по взаимной любви, причинилъ обоимъ супругамъ непрѣяснимыя страданія, которые прекратились только съ ихъ смертью. Эти злосчастья выпали изъ сѣдующихъ обстоятельствъ.

Каншау-бій былъ молочнымъ братомъ одного изъ кабардинскихъ князей Атажукинъ, который страстью полюбилъ его и который пользовался таюю же любовью и со стороны Каншау. Молочное родство и взаимная любовь тѣсно сблизили молодыхъ людей, ставшихъ почти неразлучными. Отсюда вытекало то, что Каншау бывалъ очень часто въ домѣ князя Атажукина, гдѣ также подружился съ женой своего молочного брата. Эта женщина и является злымъ геніемъ всей жизни Каншау и его жены Гошіахъ.

Заботливая природа обильно надѣлила Каншау-бія самыми прекрасными душевными и физическими качествами: онъ былъ умень, храбръ, честенъ; необыкновенный красавецъ, онъ отличался высокимъ ростомъ, плащистостью, стройностью и чрезвычайно тонкой талией. Рассказываютъ, что когда Каншау лежалъ на боку, то въ промежутокъ между талией и мышцами лежания свободно проходилъ когъ; между ступнею и поломъ свободно проходилъ цыпленокъ; длина рукъ его была такова, что онъ, не загибаясь, завязывалъ ремни своихъ ноговицъ. Немудрено, что обладатель такихъ физическихъ и духовныхъ качествъ помимо своей силы легко пленилъ сердце коварной жены князя Атажукина; она признается въ пламенной къ нему любви и настаиваетъ на частыхъ свиданіяхъ Честный Каншау, какъ «рыцарь безъ

страха и упрека», какъ библейскій Іосифъ, съ негодованіемъ отвергаетъ эту незаконную любовь, онъ горячо упрекаетъ ее въ развратѣ и проситъ вернуться къ святымъ обязанностямъ супруги.

Оскорбленная и уязвленная въ своихъ завѣтныхъ чувствахъ и вожделеніяхъ, княгиня Атажукина задумала жестоко отомстить непокорному и неподатливому другу.

Улучивъ удобную минуту, княгиня жалуется мужу, что Каншаубѣ, забывъ молочное родство, дружбу и любовь всего княжескаго дома, хотѣлъ обезчестить ее. Но эта жалоба не имѣла успѣха: князь, вполнѣ вѣря въ неподкупную честность своего молочнаго брата, не повѣрилъ женѣ. Тогда она прибегаетъ къ болѣе вѣрному способу мести—къ отравѣ.

Однако, несмотря на такой рѣзкій разладъ между Каншау и княгиней, онъ всетаки не переставалъ посѣщать княжескій домъ. Между тѣмъ, задумавъ во что бы то ни стало погубить Каншау, жена кабардинскаго Пентефрая однажды, рѣ ожиданія его прѣзда, приказала наварить пива и приготовить угощеніе. Когда Каншау прѣѣхалъ, княгиня необыкновенно ласково привѣтствій стала не въ мѣру радушно угощать. По время угощенія князя везамѣтнымъ образомъ всыпала въ чинакъ^{*)} съ пивомъ ослиный моагъ и какое-то зелье и эту чашу она поднесла Каншау съ требительной просьбою выпить. Проницательный Каншау съ самаго момента своего появленія въ домѣ сразу сообразилъ, что радушіе хозяїнки естьничто иное, какъ замаскированная шантрига, и что теперь подносимая чаша съ пивомъ заключаетъ въ себѣ нечто пагубное, во памятую девицѣ своего народа: «лучше умереть, чѣмъ казаться въ глазахъ женщины трусомъ и малодушнымъ», взялъ чашу и выпилъ пиво до дна. Почуявшисъ посторонний, непріятный вкусъ, Каншау уже не сомнѣвался, что онъ отравленъ; тогда онъ разбиваетъ чашу о полъ со словами: «да переведется весь родъ Атажукиныхъ подобно сей разбитой чашѣ, которая теперь не чаша дружбы, а чаша коварства и злобы». Съ этими словами Каншау покидаетъ княжескій домъ навсегда.

Вскрѣ послѣ выпитаго зелья Каншау заболеваетъ какой то никому невѣдомой болѣзнью, симптомы которой выразились въ томъ, что у него начали гнить конечности и выпадать волосы. Застигнутый такимъ неожиданнымъ несчастіемъ, Каншау серьезно призадумался и сталъ искать средства облегчить свою участъ. Но такъ какъ въ своеѣ краѣ не было никого, кто бы могъ помочь, то онъ рѣшилъ отправиться въ Персию. Изъ поэмъ видно, что Каншау поселился въ Шемахѣ.

Въ Шемахѣ судьба стаікиваетъ Каншау съ одной старухой—персіанкой, которая взялась его вылечить, но пѣнио его личной дорогой свободы, или попросту сказать на условіяхъ женитьбы на ней. Передъ умственными взорами Каншау предстала дилемма: не согласиться на своеобразныя условія старухи—значить заживо сгнить и тѣмъ обрѣчь себя на тяжкую и мучительную смерть; согласиться—значить продать свою свободу и навсегда расстаться съ родиной, милой женой и дорогими дѣтьми. Но въ послѣднемъ случаѣ все-таки проглядывалъ

^{*)} Деревянная чашка.

слабый лучь надежды: авось-де старая беззубая женщина скоро умретъ, и тогда онъ опять свободенъ. Такимъ образомъ изъ двухъ золъ Каншау выбрать меньшее; онъ принялъ условіе старухи.

Черезъ мѣсяцъ Каншау совершенно выздоровѣлъ и уже состоялъ въ качествѣ мужа противной старухи.

Однако возвращеніе здоровья, купленного такою дорогою цѣною, не могло дать спокойствія Каншау. Онъ умственнымъ взоромъ, гдѣ бы онъ ни находился, въ полѣ, дома, въ одиночествѣ, среди людей, днемъ, ночью,—словомъ вездѣ и всегда видѣлъ предъ собою нѣжнныя лица горячо любимыхъ жены и дѣтей, покинутыхъ имъ на родинѣ. Ихъ прекрасныя личинки, искаженные страданіями вслѣдствіе разлуки съ нимъ, были для него живыи укоромъ за то, что онъ ихъ бросилъ, а самъ живѣтъ на чужбинѣ. Такое состояніе духа причиняло ему невыразимыя страданія. Оня сдѣлалася угрюмъ, скученъ, искалъ уединенія, потерялъ сонъ и аппетитъ.

Такое угнетенное состояніе духа Каншау не могло уснуть отъ вниманія старухи—жены; она отлично понимала грусть своего мужа и, чтобы дать ему возможность разсвѣтиться, она разрѣшаетъ Каншау уѣхать на родину, но только не болѣе какъ на три года, предваривъ его, что если онъ вздумаетъ оставаться на родинѣ болѣе этого срока, то страшная болѣзнь къ нему опять вернется, ибо, предвидя это обстоятельство, она его выѣчила только на нѣсколько лѣтъ.

Само собою разумѣется, Каншау съ величайшей радостью воѣ пользовался предложеніемъ своей ненавистной жены—старухи и вѣдомленно отправился на родину. Здѣсь, на родинѣ, Каншау счастливо прожилъ съ женой и дѣтьми болѣе трехъ лѣтъ и жилъ бы, конечно, болѣше, но къ ужасу своему сталъ замѣтать, что мучительная болѣзнь снова стала возвращаться; тогда онъ рѣшилъ окончательно покинуть родину. Съ этой дѣйствіемъ, забравъ семью, онъ отправляется въ кабардинскій аулъ Баташево. Здѣсь онъ оставляетъ жену у ея родственниковъ, а самъ тайкомъ отъ нея, забравъ дочерей Кантинъ и Казъ, уѣзжаетъ въ Шемаху,

Въ Шемахѣ, говорить, Каншау, любимецъ хана, выдалъ за послѣднаго замужъ свою старшую дочь Кантинъ, а младшую дочь Казъ за владѣтеля кумыкскаго князя, который въ честь ея назвалъ свой народъ бази-кумыками.

О жизни Каншау-бя, относящейся къ этому періоду времени, и о его смерти въ горскомъ народѣ существуетъ нѣсколько варіантовъ. Въ поэмѣ же говорится, что когда гиурсія (руссія) войска брали Эривань, Каншау былъ на мосту убить пушечнымъ ядромъ.

По смерти Каншау засчастливая Гошіахъ омыть вернулась въ Эльдженурту (Тарь аузъ) и по требованію обычай вышла замужъ за старшаго брата Каншау, калѣку Эльбуздуга. Въ этомъ замужествѣ Гошіахъ прожила еще 8 лѣтъ, и какъ видно изъ нѣсні, это время для нея было сплошнымъ страданіемъ. Умерла Гошіахъ въ селеніи Эльтеркачѣ, въ Кубанской области, куда переселились Крымшамхаловы. Въ Эльдженуртѣ же и по настоящее время сохранились два памятника, одинъ въ честь Гошіахъ, называется «Гошіахъ-Каласы», а другой въ честь ея первого жениха Камгута—«Камгутъ-Кешене».

Къ приведенному рассказу прибавлю отъ себя маленькую историческую справку, въ виду того, что герои поэмы реальные лица.

Поэты говоритьъ, что Каншау бытъ убитъ во время взятія гуурскими войсками Эривани, а это было въ концѣ 20-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Такоже изъ официальныхъ документовъ павѣстно, что въ 1824 году пять горскихъ обществъ: Баксанское, Чегемское, Хуламенное, Безенгіевское и Балкарское, во главѣ съ Мурзакуломъ Урусліевымъ, присягнули на подданство Россіи, а это было спустя три поколѣнія, когда родоначальникъ таубіевъ Урусліевыхъ Чепелау Суншевъ переселился въ Баксанское ущелье, уже свободное отъ бывшихъ поселенцевъ-карачаевцевъ, ушедшихъ за Кубань, стало бытъ до момента взятія Эривани прошло не менѣе 150 лѣтъ. Если-же принять во вниманіе то обстоятельство, что Чепелау Суншевъ переселился на Баксанъ не сейчасъ послѣ ухода карачаевцевъ, ибо онъ уже тамъ засталъ осѣдлое населеніе—предковъ теперешняго Баксанского общества, то отсюда безошибочно можно вывести заключеніе, что карачаевцы жили на Баксанѣ за 200 лѣтъ до взятія Эривани, а событий, разсказанныхъ въ пѣснѣ, именно пріурочены ко времени жительства карачаевцевъ въ Баксанскомъ ущельѣ. Слѣдовательно Каншау-бій никакимъ образомъ не могъ участвовать въ дѣлѣ взятія Эривани.

Это сопоставленіе фактовъ показываетъ, что горскій пѣвецъ воспѣвъ героеvъ поэмы въ позднѣйшее время и, надо полагать, много позже взятія Эривани, но какъ онъ бытъ несиленъ въ исторіи, то перепуталъ время и событий.

Во всякомъ случаѣ для характеристики горской поэзіи историческая сторона не важна: важно народное творчество, вылившееся въ весьма звучныхъ, гладкихъ и рифмованныхъ стихахъ, для передачи которыхъ на русскій языкъ нуженъ заправскій поэтъ, а не такой простой прозаическій пересказъ, какъ сдѣлалъ я.

Когда храбрый Каншау-бій родился въ Тарь-аузѣ,
Для Тара-ауза отверзлись врата Бога.

Когда храбрый Каншау удалился изъ Тарь-ауза,
Аулъ карачаевскій, подобно орлинымъ перьямъ,
Разсыпался по камнямъ и лѣсамъ.

Когда храбрый Каншау жилъ въ Тарь-аузѣ,
Были мы богаче Непе-базара».*)

Теперь-же, когда храбрый Каншау покинулъ Тарь-аузъ,
Пусть моровая язва не выходитъ изъ Тарь-ауза.



*) Горцы не могутъ объяснить «Непе-базаръ»; надо полагать, что это было по сосѣдству богатое селеніе или городъ.

У князя Бекмурзы родились четыре сына;
Старшаго звали Эльбуздукъ.
Когда онъ встрѣчался съ непріятелемъ,
Былъ левъ и становился въ львиную позу.
Но пуля пробиваетъ ему крестецъ,
И онъ разлучается съ равными себѣ узденями.
Второй сынъ князь Камгутъ
Преждевременно съ жизнью разстался.
Третій сынъ Каншау-бій.
Князь Каншау водилъ дружбу съ плоскостными князьями;
Онъ улыбался безъ смѣха,
Съ князьями и ханами разъѣжалъ,
Онъ проникалъ въ душевныя тайны людей.

* * *
* * * * *

Княгиня Гошіахъ такъ сказала:
«Взглянувши въ окно, я видѣла въ тѣни равнины лисицу.
«Ее карачаевскіе бродяги, гоняя и преслѣдуя въ волка
превратили.
«Да переведется весь родъ Атажукиныхъ;
«Они накормили Каншау осливымъ мозгомъ;
«Они моего милаго Каншау съ ума свели.
«Мой милый Каншау ушелъ въ Шемаху къ казикумыкамъ.
«Не желаю злѣйшимъ врагамъ и недругамъ
«Довѣриться друзьямъ, подобно Атажукинымъ.
«Да, пусть будетъ Атажукинымъ хорамомъ*) и кровью
«Бараны, и пиво приносимые карачаевцами.
«Эльбуздукъ калѣка, ни на что не способенъ;
«Гилястанъ**) еще молодъ,
«Я же, женщина слабая, приношу одно несчастье;
«Покуда мой Каншау вернется изъ цвѣтущей Шемаки,
«Кто-же, какъ не онъ, Таръ-аузъ будетъ оберегать?
«Въ крѣпости Эривани (Иріуани) горятъ огни безъ дыму.
«Я отдаамъ въ замужество Кантинъ и Казъ безъ калыма
«Тому, кто сообщитъ вѣрную вѣсть о моемъ Каншау.

*) «Хорамъ» тоже самое, какъ у евреевъ трефная пища. Въ обоихъ случаяхъ употребленіе такой пищи считается величайшимъ грѣхомъ.

**) Гилястанъ 4-й сынъ Бекмурзы.

«Пойдемъ, Карагачечъ*), къ черному камню;
«Посмотримъ, не єдутъ-ли всадники съ равнины Мухуръ;
«Узнаемъ, живъ-ли мой милый Каншау-бій;
«Если умеръ, памятникъ князю на черномъ камнѣ поставимъ;
«Будемъ плакать и рыдать,
«Чтобы черный камень на двѣ части распался;
«Будемъ плакать и рыдать,
«Чтобы трескалась земля и лопались камни.
«Кто-же изъ тысячи испыталъ
«То, что мы извѣдали, злосчастныя?
Плача и рыдая, къ черному камню пошли,
Съ равнины Мухуръ къ сколькихъ всадниковъ примѣтили.
«— То єдутъ-ли горцы, иль кабардинцы?
«Нѣть-ли среди нихъ храбраго Каншау?
«Не похожа ли лошадь средняго на жеребчика Генже?
«Не носить-ли всадникъ оружіе, какъ мой Каншау?
Тронулись, пошли.
Каншау-бія на жеребчикъ Генже встрѣтили;
Они другъ другу нескованно обрадовались;
Радуясь, обнялись и вошли въ домъ;
Тамъ веселилась карачаевская молодежь.

*
* * * *

Княгиня Гошіахъ такъ сказала:
«— По прежнему мы въ Таръ-аузѣ.
«Жили мы съ моимъ Каншау счастливо,
«Теперь онъ опять возвращается въ цвѣтущую Шемаху;
«Онъ не измѣняетъ данному слову своему.
Лисьей шапки съ незагнутыми полями
Князь Каншау не надѣль.
Княгиня Гошіахъ, плача и жалуясь,
Поѣхала въ Баташевъ аулъ,
Не въ силахъ разстаться съ Каншау-біемъ.
Блестять лѣды Минги-тау.**)
По берегу Терека обозначились слѣды,
То слѣды конной арбы князя Каншау.
Княгиня Гошіахъ такъ сказала:

*) Карагачечъ—служанка Гошіахъ.

**) Эльборусъ.

«—Осталась я въ аулѣ Баташева;
«Полы дорогой шубы не разворачивала;
«Съ вырощенными мною дѣтьми Кантинъ и Казъ разлучена.
«Да пустъ, какъ я, плачутъ и рыдаютъ
«Дѣвы Бибертовыхъ, нынѣ беззаботно живущія.
«Въ мірѣ чего не видѣла, чего не испытала?
«Въ горахъ видѣла мѣстность, куда солнце не заглядываетъ;
«Видѣла аулъ, гдѣ женщинамъ цѣпи надѣваются.
«Козы поднялись надъ ауломъ и ушли въ бѣлые горы.
«Почему-же я, несчастная женщина,
«Осталась охранять Тарь-аузъ?
«Моему ли сану это пристойно?
«Домъ мой, гдѣ никогда веселились карачаевцы,
«Превратился въ стойло ословъ и собакъ;
«Печесанные и немытые длинные волосы
«Сдѣлались убѣжищемъ гадкихъ паразитовъ;
«Глаза, сіявшия подобно предразсвѣтной звѣздѣ,
«Номеркли отъ слезъ и страданій;
«Они покрылись ржавчиной и не видятъ человѣка.
«Я ни съ кѣмъ не говорила и ни на кого не смотрѣла.
«У подножія Тарь-ауза скалы, на верху лѣсь,
«Посредиаго идутъ слѣды туровъ.
«Да, пустъ рыдаютъ, какъ Кантинъ и Казъ,
«Желтоволосыя княжны Атажукиныхъ,
«Причинившихъ мнѣ сіи дѣла.
«На плоскости шатающихся неуковъ,
«Скручивая уши, въ лошадей превращаютъ.*)
«Хану шемахинскому, играя въ шахматы,
«Храбрый Каншау матъ далъ.
«Онъ, мой Каншау, утѣшитель шемахинского хана;
«Предъ очами шемахинскихъ княженъ—онъ свѣтильникъ.

* *
* * * *

Въ тотъ день, когда чрезъ рѣку мостъ стлали,
Когда крѣпость Эривань гаурскія войска взяли,
Лошадь Генже на мосту свалили
И князя Каншау пушечнымъ ядромъ убили.

*) Во время обучения неуковъ имъ крѣпко накрѣпко скручиваются уши и они стоять смируно.

Могучія руки, нѣкогда натягивавшія лукъ,
Теперь безсильно качаются въ воздухѣ.



Дошла печальная вѣсть до княгини Гошіахъ;
Княгиня Гошіахъ осталась съ растерзанной душой.
«—У Таръ-ауза есть скалы съ выступами:
«Пусть онъ обрушатся другъ на друга!
«О, пусть тѣ мѣста, гдѣ убить мой Каншау,
«Наполняются въ ладонь дождемъ, черной кровью и гноемъ:
«На ноги надѣну чабуры горные,*)
«Въ руки возьму желѣзную палку,
«Плача и рыдая отправлюсь въ тѣ мѣста,
«Гдѣ умеръ мой храбрый Каншау-бій.
«Плача и рыдая, я заставлю тѣ мѣста распасться на части,
«Я жена хана Каншау, невѣстка Крымшамхаловыхъ,
«Дочь князей Бибертовыхъ.
«Братъ моей матери Баташевъ Эльджеруко
«Хорошо поеть грустныя старинныя пѣсни
«И играетъ на кабузѣ.**)
«Почему мой ханъ Каншау
«Нашелъ достойнымъ завѣщать
«Выйти мнѣ замужъ за Каражаева—слѣпую свинью?
«Лишь только за его ловкое конокрадство.
«Много одѣжды сшила я Каншау моему,
«Она, неносимая, осталась въ сундукахъ.
«Семь цѣлыхъ лѣтъ прожила я въ Эльтеркачѣ,
«Не любя лѣниваго калѣки Эльбуздука.
«О, судьба, сжалася надо мною,
«Освободи меня отъ немилаго Эльбуздука,
«Также, какъ разлучила съ Камгутомъ и Каншау.
«Хотя славный Гилястанъ молодъ,
«Но вышла-бѣ замужъ за него.
Молодой Гилястанъ пошелъ посломъ за горы къ Дадіану***);
Онъ еще не возвратился.

*.) Горные чабуры—чевики изъ толстой кожи съ ременнымъ переплетомъ вмѣсто подолівъ

**) Кабузъ—струнныи инструментъ вродѣ балалайки.

***) Дадіани—Имеретинскіе князья.

Княгиня Гошіахъ плакала безъ слезъ,
Княжескихъ одѣждъ не надѣвала,
Всю жизнь по Каншау носила трауръ.

КАЙСЫНЫ.*)

(БАЛКАРСКАЯ ПОЭМА).

Жена Айдебула была бездѣтна.
Айдебуль съ женой разстался.
Князь Жабо Тазритовъ**) на ней женился.
У князя Жабо отъ нея родились два наследника;
Старшій противъ младшаго быль живѣе.
Младшаго звали Бекмурзой,
Старшаго звали Кайсыномъ.
Храброму Кайсыну въ день рожденія,
Обернувъ его лицомъ въ горы, отрѣзали пупокъ.
Какъ разъ въ день устыма***)
Ему покроили короткій горный костюмъ.
Въ возрастѣ менѣе пятнадцати лѣтъ
Кайсынъ добыль отцу Жабо двѣнадцать невольниковъ,
Матери Жаратханъ тюки съ краснымъ товаромъ подариль.
Да благословить Богъ княгиню Жаратхаянъ, родившую его
И воспитавшую это дитя въ нѣгѣ и на волѣ.

* * *
* * * * *

Изъ Брагунъ ханскіе гости прїхали,
Ихъ Тазритовы приняли, какъ самыхъ почетныхъ людей.
Они у Тазритовыхъ обильно угощались.
Когда гостямъ настало время уѣзжать,

*.) Поэма заимствована изъ тетради Науруза Иемаиловича Урусбіева и переведена мною на русскій языкъ. Но горски заглавіе поэмы «Кайсыннеръ», что означаетъ во множественномъ числѣ собственное имя Кайсынъ, хотя героями поэмы являются Кайсынъ и его братъ Бекмурза.

**) Жабо Тазритовъ одинъ изъ предковъ нынѣшихъ таубіевъ Айдебуловыхъ.

***) «Устыма» означаетъ день рожденія спустя недѣлю.

Ихъ спросили: что они желають?
«—Что намъ нужно, мы вамъ скажемъ.
«Если не во время пріѣхали,
«То вернемся домой до назначенаго вами срока.*)
Гостямъ дали срокъ, минуя зиму, къ лѣту;
Съ тѣмъ гости домой возвратились.
Зима прошла, лѣто настало.
Къ назначенному Кайсыномъ сроку гости вернулись.

* *
* * * * *

Въ ущельѣ Дырха для сакли много лѣсу порубили,
Въ томъ числѣ для средней балки бѣлое дерево срубили.**)
«Меньшой братъ, маленький Бекмурза!»
Такъ сказалъ старшій братъ Кайсынъ.
«Гости наши пріѣхали,
«Имъ нужно дать невольниковъ и скотъ.
«Нужное число скота дома найдемъ,
«За невольниками же въ какую страну сдѣлаемъ набѣгъ?
«У насъ лишнихъ невольниковъ нѣтъ:
«Отъ отца Жабо остались два старыхъ холопа;
«Если одного насильно отдадимъ,
«То другой холопомъ намъ не будетъ.
«Кто расточаетъ отцовское имущество,
«Тотъ недостойный наследникъ отцовского добра».

* *
* * * * *

Въ одну темную ночь джигиты о горномъ походѣ совѣщались.
Въ ту же ночь они къ горному перевалу пришли,
У подножія перевала барана лысаго зарѣзали.
Урусбіевъ князь Кучукъ такъ сказалъ Кайсыну:
«—Я хотѣ и малъ, но у达尔скую долю мнѣ оставь.»
Нѣсколько турокъ джигиты тамъ увидѣли.

*) По горскому обычаяу, когда гости пріѣзжаютъ чтонибудь просить, то сейчасъ обѣ этомъ не говорятъ, а объясняютъ свою просьбу, собираясь уѣхать.

**) Въ горскихъ пѣсняхъ всегда можно встрѣтить строфы, смыслъ которыхъ ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что говорится въ самой пѣснѣ; вводятся же они ради рифмы.

Князь Бекмурза, счастливый охотникъ,
Сдѣлавъ выстрѣль, одного изъ нихъ убилъ;
Отъ него для котла въ кошъ принесли.
Пойѣвъ и напившиесь, джигиты спокойно легли.
Рано вставши, джигиты въ путь собрались.
Бекмурза такъ сказалъ:
«Я ночью заснулъ и сонъ видѣлъ,
«Во снѣ отца Жабо видѣлъ:
«Былъ онъ въ толпѣ кабардинцевъ, въ волчьей шубѣ на
плечахъ;
«Два уса, какъ куриней.
«У волчьей шубы отъ локтей нѣть рукавовъ;
«Въ толпѣ не было ему ровесниковъ;
«Онъ не былъ тѣмъ цѣѣтущимъ, какъ прежде;
«На меня онъ даже не взглянулъ;
«Наше предпріятіе не по сердцу ему.
Кайсынъ такъ отвѣтилъ:
«—Сонъ есть ненужные отбросы сна,
«Вѣрующій снамъ ничтожный человѣкъ.
«Ты видѣлъ большое сраженіе;
«Сраженіе для героевъ—выбрасываніе пуль.
«Богъ дастъ, мы за горы перевалимъ,
«А за труды ногъ дѣвицъ—невольницъ возьмемъ.
«Отсюда вернувшись безъ добычи,
«Что мы скажемъ нашимъ женщинамъ?
«Тѣневая сторона Лахума*) не освѣщается солнцемъ;
«Съ полными руками, съ цѣлой головой каждый разъ
«Возвращаться домой кто же не любить?
«Молодцы! Двинемся по ту сторону горъ!
«Увидѣвши врага, не отворачивайте головы!
Тронулись въ путь и вышли на Чіарь.
Съ Чіара въ Норичи**) спустились.
Съ высоты черный воронъ зловѣще прокаркалъ,
Кобылица изъ рукъ вырвалась,
Въ нее нечистая сила вселилась.
Съ этой кобылицей по Имеретію вѣсть разнеслась.
Какъ чутки имеретины на тревогу!
За горами съ Кайсыномъ кто же остался?

*) Лахумъ—мѣстность въ Имеретіи.

**) Чіарь и Норичи—мѣстности за переваломъ, въ Имеретіи.

Какъ случилось, что за переваломъ исчезли
У князя Жабо два русыхъ наследника?*)
Какъ случилось, что за горами
У князя Жабо наследники—золотые альчики,
Кайсыны, Бекмурзы!
Куда имъ было дѣваться?
Въ плохомъ мѣстѣ врагъ настигъ;
Что не могъ врагъ сдѣлать, святой духъ сдѣлалъ.
Отправились, умныхъ совѣтовъ не спросили,
Отцу Жабо не сказались.
Вошли мы въ нору, куда лисица не заходитъ.
Видѣлъ-ли врагъ зловѣшій день нашего выхода?
Да пусть не вернутся живыми тѣ гости,
Ради которыхъ злосчастный набѣгъ затѣянъ.
Если Нучесь—сынъ Эндукукку выйдетъ живымъ изъ норы,
Онъ о храбрыхъ и трусахъ на нагишахъ**) будеть сказки
говорить.

* * * * *

Герой Кайсынъ такъ сказалъ:
«Моя пороховница хозомъ покрыта,
«Она полна порохомъ.
«Капая по каплямъ, къ утру лужа скопилась.
«Съ разсвѣтомъ была кровавая битва.
«Ноги мои поразились болѣзнью.
«Когда другъ къ другу два врага приблизились,
«Тогда мое мужество, крѣпкое какъ крѣость,
«Сравнилось съ ничтожествомъ мертвеца.
«Мое ружье бѣглый холопъ сломалъ;
«Но абаевскій Сари-кулланъ***) нали души успокоилъ.

*) Ниже я изложу причины, послужившія къ погрому балкарскихъ джигитовъ, такъ какъ въ пѣснѣ все говорится отрывочно,—въ этомъ особенность горской поэзіи.

**) «Нагишъ»—мѣсто въ аулѣ, куда собираются сельчане, гдѣ они балагурятъ, шутятъ и ведутъ разнаго рода разговоры.

***) «Сари-кулланъ»—чудодѣйственная шапка, принадлежавшая Абаевымъ, а потомъ перешедшая къ Кайсыну.

«И что мы сдѣлали живущему за переваломъ
«И свинину пожирающему зобатому Уяну?¹⁾

* * *
* * * * *

Въ узкомъ мѣстѣ Дирха дерево срубили,
Но его снесло водою.
Да будетъ проклять ишкуланецъ Георгій,²⁾
Разнесшій вѣсть по Имеретію о джигитовскомъ набѣгѣ.
Отъ сестры рожденный Абаевъ Каспуратъ,
Когда эти вѣсти услышитъ,
Одинъ онъ пѣшій придетъ,
Свой синій шелкъ въ воду превратить.³⁾
Тогда обѣ убитыхъ Кайсынѣ и Бекмурзѣ
Пойдутъ по Имеретію ложные слухи и толки;
На тѣнистой сторонѣ рябой подтелокъ кажется бѣлымъ.
Пусть исчезнутъ щеголи Абаевы!
Когда на плоскость выѣзжаемъ,
Они въ товарищи намъ не годятся;
А когда домой придутъ, въ нагишѣ говорятъ намъ не даютъ.
Они, на кабузѣ⁴⁾ играя и пѣсни распѣвава,
На женской половинѣ похваляются;
Ячмень смѣшаютъ съ пшеницею,
На цѣлый мѣсяцъ работы челюстями даютъ.
Когда на плоскость выѣзжаютъ,
Ихъ мужество какъ у бабъ,
А дома свои талии серебромъ унизываютъ.
Если спросятъ: «Кто они?»
Эндруковы—князья Аліевы,
Эндруковы, Курмановы.⁵⁾
Когда нась врагъ настигъ,
Не удержались возлѣ нась.

¹⁾ Горцы называютъ имеретинъ зобатыми, такъ какъ они действительно отличаются большими зобами.

²⁾ О Георгіѣ, виновникѣ всѣхъ несчастій балкарцевъ, скажу ниже.

³⁾ Т. е. шелковый бешметъ отъ обильного пота въ воду превратить.

⁴⁾ «Кабузъ»—струнный музыкальный инструментъ въ родѣ баладайки.

⁵⁾ Тѣ же Абаевы.

Сванеть Мулаевъ изъ палокъ ножу сдѣзаль,¹⁾
Трусы Абаевы, удирая, въ горы ногами вливались;
Ногаевъ Индербей, убѣгая,
Ладони своихъ руки въ шерсть превратилъ.²⁾)
Желто-шубные безентіевскіе узденіи тамъ отличились;
Рохаевъ Токеъ,³⁾)
Уруслбіевъ Кучукъ вънабѣгъ были ли?
Кучукъ былъ товарищемъ Тутуровыхъ;
Въ плохой день товарищемъ Кучуку Гекки сдѣжался.
Въ день геройской битвы
Тамъ Уруслбіевъ князь Кучукъ
На гяуровъ какъ левъ бросался;
Изъ десяти пальцевъ онъ двухъ лишился.

* * *
* * * * *

Въ ущельѣ Дирха дерево срубили, его водой снесло.
Не посчастливилось ишкуланцу Георгію,
Давшему вѣсть имеретинцамъ о набѣгѣ.
На пальцѣ убитаго Кайсына
Былъ перстень княгини Даидипаль.
Исчезли Кайсынъ и Бекмурза.
О, что-же будемъ дѣлать?
У князя Кайсына осталась сакля, соломой крытая,
Жена Кайсына осталась съ босыми ногами и непокрытой
головой.

О причинахъ неудачи похода балкарцевъ въ Имеретію горцы рассказываютъ слѣдующее:

Какъ только балкарскіе джагиты подъ предводительствомъ Кайсына перешли переваль Штулы, они встрѣтили имеретина Георгія изъ селенія Шкуланы. Этотъ Георгій считался преданнымъ и злодѣчнымъ другомъ Кайсына и Бекмурзы и даже одно время былъ воспитанникомъ ихъ отца Жабо. Такая тѣсная дружба способствовала тому, что Георгій зналъ всѣ тайныя предпріятія Кайсына и Бекмурзы и часто участвовалъ съ ними въ походахъ. На этотъ разъ Георгій почему-то вздумалъ измѣнить своимъ друзьямъ. Онъ незамѣтно скрылся и

¹⁾ Т. е. Абаевы такъ поспѣшили бѣжали, что побросали свои горыя палки, а Сванеть Мулаевъ изъ этихъ палокъ тихелую ножу сдѣзаль.

²⁾ Т. е. бѣжавши по крутымъ горамъ, скаламъ и камнямъ, цѣпляясь руками въ такъ ихъ измочалилъ, что какъ бы изъ шерсть превратилъ.

³⁾ Безентіевецъ.

пустился бѣжать, чтобы предупредить своихъ о грозившей опасности, На это обстоятельство намекается и въ пѣснѣ:

«Кобылица изъ руکъ вырвалась,
«Въ нее нечистая сила вселилась.
«Съ этой кобылицей по Имеретію вѣсть разнеслась....

Надобно замѣтить, что хищническіе набѣги горцевъ за снѣговыя перевалы всегда совершались лѣтомъ, когда верховья ущельевъ и ближайшія горы, освобождаясь отъ снѣгового покрова, дѣлали доступными снѣговыя перевалы. Въ это время года горный быстрыя рѣки, вслѣдствіе таянія снѣга и ледниковъ, столь обильно переполняются мутной водою, что переправа чрезъ нихъ вбродъ становится невозможной.

Черезъ одну изъ такихъ рѣчекъ съ очень широкимъ русломъ, балкарцамъ во время сильныхъ набѣговъ въ Имеретію, во избѣженіе обходныхъ и длинныхъ движений, приходилось переправляться особымъ способомъ. Народная фантазія, надѣляющая своихъ героевъ возможными и невозможными доблестями, повѣствуетъ, что балкарцы въ этомъ мѣстѣ употребляли слѣдующій способъ переправы: посрединѣ рѣки лежалъ большой камень, и балкарцы умѣло имъ пользовались; они съ добычею сперва прыгали съ одного берега на камень, а потомъ съ камня на другой берегъ. Во время погони враговъ, когда балкарцы успѣвали перепрыгнуть чрезъ рѣку, то уже находились въ безопасности, такъ какъ имеретины не могли пользоваться балкарскимъ способомъ переправы. Когда-же балкарцы замѣчали, что погоня настолько близка, что не успѣютъ перескочить чрезъ рѣку, то они спѣшили укрыться въ потайной пещерѣ, известной имъ однѣмъ. Имеретины, прискаакавъ къ рѣкѣ и не видя врага, всегда полагали, что врагъ перешелъ рѣку и скрылся за горы; тогда они прекращали преслѣдованіе и возвращались во своимъ, а по уходѣ ихъ балкарцы выходили изъ пещеры и обычнымъ путемъ возвращались домой.

На этотъ разъ имеретины, извѣщенные измѣнникомъ Георгіемъ о нападеніи балкарцевъ, паско вооружились и послѣшли навстрѣчу врагу. Балкарцы, измѣривъ силу и численность врага и находя невозможнымъ успѣть перескочить чрезъ рѣку, укрылись въ завѣтной пещерѣ. Георгій, знавшій всѣ ходы и выходы балкарцевъ, указалъ своимъ на пещеру съ засѣвшими въ ней врагами. Время подходило къ ночи, поэтому имеретины рѣшили выждать разсвѣта, чтобы лучше и вѣрѣ уничтожить балкарцевъ. Вслѣдствіе большой сырости въ пещерѣ, у Кайсыя, который страдалъ ревматизмомъ, сильно разболѣлись ноги, такъ что онъ съ болѣшимъ трудомъ двигался. На утро Кайсынъ обратился къ брату и товарищамъ съ такими словами: «Друзья! Насъ «небольшая горсточка людей, хотя храбрыхъ и неустранимыхъ, «но вы видите, что непріятель хорошо вооруженъ и почти въ десять «разъ многочисленнѣе насъ. Я пораженъ болѣзнью ногъ и, какъ видите, еле двигаюсь; участь моя рѣшена; я здѣсь погибну; но вы-то, молодцы съ здоровыми ногами, должны уйти отсюда; поэтому не давайте сраженія, пробейтесь и уходите домой». Само собою разумѣется, балкарцы не согласились на такую въ ихъ глазахъ постыдную комби-

вашю и рѣшили драться до послѣдняго вздоха. Порѣшивъ во что бы то ни стало драться, балкарцы вышли изъ пещеры и стали лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ врагомъ. Произошла кровопролитная схватка, когда либо бывшая въ горахъ. Кайсынъ былъ не въ силахъ драться; онъ сидѣлъ поодаль и, замѣтивши измѣнику Георгія, обратилъ къ нему со словами: «Ты видишь, я, пораженный болѣзнью, не въ состояніи ни бѣжать, ни драться, но все таки живымъ въ руки не дамся. Погоди меня останется эта, высокой цѣнности и чудодѣйственная, сабля Сарп-Кулакъ»; не хочу, чтобы она досталась глаурамъ собакамъ, «путь лучше она будетъ наслѣдіемъ моего друга». Сказавши это, Кайсынъ протянулъ саблю Георгію. Трусливый Георгій, предвидя коварство Кайсына, сказалъ ему: «Кайсынъ, если ты дѣйствительно желаешьъ подарить свою саблю, то поверни ее рукояткою ко мнѣ, и я возьму ее.» Кайсынъ исполнилъ просьбу Георгія. Когда-же этотъ послѣдний протянулъ руку, чтобы взять саблю, Кайсынъ въ одно мгновеніе перебросилъ саблю рукояткой къ себѣ и единимъ могучимъ взмахомъ перерубилъ Георгія пополамъ. Это случилось такъ быстро и неожиданно, что Георгій, полагая, что Кайсынъ промахнулся, иронически замѣтилъ ему: «Что, Кайсынъ, не удалось тебѣ твоє коварство». Это были послѣднія слова измѣника.

Изъ этой битвы немногіе изъ балкарцевъ вернулись домой, оповѣстивъ своихъ о смерти Кайсына и Бекмурзы и другихъ товарищъ.

III О Р III *)

(БАЛКАРСКАЯ ПѢСНЯ).

Загаштоковъ Чепелсу
Во снѣ ночью сонъ видѣлъ;
Видѣлъ вещи убитыхъ послѣ битвы.
Утромъ рано вставши,
Въ Шаурдатъ**) поднялся,
Тамъ Ульбашева героя Уччу онъ въ товарищи взялъ
И, собравшись, въ Большую Балкарію***) пришелъ,
Таміева Жаза вторымъ товарищемъ взялъ.
Они на перевалъ Шорійскій пришли.

*) Шори—мѣстность съ группою ауловъ въ Имеретіи. Изъ тетр. Н. И. Урусбіева.

**) Шаурдатъ—одинъ изъ ауловъ въ Балкаріи, расположенный на возвышенномъ мѣстѣ.

***) Большой Балкарію называется группа ауловъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ р. Черека.

Съ Шорійского перевала
Вокругъ и на низовья его смотрѣли,
На горѣ двухъ охотниковъ увидали,
Окруживъ ихъ, изловили.
Отъ нихъ начали допытываться вѣстей,
Но вѣстей они не дали
И ихъ за людей не сочли.
Изъ горнаго мха огонь развели,
Спину охотниковъ въ огонь положили
И хорошихъ вѣстей добились:
«—Ауль нашъ ушелъ на Чечхумскую поляну».
Очутились балкарцы въ выгодномъ положеніи.
«—Въ такой оплошности нашъ ауль кто-же увидитъ?
«И кто бы осмѣлился сдѣлать набѣгъ въ ауль?»

* * *
* * * * *

«—Тыкинаевъ Дебекъ,
«Въ большую Балкарю надо извѣстіе дать!
Ой, Тамаевъ Жаза,
На свои двѣ ноги надѣется,
Утромъ съ Рчивашки¹⁾ отправился,
На Кунюмскій нагишъ²⁾ пришелъ,
Кунюмскому «нагишу» вѣсть далъ;
Въ нижніе Чегеты³⁾ перешелъ
Чегетскимъ «нагишамъ» вѣсть далъ.
Абаевъ князь, Мусуковъ-богатый
Начали собирать соперническія паутіи;
Черіева въ Штулу⁴⁾ нарочнымъ послали;
Передовыхъ на Айлямъ-тамъ задержали.
Посмотрѣли, тамъ Бибо не видѣли.
Ой, Сакаевъ, молодой Маме!

¹⁾ Ущелье р. Рчивашки—прямой путь отъ перевала въ Сванетію на Большую Балкарю, но для этого приходится переходить черезъ недоступныя сѣговые горы.

²⁾ Кунюмъ—солнечная сторона. Аулы, расположенные на этой сторонѣ, именуются «кунюмъ». «Нагишъ» мѣсто, где собираются музыци аула для сплетень и разговоровъ.

³⁾ Чегетъ—тѣневая сторона, аулы на этой сторонѣ именуются «чегетъ».

⁴⁾ Штула—перевалъ въ Сванетіи.

За Бибо Маме послали,
Бибо въ скорости явился.
Его прибытия многіе не взлюбили.
Бибо направился на высоты,
Взявъ на двоихъ араку.¹⁾
Коротко засучивъ полы,
Онъ подгонялъ впередъ
Лучшихъ молодыхъ джигитовъ
Партию свою въ кругъ разсадилъ,
Самъ чашки разносиль
И каждого чашкою араки надѣлялъ.
Пока хмель араки не разсѣялся,
Онъ на солнечный Маргушъ набѣгъ учинилъ.
Тамъ на одного по два плѣника пришлось.
Тотчасъ-же на тѣнистый Маргушъ напалъ.
Нападающій два раза живымъ не уйдетъ,
На одного по двѣ раны пришлось.
Равнина, на которой не скатывалось яйцо,
Сдѣлалась недоступной даже для тuroвъ.²⁾
Черная вода, которую собаки не лизали,
Превратилась въ Терекъ, недоступный
Для перехода жеребцамъ.³⁾

О РЮЗМЕКЪ

(ПѢСНЯ).

Оризмекъ былъ изъ узденей,
Много труда перенесъ,

¹⁾ Т. е. двухъ человѣкъ навьючили аракою.

²⁾ Т. е. вслѣдствіе нагроможденія мертвыхъ тѣлъ и награбленнаго добра, равнина сдѣлалась недоступной.

³⁾ Горцы, когда желаютъ выразить большую воду, то всегда сравниваютъ ее съ р. Терекомъ; въ данномъ случаѣ рѣчка, гдѣ происходило сраженіе, въ обыкновенное время съ такимъ малымъ количествомъ воды, что собаки не могли лизать ее, наполнилась кровью въ такомъ обилии, что сдѣлалась недоступной для перехода лошадей.

Сила его не уступала силѣ нартовъ.
Кто-же онъ, Орюзмекъ?
Въ горахъ родился, на плоскости воспитанъ.
Онъ головы рубиль, какъ траву косиль;
Пулями камни пробивалъ.
Темнорусые усы, каріе глаза,
Безъобманный, однословный.
Волчья шуба въ накидку,
Двѣ брови, какъ курпей.
Брезгя торе,¹⁾ онъ его не посѣщалъ,
Отъ сабли головы не отворачивалъ,
Отъ пуль глазомъ не моргалъ,
Съ двумя совѣтъ не держалъ.
Ой, да кто-же былъ храбрый Орюзмекъ?
На торе желѣзной палкой,
Въ скалахъ на птичьихъ ногахъ,
На вороной лошади съ гибкими подпругами,
Крылатый летучаго орла,
Съ молнію равный всадникъ.



ТАТАРХАНЪ БАГАТЫРЕВЪ²⁾

(КАРАЧАЕВСКАЯ ПѢСНЯ)

Въ мѣстахъ нахитана³⁾ разставили три вѣхи⁴⁾:
Изъ Даута⁵⁾ раздался оглушительный крикъ

¹⁾ «Торе»—народное судилище.

²⁾ Изъ тетради Н. И. Урусбіева.

³⁾ Нахитанъ—на видныхъ мѣстахъ.

⁴⁾ Во время военныхъ тревогъ обыкновенно на видныхъ мѣстахъ выставляли длинныя жерди съ навязанными флагами или пучками травы, чѣмъ вызывали жителей въ погоню за врагомъ; кромѣ сего такія же жерди ставили у домовъ, изъ которыхъ мужчины не выходили въ походъ, въ знакъ посрамлеія.

⁵⁾ Даутъ—аулъ въ Карачаѣ.

И оттуда въ большой Карабай прилетѣла вѣсть.
Весь Карабай собрался на Санчикъ¹).
Изъ трехъ ущелій партіями на тревогу вышли,
Вышелъ и Крымшамхаловъ доблестный Гилястанъ.
Въ день выѣзда князя Гилястана
Подъ нимъ конь сильно скакалъ.
Багатыревъ доблестный Татарханъ
Не лѣнась ходилъ и славу пріобрѣль.
Ой, Мукаевъ доблестный Байчакку,
Онъ на Даудское плоскогорье поскакалъ
И тамъ про Татархана освѣдомлялся,
Татархана въ домѣ не нашелъ:
Татарханъ къ осеннимъ баранчикамъ пошелъ
Просить барана на зарѣзъ.
Ахъ, если бы мы настигли врага,
Татархана впереди бы поставили.
Настигнувши врага, мы надъ нимъ потѣшились бы.



Татарханъ домой пришелъ вечеромъ.
«Мать, я безконечно голоденъ»,
Такъ матери сказалъ Татарханъ.
«—Присланного тобою барашка
«Мы вчерашиюю ночь зарѣзали,
«Тебѣ хорошую долю оставили.
«Съ трехъ равнинъ твои три сестры прїѣхали,
«Твою долю онѣ поѣли и уѣхали.»
Предъ нимъ поставила баранью лопатку и часть головы.
Онъ два раза содралъ мясо и три раза вкусилъ.
Посмотрѣвши на лопатку²), онъ у матери спросилъ, что
новаго?
«Карабай находится въ покой при косахъ и вилахъ»³),
Такъ отвѣтствовала мать.

¹⁾ Санчикъ—мѣстность въ Карабай.

²⁾ Горцы на бараньей лопаткѣ гадаютъ: начисто счищаются лопатка, смотрѣть на свѣтъ и такъ узнаютъ будущее и прошлое. Татарханъ, смотря на лопатку, увидѣлъ, что въ Карабай что-то неладно.

³⁾ Т. е. Карабай находился при обычновенныхъ занятіяхъ: косить и гребутъ сѣно.

«—Мать, мы заснемъ, потомъ встанемъ и бывшія дѣла
увидимъ...
«Тогда среди своихъ товарищей, не подымая головы, умремъ¹⁾.
«—Въ такомъ случаѣ сообщу тебѣ вѣсти, мой сынокъ.
«Кызыльское²⁾ войско аулъ Даутово разграбило,
«Твою емчекскую³⁾ мать увели.
«Какъ корова, отбившаяся отъ телка, она, оглядываясь, ревѣла
«. ⁴⁾).
«—О, Боже! а я свои чабуры отдалъ баранщику;
«Да будутъ мои ноги крѣпки, какъ у домашняго катра». Не мѣшкая долго, онъ схватилъ свое оружіе
И направился на сховатскую дорогу.
Растянувшись, конь скакеть, какъ скаковой Шаулохъ⁵⁾.
Онъ, подобно древнимъ нартамъ, достигъ цѣли похода.
Карачай былъ задержанъ рѣкою Сховать.
Багатыревъ доблестный Татарханъ
Обвязалъ себя лошадинымъ арканомъ
И какъ шаулохскій конь воду перешелъ,
Перешедши, закричалъ на манеръ бобра-самца
На лежащихъ длинношерстныхъ барановъ⁶⁾,
И какъ волчица врѣзался въ средину ихъ⁷⁾.

¹⁾ Увидѣвъ на лопаткѣ, что карачаевцы находятся въ погонѣ за врагомъ, Татирханъ дѣлаетъ замѣкъ, что если онъ будетъ спать, то на утро онъ будетъ осрамленъ и ему останется только умереть.

²⁾ Сванетское войско.

³⁾ Женщина, которая вскормила Татархана своимъ молокомъ.

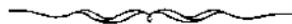
⁴⁾ Страна испечеириая.

⁵⁾ Въ Кабардѣ существовала очень рѣзкая и выносливая порода лошадей подъ названіемъ Шаулохъ. Теперь еще есть эта порода, но очень мало.

⁶⁾ Т. е. на сванетовъ.

⁷⁾ О томъ, какъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовалъ Татарханъ, разсказывается такъ. Сванеты съ обильной добычею, награбленной у карачаевцевъ, перешли черезъ мостъ, перебитый черезъ очень бурную горную рѣчку, и чтобы успѣшно спастись себѣ отъ погони, этотъ мостъ разрушили. Карачаевцы, доскакавъ до рѣки и видя невозможность переправиться, уже обратились вспять. Въ это время подоспѣлъ Татарханъ и вернулъ карачаевцевъ Для того, чтобы переправиться че-резъ бурную рѣчку, Татарханъ придумалъ слѣдующее: онъ обвязалъ себя арканомъ, опустилъ вершкомъ своей папахи внизъ, туда наложилъ смолу, зажегъ ее (дѣло было ночью) и сталъ переправляться че-резъ рѣчку, наказывъ своимъ, что покуда они будутъ видѣть огонь, пусть арканъ держать вольно, но какъ только огонь потухнетъ, зна-

По водамъ Сховата кровь потекла.
Ой, Кабаевъ трусливый Жулуй!
На тебѣ кровь есть, а раны нѣть;
Отдай отцу свиной калъ.
Ой, Макаевъ доблестный Байчокку
Внизъ по хребту спускался.
И съ товарищами на нижъ направился.
Боже, благословеніе доблестямъ Татархана!
Онъ Карабаевское войско возвратилъ,
Которое въ смятениі назадъ бѣжало.
Разжевывая каржинъ съ кровью,
Крымшамхаловъ доблестный Гилястанъ
Сдѣлалъ себѣ нарукавники изъ бѣлаго серебра
Ой, Шакмановъ князь Тамма
Съ Чегема пришелъ, бѣлый витязь¹⁾;
У него трофеи похода—два невольника.
Князю Тамма нужны невольники, а также и скотъ.



АЛЛА-ГИДАЙ.²⁾

(горская песня).

«Скотъ мой паль, взоръ мой обращень на Алла-Гидай.
«Красавица, ласточка, Алла-Гидай!
«Крылышкомъ по бумагѣ пиши.



чить онъ тонеть, и тогда пусть его вытасниваются. Татарханъ благополучно переправился. На другой сторонѣ рѣки онъ нарубилъ жердей, привезяль къ нимъ арканъ и карачаевцы потащили ихъ. Такимъ образомъ смастерили животрепещущій мостъ, чрезъ который перешли карачаевцы. Между тѣмъ сванеты, утомленные походомъ и полагая себя въ безопасности, крѣпко заснули. Вотъ тутъ-то и произошелъ полный разгромъ сванетовъ.

¹⁾ Тамма Шакмановъ изъ Чегема гостили въ Карабаѣ и также участвовалъ въ походѣ.

²⁾) «Алла»—пестрый или разноцвѣтный, «Гидай»—безрогая овца или коза; «Алла-Гидай»—называютъ дѣвницѣ-красавицѣ.

Песня эта заимствована изъ тетрадей Нуруза Урусбіева и мною переведена на русскій языкъ.

«—Ой, если отъ него останусь, пошли Боже,
«Чтобы я досталась чернобородому муллѣ:
«Чернобородый мулла пишетъ амулеты
«Цѣлыхъ два мѣсяца.
«Если отъ него останусь, пошли Господь,
«Чтобы я досталась утопающему въ богатствѣ.



«Джигитъ, я женщина бессильная.
«Если сверху большую воду запрудить—водопадъ будетъ,
«Когда на большой водѣ нѣть моста,—каюкъ¹⁾ бываетъ.
«Джигитъ, шибко не ходи--непристойно узденю.



«—Къ крыльышку привяжу бумагу.
«Была у меня милая,—она скрылась;
«Теперь гдѣ найду?



«—Подвязывая сафьянную подвязку,
· Спину утомила.
«Отъ души любимый другъ
«Не пришелъ, меня обидѣлъ.
«Если не идешь джигитъ, такъ не ходи,
«Я сомнѣваюсь въ твоей любви.
«Кто настъ отворожилъ въ нашей любви?
«Я есть плодъ ягда,
«Свѣтлѣ золота блещу.
«Джигитъ, берешь меня, такъ бери,
«Не берешь,—есть просители, за одного изъ нихъ пойду.



«—Ночи мои въ туманѣ, дни во мракѣ.
«Съ нетерпѣніемъ жду желаннаго разсвѣта.

¹⁾ «Каюкъ»—выдолбленая лодка

«Милымъ другомъ приходишься, Гидай!
«Я явлюсь къ тебѣ въ пышности.
«Твои жестокіе и незаслуженные упреки
«Холодомъ въ моемъ сердцѣ отразились,
«Подобно холоду на подносѣ тузлуга.¹⁾)
«Не выйдя за меня,—меня обидишь,
«Прекрасный другъ, Алла-Гидай!

* * *
* * * * *

«—Если бы превратилась я въ синюю голубку,
«Да улетѣла бъ въ небо, что сдѣлаль-бы джигитъ?
«— Если бы, превратившись въ желтаго ястреба,
«Поймаль-бы голубку, что сдѣлала-бъ Гидай?
«— Если-бы я превратилась въ пеструю рыбку,
«Да нырнула-бы въ воду, что сдѣлалъ бы ты?
«— Если, превратившись въ удочку,
«Поймаль-бы рыбку, что сдѣлала-бъ Гидай?
«— Если-бы я превратилась въ просяное зерно,
«Да разсыпалась по землѣ, что сдѣлаль-бы джигитъ?
«— Если, превратившись въ курочку съ цыплятками,
· Поклеваль-бы зерна, что сдѣлала-бъ Гидай?
«— Если-бы я превратилась въ плугъ
«И вонзилась-бы глубоко въ землю, что сдѣлаль-бы ты?
«— Если я, превратившись въ сильныхъ быковъ,
«Выдернуль-бы плугъ, что сдѣлала-бъ Гидай?
«— Если-бы по волѣ Бога я была-бы больна,
«Что сдѣлаль-бы джигитъ?
«— Если я, превратившись въ Локманъ-Хакки,²⁾)
«Исцѣлилъ-бы тебя, что сдѣлала-бы ты?
«— Если-бы мнѣ Богъ послалъ смерть
«И я лежала-бы мертввой, что сдѣлаль-бы джигитъ?
«— Я превратился-бы въ чистый бѣлый саванъ
«И обвилъ-бы свою милую Гидай.

* * *
* * * * *

¹⁾) «Тузлукъ»—это смѣсь холоднаго кислаго молока и соли, которую подаютъ на подносѣ вмѣстѣ съ вареной барабаниной; часто къ этой смѣси прибавляютъ чеснокъ.

²⁾) «Локманъ-Хакки»—легендарный знахарь.

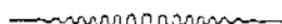
«— Видѣла орла съ голубиною шеей,
« Видѣла сонъ: мой милый благополучно вернулся.
« У того красиваго орла на крылѣ не было ничего,
« А у вернувшагося милаго цѣла была душа, а лица не было.
« Онъ съ пальца золотого кольца не могъ снять.
« До рокового сна я была въ покой,
« Теперь тотъ сонъ въ мою душу вселилъ беспокойство.



«Много подарковъ милый привезъ,
«А меня ими не удостоилъ.
«Давно ушелъ, человѣка сгубилъ;
«Домой къ себѣ не возвратился.



«Опять видѣла орла съ голубиной шеей.
«У него на крылѣ что-то было.
«Когда дѣва идетъ за любимаго,
«Она пребываетъ въ небесномъ сіяніи.
«Выше горъ холмы не бываютъ.
«Если дѣва не выходитъ за любимаго человѣка,
«Въ сердцѣ той дѣвы жира не бываетъ;¹⁾
«Такая дѣва, не выпивши амулетовой воды, не излѣчится.
«— Зачѣмъ такъ внизъ смотришь,
«Что видишь тамъ, Гидай?
«Я не возьму тебя,—изъ за меня не зачѣмъ убиваться.



ЛЮЗӨБЬ.²⁾

(горская песня).

Мой милый ушелъ на гору Клисъ,
А про него пошла дурная слава.

¹⁾ Т. е. холодное сердце.

²⁾ Замѣстивано изъ тетрадей Науруза Исмаловича Урусбіева и переведено мною съ горскаго на русскій языкъ.

Когда же вернется — явится съ золотымъ подаркомъ.
Не надо мнѣ твоего подарка;
Пусть будетъ моимъ удѣломъ
Твое душевное благополучіе и твоя длинная ночь.



Голуби воркуютъ, — лѣто ли настало?
Душа, зачѣмъ меня упрекаешь?
Вѣдь въ долгой разлукѣ съ милымъ,
Въ тоскѣ по немъ красоту свою потеряла.



Ребята, трехлѣтняго жеребенка не осѣдлывайте!
Осѣдлаете — спина заболить.
Дурнымъ словомъ въ шуткахъ милаго не обижайтесь:
Его любящее чуткое сердце будетъ страдать.



Въ бѣлой горѣ есть большія пещеры;
Въ аулѣ колдуны и вѣдьмы;
Двухъ любящихъ сердецъ другъ отъ друга разлучаютъ.
Душа — дѣвица! Если любишь, какъ я тебя люблю,
Я склоню голову на руку твою бѣлѣе сиѣга;
Я тебя люблю, но если ты меня не любишь,
Пусть поразить твое сердце пуля.



Шея голубая съ синими пятнами;
Объятія милаго дышутъ пріятной прохладой.
Ночью, какъ въ раю Фердауса,
У нихъ — любящихъ игры бываютъ.



Мой милый на плоскости разѣзжается.
Желала-бы я при сильномъ дождѣ

Превратиться въ бурку и башлыкъ,
Чтобы растянуться на плечахъ и обвить шею моего милаго.
Когда милый мой домой вернется,
Желала-бы я очутиться въ его прохладно-пріятныхъ объятьяхъ.



Мой милый ушелъ на лѣтній покосъ,
Онъ косиль на тѣнистой сторонѣ;
Я на солнечной сторонѣ жала ячмень,
Спрашивая прохожихъ о немъ.



Мой милый—бравый ушелъ въ аулъ,
Я спекла ему одинъ пирогъ,
Въ маслѣ его могли-бы плавать русскіе кони.
Если такого героя не любить, такъ кого-же любить?
Когда милый выѣзжаетъ на плоскость,
Мнѣ кажется, что можетъ гнать гуськомъ конныя арбы
И съ корнемъ вырывать языки.



Мой милый гулять ушелъ по свѣту,
Мои глаза неустанно слѣдять его возвращеніе.
Боже, такого молодца не любить, такъ кого-же любить?
Очутиться въ объятьяхъ у милаго—наслажденіе¹),
Какое испытываетъ пастухъ, считая молодыхъ барашекъ.



Плыть—стелется туманъ, охватывая низины,
Подобно рыбѣ, въ большой водѣ плывущей.
У кого, отбивши, милую увозять,
Тотъ сравняется съ трусливой дѣвицею.

¹) Эта строка измѣнена, такъ-какъ въ подалиишикѣ неудобный для печати выраженія.

Любящихъ любящимъ отдавайте,
Нелюбящихъ на широкихъ воротахъ распинайте.



Мой милый ушель на лѣтній сѣнокосъ,
Я пошла жать ячмень.
О, еслибъ у милаго поломалась коса,
А у меня поломался серпъ!
Пошли-бы мы къ кузнеду чинить косу и серпъ,
И пусть тотъ кузнецъ въ болѣзни корчится;
С, наслаждались-бы вдвоемъ наединѣ успокоенные.



Мой милый ушелъ на гору Алисъ;
Отецъ разукрасилъ бѣлую горницу.
Шуть эта горница огнемъ истребится,--
Готова жить съ любимымъ въ раскрытомъ сараѣ.
Въ чёмъ кроется красота моего милаго?
Онъ лучше—прекраснѣе богатства міра!



Трехлѣтняго жеребенка, гладя и чистя, не сѣдѣгвайте.
Бросившему милую, руку не протягивайте.
У милаго глаза и брови чернѣ «нала».
Бѣдному отцу и бѣдной матери
Помогайте своимъ состояніемъ.



На лѣтнемъ покосѣ ременнымъ поясомъ не подвязывайтесь,
Онъ затвердѣеть, высохнетъ, спину потретъ.
Послѣ вечерняго намаза на крышахъ не прохаживайтесь,
Посторонніе люди, увидѣвші, будутъ подозрѣвать.



Распѣвава—распѣвава, изъ кожи дикой козы уздачку сдѣлалъ.
Играя и смѣясь, я, малый, влюбился.
Кони, останавливаясь—останавливаясь, воду пьютъ.
Милые, наединѣ оставаясь, играются—играются, ночи не
замѣ чаются.



Сказала-бъ милому слово, если исполнить его,
Дала-бъ милому долгую отлучку,
Если-бъ наше блаженство въ этомъ мірѣ было продолжительно.



Плынетъ, стелется туманъ, охватывая низины,
Подобно рыбѣ, въ большой водѣ плывущей.
Находя новыхъ друзей, старыхъ не отталкивай.
Душа—молодецъ, сердце мое тебѣ принадлежитъ;
Но если ты меня не любишь,
Пусть ногайскія ружья продырявятъ твои пахи.



Въ бешметѣ короткомъ по колѣна
Ты сѣно косиль на тѣнистой сторонѣ,
Я жала ячмень на солнечной сторонѣ,
И робко на тебя поглядывая, я статную шею искривила.



О, еслибъ у милаго поломалась коса,
А у меня поломался-бъ серпъ!
Пошли-бы мы къ кузнецу чинить серпъ и косу.
Если-бъ тотъ кузнецъ лежалъ 15 дней въ болѣзняхъ
Борчахъ,
О, тогда наединѣ вдвоемъ наслаждались-бы мы успокоенные.



Я милой купилъ костяную гармоню.
Милая, дорогая моя, тебя я крѣпко люблю!
Но если ты меня не любишь,
Да будь на томъ свѣтѣ черной свиньей.



СВАДЕБНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ.¹⁾

У спокойнаго пусть не будетъ болѣзней;
У неспокойнаго пусть болѣзнь приключится.
«Аминь» кто скажетъ, пусть скажеть;
Кто не скажетъ, пусть скорѣе умретъ.
Да пусть къ намъ всегда такія невѣсты приходятъ.
Ой, чашку бузы—чашку меду
Возьмемъ и провозгласимъ
И на языкъ положимъ.
Отъ дурныхъ дѣлъ въ сторонѣ останемся.
Хорошія пожеланія отъ нась не устранится,
Дурныя намѣренія пусть не достигаютъ,
Пожеланія дурного человѣка да не сбудутся въ нашей жизни.
Дурныя намѣренія пусть устраниются,
Хорошія пусть сбудутся.
Кто не желаетъ добра тому, кто хороши съ сосѣдями, окрест-
ными людьми и своей семьей, и кто не любить ихъ,
пусть у него рождаются дураки и въ домѣ будуть
покойники.
Пусть у пришедшей невѣстки будутъ почести велики, какъ
Пусть у ней будетъ умъ, какъ озеро глубоко. горы.
Сыны и дочери пусть растутъ и размножаются, какъ равнина
широкая.
Пусть будутъ почести чрезвычайныя, а языкъ обтянутый.²⁾)
Если будетъ дурная, пусть родящіеся будутъ тоже дурными.
У хорошей пусть будутъ преддверья обширны и, будучи обтя-
нуты цѣпью, служили бы для пѣсень и плясокъ.³⁾)

¹⁾ Задокументованы изъ тетрадей Науруза Исмаиловича Урусбіева.

²⁾ Т. е. молчаливый.

³⁾ Вообще у горцевъ предъ саклями есть площадки, называю-
щіеся «преддверье». Здѣсь во время свадебъ и въ другихъ случаяхъ дѣ-
ушки и парни поютъ и пляшутъ.

Чтобы дойныхъ коровъ въ малыхъ годахъ было-бы не меньше ста.
Первый родившійся пусть будетъ таракчи,¹⁾
А второй пусть будетъ таякчи,²⁾
Третій пусть будетъ баравщикомъ.
Принесенные невѣсткой подарки пусть будутъ шелковы.
Пусть будетъ первый родившійся ученъ и читаетъ коранъ.
Труба очага пусть будетъ съ копотью,³⁾
А самъ очагъ пусть будетъ широкъ.
Пусть родившаяся дочка будетъ красавицей и весь свѣтъ
за ней ухаживалъ-бы.
Пусть въ нашъ аулъ прибываютъ невѣстки и да подарятъ
платочки.
Да дай Богъ нашему аулу спокойствіе и здоровье.
Пусть невѣстка, согнувъ ноги, сядеть и въ толщину ноги
пряжу соткетъ.
Если свекру, свекрови и своему главѣ молодая будетъ непо-
слушна, пусть преждевременно погибнетъ.
Пусть будетъ молодая крѣпка въ порученіяхъ отъ мужа,
Пусть ея ножницы только рѣжутъ шелкъ,
Пусть будетъ поступь молодой счастьемъ для цѣлаго квартала.
Сегодня этому дому радость: играемъ, поемъ, ъдимъ и пьемъ.
Сегодня этому дому радость, кто не сочувствуетъ ему,
Пусть у того преддверье останется безъ пѣсень и плясокъ,
И пусть тотъ никогда не пойдетъ барановъ,
Чтобы есть каржинъ (хлѣбъ), челюстей бы не было
И чтобы въ руки взять, и палки не было,
Пусть у его котла не будетъ ручки,
Чтобы въ этомъ и въ томъ мірѣ доли ему не было.
Кто желаетъ добра этому дому,
Пусть всегда у его преддверья поютъ и пляшутъ,
Пусть онъ пасетъ 2000 барановъ,
Въ старости для каржина пусть будутъ челюсти крѣпки,
А чтобы въ руки взять, пусть будетъ палка съ серебрянымъ
набалдашникомъ,
Пусть будетъ ручка котла изъ желтаго золота.

¹⁾ «Таракчи»—дѣлающій для расчески шерсти гребни и сбивающій шерсть. т.е. ~~зуби~~

²⁾ «Таякчи»—палочникъ, т. к. зажиточные горцы ходятъ съ палками. т.е. ~~зуби~~.

³⁾ Т. е. чтобы на этомъ очагѣ всегда что нибудь варилось.

И подъ нимъ лошади иноходныя,
Чтобы въ этомъ и въ томъ мірѣ имѣль дома,
Рай Фердауса пусть будетъ его долей.
Кто не любить этотъ домъ, пусть будетъ жертвой большой пули.

ИМПРОВИЗАЦІЯ ОХОТНИКА.¹⁾

Ой, княгиня Фатима, баксанскій праздникъ!
Поступь охотника пусть будетъ тверда,
Пущенная имъ пуля пусть не сбивается;
Сбившаяся пуля пусть въ почки попадеть.
Когда прямо идетъ, пусть въ сердце попадеть,
Когда предполагаешь неудачу, пусть въ легкія попадеть,
Подстрѣленный звѣрь пусть кувыркомъ скатится.
Дай мнѣ лежащаго на бѣломъ снѣгу,
Дай мнѣ дергающаго бѣлую атаву,
Дай мнѣ, пока не высохнетъ кровь,
Дай мнѣ, пока пастухи не улягутся,
Дай мнѣ ходящихъ по самымъ вершинамъ,
Дай мнѣ пребывающихъ въ глубокихъ балкахъ!
На горѣ ходящаго пусть хребетъ перебьется!
Пусть находящагося въ балкѣ ноги перебьются!
О, дай въ лошадь величины ушастую лань
И кабана съ клыками дай,
Дай оголеннааго оленя!
Убивающій пусть убиваетъ,
Не убивающій пусть тоже убиваетъ
И пусть Богъ отовсюду счастье несетъ!

ОХОТНИЧЬЯ ПѢСНЯ.

Орайда!²⁾ Пошли въ домъ Апсаѣты.³⁾

Охотнику удачный день есть молоко щедраго Бога.

Въ неудачный день охотникъ подобенъ безпріютной собакѣ.

¹⁾ Заимствовано изъ тетрадей Науруза Исмаиловича Урусбіева.

²⁾ Орайда!—принѣчь во многихъ горскихъ пѣсняхъ.

³⁾ «Апсаѣты»—богъ охотниковъ.

Орайда! Собрались мы съ разныхъ мѣсть,
Подъ золотой подоль мы вмѣстились¹).
Если вмѣстились, то угости-ка
И тяжелой добычей утруждай-ка!
Орайда! Разсвѣло, ребята, вставайте,
Смертельное оружіе приготовьте:
Подымемся и выйдемъ на горы,
Обрызгаемъ кровью черные камни.
Поднявшись вверхъ, не возврати нась на конѣ къ дѣтямъ;
Пошли жаждущему молодцу добро—добычу.
Нашъ ротъ наполнитъ она жиромъ²)
И съ обоихъ усовъ пусть жиръ капаетъ.
Не догоняешь, переднихъ не останавливай—иди-ка,
Обрызгай камни кровью изъ легкихъ,
Утоли жиромъ жаждущія души.
Пусть черное ружье попусту не гудить.
Дѣлаемая намъ благодѣянія не забудь.
У Апсанты есть много добра,
На это добро мы смотримъ, его мы видимъ;
Завидуя ему, мы умираемъ.
Когда говорятъ: жалки—жалки,
Кто-же жальчѣе охотника?
Черствая лепешка за пазухой,
Въ тѣсныхъ мѣстахъ³) много добра таится,
Соблазнія нась, на конѣ пустыми возвращается.
Козлиная бородка, желтый козель!
Позволь намъ изъ пашни спугнуть желтаго козла,
Дай намъ потѣшиться его мясомъ!
Орайда! Мы идемъ въ горы.
Если идемъ, такъ одари нась,
Дай намъ въ жертву старого козла.
Старый козель для нась теперь призракъ въ туманѣ,
Жиръ живота его бѣлѣе снѣга.
Орайда! Дай намъ разрѣзать гортань, какъ рѣжемъ барашекъ.
Дай намъ пробить бока, какъ просяное сито.

¹) Т. е. подъ покровительство и защиту Апсанты.

²) Горцы чрезвычайно любятъ все жирное, и потому для нихъ сало туровъ и баранья лакомая пища.

³) Т. е. въ тѣсныхъ недоступныхъ скалахъ, гдѣ живутъ туры.

Дай намъ изъ его кожи къ кольцамъ придѣлать ремни¹).
Дай щенкамъ остатокъ ремней на кошу тренать.
Пусть тянутся улоуларь²) для дичи.
Наверху—на горахъ моросить.
Дай намъ двурогаго, обросшаго мхомъ,³)
Голову съ округленными большими глазами.
Большие глаза руками вырвемъ,
Наши души потѣшимъ желтымъ козломъ.
Орайда! Пусть жиръ остываетъ на усахъ.
Пусть выюки тянутся недѣлю.
У Апсанты есть дѣвицы съ большими бровями,⁴)
На бѣлыхъ горахъ ихъ значатся слѣды.
Въ голову тура ударить—дѣло доброе.
Кто славить Бога, тому Богъ счастье дастъ.
Возрадуются малыши, коптиящіе на кошу дичь.
Чтобы въ «нагишъ»⁵) старики голову дичи вкушали.
Дай Богъ такого, чтобы годенъ быть для копченія
И шкура служила-бы «тулукомъ»⁶).
Туры—козлиныя уши!
Самцовъ Апсанты гостямъ отдаетъ,
Матокъ для размноженія оставляетъ,
Щедрый Богъ ходящему даетъ,
Прибывшихъ гостей съ почетомъ принимаетъ.
Разъ Апсанты даетъ, то пусть даетъ,
А тѣ, кому не даетъ,
Пусть, волоча ремни⁷), возвращаются.
Покуда головы туровъ не падутъ, домъ сыть не бываетъ,
Покуда большія головы не падутъ, кошъ сыть не бываетъ.

¹) Горцы для привязыванія выюковъ дѣлаютъ изъ кожи животныхъ ремни, къ которымъ прикрѣпляютъ кольца.

²) «Улоуларь» выючныя животныя: лошади, ослы и мулы.

³) Т. е. тура, обросшаго шерстью.

⁴) Т. е. туры.

⁵) «Нагишъ» уличное собраніе аульныхъ жителей для праздныхъ разговоровъ.

⁶) «Тулукъ»—кожаный мышокъ.

⁷) Охотники, отправляясь на охоту, берутъ съ собой выючные ремни для ношенія дичи.

ДРУГОЙ ВАРИАНТ.¹⁾

Орайда! Подымемся въ горы не торопясь.
Орайда! Много добра твоего въ нашу сторону стони.
Орайда! Я выстрѣлю, пусть катится, въ корцахъ сгибаюсь,
И къ малышамъ на кошь я въ радости вернусь.
Орайда! Ой, пошли, когда-же пошлешь,
Напугавъ, къ намъ (звѣрей) и останови!²⁾
Орайда! Разукрась камни кровью изъ его легкихъ.
Пусть онъ, ревя, отдать намъ свою золотую душу.
Пусть его туша уложится на ременные веревки.
Орайда! Пусть дождь пройдетъ и солнышко проглянетъ.³⁾
Изъ пахъ тура пусть кровь брызнетъ.
Пусть на кошу, въ лучахъ солнца сало искрится.
Орайда, душа! Разсвѣтаетъ, ребята, вставайте,
Для смертнаго оружія приготовляйте,
Тура въ пахи бейте.
Орайда, душа! Остерегайтесь предразсвѣтнаго сна.
Пусть головою туръ ударится о твердую скалу.
Орайда! Забрались на горную вершину.
Вершины горъ тянутся цѣпью.
Орайда! На кошу хорошему и дурному одинаковый пай.
Орайда! На горѣ разыгрался желтый туръ;
Рога у него величиною съ локоть.
Легкія и печень рогатаго тура охотнику.
Орайда! У того бородатаго мать желтая коза.
Да заплачетъ мать бородатаго,
Да погладимъ его бородку козлину;
Козлиная бородка—выпуклые глаза.
Орайда! Его выпущенные глаза вырвемъ,
Съ его башни стащимъ его,⁴⁾
Надъ нимъ усмокомъ наши души.
Идутъ туры къ своему пристанищу,

¹⁾ Замѣствовано изъ тетр. Н. И. Уруебіева.

²⁾ Горскіе охотники никогда не стрѣляютъ въ звѣря во время его бѣга, а всегда въ то время, когда звѣрь стоять или лежитъ, причемъ стрѣляютъ съ подставокъ (сошекъ).

³⁾ Послѣ дождя туры выходятъ на пастьбу и доступны охотнику.

⁴⁾ Т. е. со скалы.

А охотникъ къ мѣсту выстрѣла приближается.
Орайда! Пусть его рога снимутся;
Они лишь годны на продажу.
Орайда! Идемъ и въ удобныя мѣста станемъ.
Ты (Апсанты) не дашь намъ съ голоду и ходьбы умереть.
Твои милости мы душевно почитаемъ.
Когда взойдемъ на высоты, дай намъ желтаго козла.
Когда спустимся на плоскость, дай намъ десятиогорогаго оленя.
Орайда! Высоты—убѣжище тура.
Пусть поразить его крѣпкій ядъ чернаго ружья.
Взошли на вершину, на вершинѣ мороситъ.
Мы-же идемъ, на Бога одного уповая.
Вышли на вершину, на вершинѣ по цоясь снѣгъ.
Орайда! Въ угнетенномъ духѣ не возврати насъ.
Орайда! Да пожуемъ окисшія печени.¹⁾
Орайда! Изъ гурта—изъ гурта выберемъ
И съ головами туровъ позабавимся.
Пусть на кошу въ котлахъ кипятится ихъ сало.
У Апсанты младшій сынъ Тугулбай.
Охотникомъ прострѣленная дичь пусть тутъ-же упадеть.
Орайда! Къ упавшему туру присоедини яловку—козу.
Туръ головой ударился о каменный мысъ.
Какую-же дичь Богъ далъ молодцу?
Дичь скрылась въ туманѣ.
Пусть скорѣе туманы разсѣются
И тоскливыя чувства скорѣе исчезнутъ.
О, дай намъ безъ жалобъ,
Прими насъ, какъ добрыхъ гостей!
Орайда! Если пришли—угости-ка;
Насъ несчастныхъ большою одари добычей;
Предназначенное счастье не удержи-ка.
Орайда! Положи-ка на ремни дичь частями.
Пусть остатки отъ фадана²⁾ щенки на кошу потреplютъ.
Когда говорять: несчастный—несчастный,

¹⁾ Часто охотники берутъ съ собою на закуску прокопченныя печенія, легкія и т. п. части дичи.

²⁾ Фаданъ—это тонкіе ремешки, служащіе вместо дратвы или нитокъ для шитья чабуръ, чевакъ и вообще вещей изъ кожи. Фаданъ выдѣляется изъ кожи тура, дикихъ козъ, оленей и изъ кожъ домашнихъ козъ.

То кто-же несчастнѣе охотника?
Топчеть онъ всѣ дорожки и тропинки,
Ни одной не оставлять балки, не заглянувши туда.
Подобенъ онъ курицѣ желтаго свѣта¹).
Кислая печень, холодная вода—
Вотъ удовольствіе неприхотливаго охотника.
Больше сменя—зубръ.
Дурному человѣку счастье въ руки не дается
И на плетень его галка не садится.
Въ гуртѣ—въ гуртѣ много добра
Для охотника удобно пасется,
Вкусная трава, предсмертную пищу.
Апсанты! Твое добро со мною равно подѣли.
Орайда! У матери пусть не родится сынъ,
А если родится, да не будетъ онъ охотникомъ.
Если же тотъ молодецъ сдѣлается охотникомъ,
Его постигнетъ смерть въ горахъ
И носимое убогое платье послужить ему саваномъ.
Свѣтъ дѣвица—красавица Гамаларь!
Къ туру козу дуру присоединяютъ.
Туръ козлиная борода,
Тебя убивши, молодецъ
Заслуживаетъ большой похвалы.
Если Богъ даетъ, косому²) Апсанты дѣла нѣть.



К О Л Е С А.

Худая лошадь, на весенней пастьѣ разжирѣвъ, неукомъ
становится.
Нешадная ъзда ретиваго коня въ воду превращаетъ³).
Кто, принявъ присягу, должно покажетъ, въ прахъ превратится.
Принявъ привычку питаться у княжескихъ дверей,

¹) Здѣсь охотникъ уподобляется курамъ, которыя просыпаются, когда разсыпать только начинаетъ желтѣть.

²) Многачисленный покровитель охотниковъ Апсанты (у осетинъ Овсати) представляется горцами одноглазыми.

³) Т. е. лошадь такъ вспотѣть, что изъ нея вода течетъ.

Бѣдный человѣкъ въ холопа превращается.
Дурную женщину пусть духъ святой ударить;
Она, огорчая мужа и съ нимъ не уживаясь,
Обращается въ соломенную вдову.
Пусть будетъ женщина—женщиной,
И дни ея жизни да будутъ златые.
Въ жизни дурному человѣку нѣтъ почета.
Ослушницы жены страсти мужей разжигаютъ,
Противорѣчащія жены мужьями избиваются.
Лѣнтийки, у очага сидя, гадять¹⁾ въ золѣ,
И чевяки ихъ пятки не покрываютъ,
А плодятъ дѣтей какъ просияныя зерна.
Ихъ добро любовники поѣдаютъ,
А мужьямъ сердечную боль причиняютъ.
Безстыжія женщины легко говорчивы.
Взоры дурного холопа на киржинѣ²⁾
Хорошій холопъ съ князьями въ бесѣдѣ.
Хозяину лучше осель, чѣмъ дурной холопъ.
Когда хочется лежать, одинъ тюфякъ мягокъ;
На двухъ тюфякахъ лежать спинъ легче.
При хорошей женѣ мужъ вездѣ покоенъ.
Хорошая невѣста въ домѣ свекра является съ холстомъ,
Дурная невѣста приноситъ свекрови чуму.
Не берите въ жены женщину, ушедшую отъ первого мужа,—
У неї полонъ тулуукъ³⁾ празднословій.
У первобрачной, считая локтями,⁴⁾ много бязи будетъ.
Гдѣ много бязи, тамъ и молочность⁵⁾
И въ лѣтній зной на чердакахъ кровяныя пятна.⁶⁾
Такая женщина, устраниая бѣдность, всегда въ заботахъ.
Дурныхъ женщинъ пусть святой духъ ударить.
Лѣнивые жены на окликъ мужа не встаютъ,
А когда встаютъ, то лица и руки не моютъ
И по выходѣ на дворъ, не отворачиваясь, тутъ-же гадять.

¹⁾ Нецензурное выражение.

²⁾ Т. е. хлѣбъ въ видѣ лепешекъ изъ ячменной муки.

³⁾ Кожаный мѣшокъ.

⁴⁾ Горцы матерію мѣряютъ локтями, т. е. отъ оконечности срединного пальца до локтя.

⁵⁾ Т. е. обилье рогатаго скота.

⁶⁾ Это значитъ, что рѣжутъ барановъ или скотъ и мясо коптятъ.

Утромъ послѣ сна у нихъ на пяткахъ въ три пальца грязь.
Да не уродится у того хлѣбъ на пашнѣ,
Кто у очага садится, чевякъ не надѣвши,
И кто очагъ грязнить своими плевками,
Не помивши водою полъ сакли, пыль подметаетъ.
Наслажденье женщины — сонъ.
У плохого холопа и тонкій хворостъ — дрова.
Возбуждаетъ нервы пастуха кефиръ.
Повѣрьте, молодцы, этой пѣснѣ.
Пусть острый мечъ поразитъ господина,
Дурно обращающагося съ честнымъ холопомъ.
Пусть болѣеть животомъ, кто нечестенъ къ своимъ сосѣдямъ.
Дурную лошадь для хозяина пусть поразить кровянной ударъ
Не возлюбите пищу — *харамз.*¹⁾ (талоу)
Эта пища не дастъ жири.
Пища отъ труда мала, но вкусна.
Плохому наслѣднику имѣнья не оставляйте:
Въ обширныхъ владѣніяхъ онъ конюшень не устроить
И скота въ нихъ водить не будетъ.
На берегу рѣки ростетъ ольха для жеванья.
Для игръ ребята идутъ къ дѣвицамъ.
Ребята свои ремни саломъ смазываютъ,
Похотливыя дѣвицы покрываютъ свои головы окутываются,
А вплетенные въ косы ленты о пятки ударяются,
Несвоевременно удовлетворяютъ свои похоти.
Плохая дѣвица ни просьбой, ни покупкой жениха не найдетъ.
Жидовской лавки (сарта) не будьте посѣтителями;
Посѣща ее, ничто локтями не измѣряйте.
Когда въ оплошность впадете, какъ катръ заржете.
Когда мужъ на плохую жену разсердится,
Она становится абрекомъ,²⁾
Уходя-же, полами твердой шубы шумъ производить.

* * *
* * * * *

Уй, колбаса, предъ тобою я прошелъ.
Уй, украденная колбаса! Какая колбаса, —

¹⁾ «Харамз» пища, непозволительная для мусульманъ, точно также какъ у евреевъ трефная пища.

²⁾ Т. е. дѣлается бездомной.

Толще Гурюковского бревна!
Одному желудку отдать ее жалко.
Ея внутренний кишечек служили выюкамъ для горскихъ ословъ,
Ея наружный кишечек для кабардинской арбы веревками
служили.
Укравшій колбасу, со всемъ своимъ потомствомъ исчезнетъ.
Моя колбаса исчезла, видѣлъ ли кто?
Какъ-же укравшій такъ скоро все успѣлъ проглотить?
Если осталось немного, дашь-ли мнѣ?
— Какъ-же вы узнали о моей покражѣ колбасы?
Вѣроятно по оставшемуся жиру на пальцахъ.
Ой, колбаса распалась на двѣ части.
Тотъ-же Шемауха на колбасахъ попался.
Когда люди въ походѣ собираются,
На скотныхъ кошахъ *шашлыкъ*¹⁾ просятъ.
Когда курдюкъ даешь, спрашиваютъ еще печеньку.
Когда лошадь отъ мухъ отмахивается,
Ее понукаютъ идти впередъ.
Когда въ присутствіи бѣдный человѣкъ дѣло имѣеть,
Его выгоняютъ, какъ бродячую собаку.
По счету колбасы одной не хватаетъ.
Для колбасы нѣтъ шустрѣе Шемаухи.

БАКСАНУКЪ.²⁾

(ПѢСНЯ.)³⁾

Баксанукъ, князь Безенги,
Быть питомцемъ ясновидящаго Гилляу—хана.
У храбраго Баксанука наверху обрыва стояла башня,
У этой башни двери на крѣпкихъ засовахъ;

¹⁾ Горцы имѣютъ обыкновеніе въ походахъ выпрашивывать на кошахъ что либо для себя сѣбѣстнаго и это дланіе называется «шашлыкъ».

²⁾ Баксанукъ одинъ изъ предковъ вынѣщникъ безенгіевскихъ таубіевъ Суншевыхъ по восходящей линіи седьмого колѣна; онъ же одинъ изъ потомковъ родоначальника Суншевыхъ Алтуль-хана, по писходящей линіи пятаго колѣна.

³⁾ Взята изъ тетр. Н. И. Урусбіева.

Наверху этой башни гнѣзда черныхъ орловъ.
На большомъ Жидче у Баксанука есть конюшня;
Въ этой конюшнѣ вмѣщается тысяча барановъ;
Она же полна саломъ.
На маломъ Жидче продольныя большія конюшни.
Храбрый Баксанукъ одновременно двѣ стрѣлы натягивалъ
И одной стрѣлой славу пріобрѣлъ.
Жену его звали княгинею Сарайда.
Она на плоскостныхъ щеголей, шатающихся князей, погля-
дывается,
Въ горахъ въ шелки одѣвается,
Въ молодыхъ плоскостныхъ князей влюбляется.
Баксанука жена развратная Сарайда;
Ее съ плоскости Таусултановъ плѣшивый Шаулохъ выслѣ-
живаетъ.
Развратная Сарайда такъ сказала:
«Пусть окрестные люди и соседи улягутся
«И лунный свѣтъ пусть погаснетъ».
Въ полночь у князя Баксанука
Желѣзныя двери растворились,
Жену Сарайда плѣшивый Шаулохъ увезъ.
Проснувшись, Баксанукъ по сторонамъ осмотрѣлся,
Княгиню Сарайду не нашелъ.
«Что за чертовщина, что за яничистая сила!
«Не даромъ я сонъ видѣлъ,
«Меня кто-то окликнулъ:
«— Что же ты спишь, проснись-ка!
«— Жену твою плѣшивый Таусултановъ увозить».
«Содрогнувшись, я вскочилъ.

Оружіе въ черномъ сундуку крѣпко засѣло,¹⁾
Зачѣмъ для Баксанука такія дѣла создались!
Пусть будетъ Таусултановыемъ наше молоко, вскормившее ихъ,
«хорамомъ!»,²⁾

Влѣзъ Баксанукъ на чердакъ,
Нашелъ старый лукъ и стрѣлы безъ перьевъ,
Онъ двухъ татаръ³⁾ ими уничтожилъ.

¹⁾ Т. е. оружіе оказалось запертимъ въ сундуку крѣпкими замками.

²⁾ «Хорамъ» тоже самое, что у евреевъ трефная пища.

³⁾ «Татаръ»—горцы такъ называли крымцевъ. Исторически известно,

Дай ватянутъ и пустить старую стрѣлу;
Если вкусъ хорошъ, пусть лежать два татарина.
Собаки не лизали черную воду,
Она превратилась въ Терекъ, недоступный для перехода конямъ.¹⁾
Уходить бѣгствомъ явившися съ похвалыбою враги храбраго
Баксанука.
Обрызганы кровью зигзаги дороги большого Хулама,
Обрызганы кровью придорожныя балки.²⁾

Д О Л А Й.³⁾

Долай, блай, былдылай!⁴⁾
Идетъ скотъ, какъ кабардинскій конный табунъ.⁵⁾



что въ одно время Кабарда находилась въ подчиненіи у крымскаго хана. Ежегодно крымскіе «семелеры» (сборщики податей) являлись въ Кабарду для собираанія подати. Эти крымцы часто съ кабардинскими князьями участвовали въ набѣгахъ на соѣднія племена.

1) Горцы, чтобы выразить большое кровопролитіе, говорить, что рѣчка, въ которой нечего было лизнуть собакъ, превратилась отъ большого количества крови и труповъ въ р. Терекъ.

2) Безенги лежитъ въ одномъ ущельѣ съ Хуламомъ, выше по сѣднигу. Баксанукъ самъ-другъ съ своимъ холопомъ настигъ хищниковъ около Хулама на дорогѣ, идущей зигзагами. Къ сожалѣнію для Баксанука ночь была чрезвычайно темная, но тѣмъ не менѣе онъ, уложивъ много крымцевъ и кабардинцевъ, отбылъ свою жену отъ Таусултанова, который успѣлъ бѣжать, и привезъ ее домой. Здѣсь онъ ее привязалъ къ хвосту неука—лопади, и такимъ образомъ она была истерзана о камни. Рассказываютъ, что Баксанукъ, собравъ останки жены, похоронилъ ихъ около своей башни и поставилъ надмогильный камень. Каждое утро Баксанукъ садился поодаль отъ могилы жены и пускалъ въ камень стрѣлы. Такъ онъ продѣмывалъ до самой своей смерти.

3) Взято изъ тетр. Н. И. Урусбіева.

«Долай»—пѣсня, которая поется во время сбиванія масла въ бурдюкѣ, большую частью импровизація.

4) Припѣвъ.

5) Чтобы показать многочисленность скота, горцы сравниваютъ

Его наружность—бурдюкъ изъ желтой козы,¹⁾
Внутри его кислое молоко отъ черной коровы.
Долая въ это мѣсто ударимъ.
Желтымъ масломъ большія—большія чашки наполнимъ.
Ой! Если сбиваешься, то сбивайся, бурдюкъ!
Въ домъ напѣ ханскіе гости прѣхали,
Тебя ожидая—ожидая, съ голоду умираютъ.
Если сбиваешься, то сбивайся, бурдюкъ!
Если-же не сбиваешься, то твою ножную часть продырявятъ
И голову твою навыворотъ вывернутъ,
И твои внутренности встряхнутъ,
И нась вдвоемъ другъ къ другу привяжутъ.
Ой! Долай, блай, кто не говоритъ?
Наша вѣдьма—экономка—страшилище съ орлиной головой,
Что находитъ, ртомъ всасываетъ,
О настоящемъ и будущемъ не думаетъ.
Въ большія—большія чашки желтое масло вложимъ
И предъ старлімъ поставимъ.
Онъ намъ по очереди дасть доли
И имъ сказанное быстро—бѣгло исполнится.
Если имъ сказанное быстро—бѣгло не исполнится,
То по икрамъ хворостиной высѣкнуть.
Да, скажу я долаевскую пѣсню.
И да пусть бурдючный животъ прорвется масломъ;
Цѣлый, неиспорченный бурдюкъ!
Бездонный съ масломъ бурдюкъ,
Ой! Для молодца лѣто настаетъ,
Молодецъ играетъ, дѣва смѣется.
Ой! Кто же не знаетъ, что въ бурдюкѣ?
На «нагишъ»²⁾ невыходящій старецъ
И младенецъ, неумѣющій подвязать ремни чабуръ.



его съ карабдинскими конными табуями, такъ какъ посѣдѣніе всегда многочисленны.

¹⁾ Бурдюки дѣлаются изъ кожи козы.

²⁾ «Нагишъ»—сборище.

Д О Л А Й.

(другой вариант).

Верхи плетня—чалый колъ.

Несчастна дѣвица, выходящая замужъ за чалаго.

Хорошія матери красивыхъ дѣвицъ выращиваютъ
И ихъ корсеты невѣдомые молодцы разстегиваютъ.¹⁾

Ой, долай! Не бѣется безъ полости!²⁾

Не оставь насъ, Боже, безъ того масла,
Которое сбиваются въ этомъ бурдюкѣ.

Женщина—вѣдьма къ вечеру сдѣлала «каккъ»;³⁾

Оно съ желтымъ масломъ лакомое блюдо.

Пошли намъ, Господь, въ большой чашкѣ желтое масло.

Ой! Если сбываешься, то сбейся!

Если не собьешься, тойайракъ⁴⁾ вылью черной собакѣ;

Если собьешься, желтое масло въ красный бурдюкъ вложу.⁵⁾



К Н Я Г И Н Я Д А У М Ъ.

(горская пѣсня.⁶⁾)

Балатукова дочь, княгиня Даумъ, сонъ видѣла.

Въ испугѣ проснувшись, мужу сонъ рассказала:

«Князь мой, во снѣ я сонъ видѣла;

«Для насъ неподходящія дѣла видѣла;

«На полу сакли видѣла красную кровь.

«На кровати на тебя похожаго мертвца видѣла.

¹⁾ У туземцевъ Сѣвернаго Кавказа дѣвицы почти съ малыхъ лѣтъ зашиваются въ корсеты изъ кожи, и эти корсеты остаются въ та-комъ видѣ вплоть до замужества, и только мужъ вправѣ снять этотъ корсетъ.

²⁾ При сбиваніи масла бурдюкъ ставить на полеть.

³⁾ «Каккъ»—это ячменная мука, заваренная въ кипяткѣ; получается каша, которую ёдятъ съ масломъ.

⁴⁾ Кислое молоко.

⁵⁾ Кожаный мѣшокъ шерстью вверхъ.

⁶⁾ Тема пѣсни взита изъ древней кабардинской жизни, когда князья, враждун между собою, истребляли цѣлые княжеския роды. Взята изъ тетради И. И. Урусбіева.

«Одѣнься-ка въ старое жалѣзо.

«—О, не бойся, не бойся, княгиня Даумъ!

«Вчера младшій братъ Жанчекъ на ланей пошелъ;

«Вѣроятно онъ убилъ оленя, вотъ что означаетъ твой сонъ».

Такъ сказалъ Алисултанъ, съ тѣмъ они заснули до разсвѣта.

Утромъ, рано проснувшись, она въ окно посмотрѣла.

«Снизу нѣсколько всадниковъ ѹдуть;

«Двоє впереди совѣть держать:

«Если мои глаза не ошибаются,

«Ей-Богу нашихъ князей истребляютъ».

«—О, не бойся, не бойся, княгиня Даумъ!

«Кайтуковъ Асланбекъ присяжный другъ;¹⁾

«Безъ вѣдома Асланбека что-же мнѣ сдѣлаютъ?

«—Твои болѣзни принимаю, будь остороженъ!

«Асланбекъ съ лѣгими глазами,

«А кого想要 убить, тому хорошо лѣститъ.

«—Сорочку надѣну подъ панцырь.

«Что же можетъ случиться по милости Асланбека?

«—Надѣнъ на себя панцырь

«И припомніи свои все дурные поступки».

Въ подзорную трубу посмотрѣла;

Впереди ѻхавшаго всадника узнала.

«Если глаза меня не обманываютъ,

«То ѹдетъ Бекмурзинъ Татарханъ.

«—О, не бойся, не бойся, княгиня Даумъ!

«Погуще супъ свари, подправь его лукомъ.

«До обѣда (гости) игрой въ шахматы займутся,

«А послѣ обѣда по домамъ разѣдутся.

«Эти трусы, разѣхавшись, что же мнѣ сдѣлаютъ?

Пока такъ они разсуждали, гости подъѣхали,

Алисултана въ шашлыкъ изрубили.

Плача и рыдая, княгиня Даумъ такъ сказала:

«По полу сакли черная кровь разлилась;

«Лѣстя намъ, надъ нами понатѣшился

«Асланбекъ—рыжій медвѣдь.

«Намокли кровью красныя шелковыя одежды,

«Насъ убить пришли, вскормленные нашимъ молокомъ емчеки.

«Помывши свой платокъ, на каменную ограду раскинула,

¹⁾ Въ прежнія времена въ туземномъ населеніи друзья присягали въѣности.

«Чтобы имъ мою лебединую шею удавить?
«Пусть этотъ мой несчастный день станеть такимъ же днемъ
«Для жены Асланбека—вѣдьмы Чуаль.»
Жанчекъ вернулся съ навыченной дичью.
Асланбекъ, вернувшись, уничтожилъ послѣдняго потомка
Шаугенуковыхъ:
Жанчека арканомъ удавили;
Княгиню Даумъ съ босыми ногами угнали.
Узнавши о смерти Асланбека и Жанчека,
Емчеки, одаренные семью лошадьми, съ сожалѣніемъ не
приходятъ.

І В С И Я.

по поводу освобожденія холоповъ.*)

Этотъ Царь надъ нами силу употребилъ
И наши дѣла всегда неправильно дѣлаетъ:
Сказавъ: холоповъ иѣть, холоповъ въ узденей обратиль,
Оцѣнивъ, у насть ихъ отобрали.
Узденіямъ узденство не оставилъ,
Отъ насть домашнія почести далеко устранилъ.
Князья въ безпокойствѣ пріуныли,
Бусурманы стали русскимъ лѣстить.
Ужъ видно, этотъ свѣтъ наизнанку перевернулся.
У князей и княгинь слова и языки связались.
Охъ, русскіе нась за шиворотъ схватили,
Безъ крушенія—свѣтопреставленіе!
Кадиі старики, въ судахъ засѣдая,
Мусульманскую вѣру умаляютъ.
Въ каждый ауль землемѣры идутъ,
Планами обмѣривъ, земли раздаютъ.
Съ насть собирая подымныя деньги,
Въ канцелярію шаріатъ уложили.
Теперь же мы въ бѣдности пребываемъ:
Широкія наши дороги въ узкія превращены.

*) Переведена мною на русскій языкъ изъ тетради Н. И. Урусбіева.

Бросить свой очагъ? Куда-же намъ бѣжать?
Охъ, эти русскіе сильны—сильны стали!
Что же, что же будемъ теперь дѣлать?

С О С У КЪ.

(СКАЗКА**).

Сосука былъ таковъ человѣкъ: онъ изъ древесныхъ углей барановъ дѣлалъ, а золу превращалъ въ соль и ею барановъ кормилъ. Онъ былъ храбръ и мужественъ, но свою храбрость и мужество никому не выказывалъ. Ночью онъ отправлялся вдаль, разбивалъ таборы, забиралъ ихъ казну и на утро уже былъ дома (все это были мечты Сосука). Днемъ же Сосука лежалъ, растянувшись на солнцѣ, и малые и большие прохожіе надъ нимъ смеялись, называя его круглымъ дуракомъ.

Родные Сосука, полагая, что онъ съ ума сошелъ, пригласили въ свой домъ аульныхъ захарей и захарокъ для совѣта, какъ поступить съ сумасшедшими. Захари и захарки сказали: на перекрестѣ семи дорогъ выстроить конюшню, поселить тамъ Сосука и дать ему семь барановъ. Родные такъ и сдѣлали.

Черезъ 7 лѣтъ Сосука пріобрѣлъ 7000 барановъ, съ которыми явился въ общество. Съ этого времени не только никто не осмѣшивался называть Сосука дуракомъ, но къ нему всѣ относились съ большимъ уваженіемъ. Таковъ былъ Сосука.

О Р Ю З М Е КЪ.

(ЛЕГЕНДА**).

Однажды, когда старые люди сидѣли на «нагишѣ» и разсуждали о разныхъ дѣлахъ, въ это время богатые и за-

*) Записана въ Балкаріи.

**) Переведена съ горскаго изъ тетради Науруза Урусбіева.

житочные люди вели въ дань по одному быку по третьему году (трехгодовалый).

Менѣе зажиточные бѣлаго съ черными ушами по второму году волоха (выложенный баранъ).

У кого не было того и другого,—по кувшину пива.

Не имѣвшіе всего этого—копченые бока или просоленая безрогія головы кочкарей (тоже выложенный баранъ).

Все это вели и несли въ дань нартскому князю, волшебнику Пукку.

Позади шествующихъ съ данью шель хромой старицъ. «—Старый человѣкъ, остановись, я хочу тебѣ что-то сказать и спросить», такъ сказалъ Орюзмекъ.

«—Что-же хочешь сказать?

«—Куда несутъ это подаяніе?

«—Твоему князю, князю нартовъ, Пукку, несутъ». Такъ сказалъ старый человѣкъ.

«—Да не будь мое имя Орюзмекъ, если я все это не возьму и не сдѣлаюсь княземъ надъ нартскимъ народомъ», такъ сказалъ Орюзмекъ.

Затѣмъ Орюзмекъ отправился къ Пукку и сказалъ ему, что если «торе»*) не уничтожить этотъ обычай, онъ ему, Пукку, серпомъ голову снесетъ. Сказавши это, онъ отъ Пукка удалился.

Люди начали осуждать нартовское «торе».

Пукъ отъ страха стражу разставилъ.

Не довѣряя стражѣ, онъ самъ вышелъ посмотретьъ. Онъ увидѣлъ щекавшаго Орюзмека. Отъ страха Пукъ скрылся и въ своеімъ домѣ спрятался и затворился.

Орюзмекъ вошелъ въ домъ къ Пукку. Пукъ успѣлъ выѣхать и очутился между небомъ и тучами. Здѣсь Пукъ изъ орлиного крыла устроилъ башню и изъ стекла сдѣлалъ окна, дождь и росу на небо снесъ и началъ согрѣвать землю.

Отъ этого колосья на камняхъ не созревали, женщины перестали рожать, овцы и козы перестали котиться. Нартъ сталъ голодать и ослабѣвать.

Нартскіе старики и молодые единогласно стали Орюзмека упрекать.

«Ой, Орюзмекъ, ты сталъ нашимъ княземъ, и у нартовъ го-

*) «Торе» тоже самое, какъ наше новгородское вѣче.

лодъ насталъ. Когда же Пукъ былъ нашимъ княземъ, пашни наши созрѣвали, женщины рожали, овцы и козы котились.»

Аликова большой мячъ былъ покрытъ горными заносами. Собравъ всѣхъ нартовъ, Орюзмекъ раскопалъ его. Очистили и обтерли мячъ. Наполнили мячъ девятью сапетками пороху, а самъ Орюзмекъ вошелъ туда вместо пули. Дуломъ мячъ повернули къ небу. Орюзмекъ приказалъ клеврету Пукка, Батмурзѣ, впустивъ искру, стрѣлять. Батмурза не осмѣлился стрѣлять.

Не было того, чтобы колдунья Сатанай этого не знала. Она, взявъ съ огня головешку, ударила ею по мячу, и онъ выстрѣлилъ. Орюзмекъ вылетѣлъ, исчезъ и пропалъ.

Въ окно башни Пукка вѣпился Орюзмекъ.

«Счастливый день, нашъ князь Пукъ!» Такъ сказалъ Орюзмекъ и вошелъ къ Пукку въ башню.

Пукъ отъ страха и ужаса лопнуль.

Съ тѣхъ поръ у нартовъ колосья на пашняхъ стали созрѣвать, женщины рожали, овцы и козы котились.

О РЮЗМЕНЬ.

(СКАЗКА*).

Однажды Орюзмекъ сѣдалъ набѣгъ на плоскость къ ногайцамъ. Тамъ онъ отбилъ небольшой табунъ лошадей и гналъ его домой. На ночь онъ сѣдалъ изъ хворосту базъ, куда загналъ лошадей на ночлегъ. Не успѣлъ онъ самъ расположиться для отдыха поблизости этого база, какъ невдалекъ замѣтилъ костеръ. Пошелъ онъ на свѣтъ костра. Здѣсь онъ увидѣлъ пляшущихъ чертей. Тогда онъ обнажаетъ шашку и вступаетъ въ бой съ нечистой силой. Онъ рубитъ направо и налево. Черти исчезаютъ. Одержавъ такимъ образомъ победу, торжествующій Орюзмекъ возвратился къ своему импровизированному ложу. Не успѣлъ онъ прилечь, какъ опять замѣтилъ пляшущихъ чертей вокругъ костра. Тогда онъ подумалъ, что саблей чертей не изведешь, а надо придумать другіе способы.

*.) Записана въ Хуламъ.

Приблизившись къ чертовской вакханалии, онъ былъ пораженъ красотою чертовокъ. Не долго думая, Орюзмекъ беретъ за руки двухъ чертовокъ, начинаетъ съ ними плясать и, увлекшись любовнымъ соблазномъ преисподнихъ красавицъ, сталъ ихъ прижимать къ своей груди и пѣловать. Замѣтили это черти и предложили Орюзмеку жениться на одной изъ нихъ, уверяя его, что она будетъ ему вѣрна и будетъ жить въ дружбѣ съ его женой Сатанай.

Орюзмекъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на предложеніе чертей и спросилъ ихъ, что они возьмутъ въ калымъ. Черти отвѣтили, что въ калымъ они возьмутъ три головы: первую — что подъ нимъ ходитъ (лошадь), вторую — что на голову надѣваютъ (шлемъ) и третью — что сбоку привѣшивается (сабля). Смекнула Орюзмекъ, что черти хотятъ его обезоружить и обезсилить, чтобы легче захабалить его. Тогда онъ пускается на хитрость.

«Я согласенъ на ваше предложеніе, — говорить Орюзмекъ, но дѣло вотъ въ чёмъ: на шлемѣ у меня изображеніе моего патрона, а дома у меня есть повелительница; безъ ихъ совѣта я ничего не дѣлаю, поэтому я долженъ поѣхать домой за совѣтомъ; вы же скажите, гдѣ я вѣсь найду?» — «Покуда роса не высохнетъ, мы здѣсь будемъ, а потомъ мы исчезнемъ, и насть не найдешь.» Такъ отвѣтили черти. Орюзмекъ, надѣясь на быстроту коня, тотчасъ-же поскакалъ домой.

Между тѣмъ жена Орюзмека, колдунья Сатанай*), уже все знала о приключеніяхъ его и рѣшила принять мѣры, чтобы отвратить Орюзмека отъ облюбованной имъ чертовки. Ночью прискакалъ Орюзмекъ и, полагая, что дверь сакли затворена засовомъ, сталъ стучать въ окно, чтобы Сатанай его впустила. «Что за нахаль въ такую пору ночи стучится? Какъ будто любовникъ къ своей любовницѣ. Если хочешь войти, то на то есть дверь». Орюзмекъ вошелъ въ саклю и такъ какъ онъ былъ очень голоденъ, то Сатанай сытно накормила и напоила его; подъ вліяніемъ этой сытости и усталости Орюзмекъ заснулъ. Тогда Сатанай напустила на него иллюзію, которая заключалась въ томъ, что какъ только просыпался Орюзмекъ, онъ видѣлъ на небѣ яркія звѣзды и думалъ, что стало быть

*) Орюзмекъ и Сатанай фигурируютъ въ сказаніяхъ о шартахъ у дигорцевъ (см. «Осетинскіе этюды» Вс. Миллера, часть первая).

еще ночь и къ чертамъ успѣть, а потому вновь засыпалъ. Когда же иллюзія была снята, Орюзмекъ увидѣлъ, что уже давно насталъ день, и о чертяхъ нечего помышлять. Онъ страшно разсердился на свою колдуныю-жену и отъ нея ушелъ бродить по бѣлу-свѣту.

Однажды въ кузницѣ собрался праздный народъ и разсуждалъ о причинахъ исчезновенія Орюзмека. При этомъ говорили: неужели не найдется такой молодецъ, который бы снискать ласки Сатанай? Кузнецъ Улауганъ Дебетовъ сталъ хвастаться, что стоитъ только ему захотѣть, и онъ будетъ имѣть успѣхъ у этой колдуньи. Слушатели выразили со мнѣніемъ. Тогда кузнецъ показалъ своимъ гостямъ фокусъ: онъ бросилъ сдѣланые имъ три складныхъ ножичка, и они превратились въ трехъ прекрасныхъ юношъ; затѣмъ этихъ юношъ онъ опять превратилъ въ ножи, которые положилъ къ себѣ въ карманъ.

«Итакъ при помощи этихъ ножей я добьюсь отъ Сатанай всего, что мнѣ будетъ угодно,» сказалъ кузнецъ.

Сказаво-сдѣлано. Улучивъ время, кузнецъ отправился въ домъ Сатанай. Она приняла его учтиво и хорошо угостила. Кузнецъ вынулъ изъ кармана три ножа, раскрылъ ихъ и бросилъ; они превратились въ красивыхъ молодыхъ людей, которые стали услуживать Сатанай. Сразу влюбившись въ юношей, Сатанай стала просить кузнеца уступить ихъ ей, взамѣнъ чего обѣщала дать ему драгоценныя вещи. «Никакихъ драгоценныхъ вещей мнѣ не надо, я желаю твоихъ ласкъ, и если согласишься на это, то мои три молодца навсегда будутъ твоими.» Сатанай согласилась, заранѣе задумавъ обмануть кузнеца.

У Сатанай была служанка; Сатанай-колдунья придала ей свой образъ и приказала ей угощать кузнеца. Пришелъ кузнецъ; его встрѣтила служанка въ одеждахъ и въ образѣ Сатанай. Милуясь съ нею, кузнецъ какъ-то отплюнулся, и плевокъ его попалъ на стѣну; а извѣстно, что у кузнецовыхъ все черно, поэтому попавшій въ стѣну плевокъ оставилъ черное пятно, которое не могло быть выведено никакими средствами.

Долго-ли, коротко-ли, Орюзмеку наконецъ надобло скинуться по бѣлому свѣту. Онъ вернулся домой. Но и на этотъ разъ ему не пришлося долго оставаться дома. Запримѣтивъ на стѣнѣ спальни черное пятно, онъ заподозрилъ, что у жены-колдуньи есть любовникъ. Пошли опять упреки и ссоры, и въ

концѣ концовъ Орюзмекъ вновь покидаетъ домъ и жену для скитанія въ чужихъ странахъ.

Проходитъ нѣкоторое время, и вдругъ Сатанай получаетъ отъ Орюзмека посланіе, въ которомъ онъ просить сто однорогихъ быковъ и 400 кочкарей.*.) Сатанай догадалась, что Орюзмекъ требуетъ войско. Она послала.

Съ этимъ войскомъ Орюзмекъ отбилъ много добра въ чужихъ странахъ и съ этимъ добромъ онъ вернулся домой и мирно зажилъ съ коудуньей-женой.

СОЗАРЪ ГЕЗОХОВЪ.**)

(СКАЗКА).

Гезоховыхъ было 60 всадниковъ. Они отъ болѣзни все вымерли, осталась одна беременная женщина. Она была дочерью Идилая и женою одного изъ Гезоховыхъ. Отъ нея родившійся Созаръ былъ какъ вытянутое золото. Аксакъ-Темиръ***) его въ кровные емчеки взялъ, и онъ при немъ день денской рось. Живя такимъ образомъ Созаръ сдѣлался всадникомъ и въ дружбѣ съ товарищами присягу далъ.

Однажды Созаръ обратился къ своему емческому отцу съ такою рѣчью: «Не осталось ли отъ моего отца какое домашнее имущество, оружіе и принадлежности къ нему?».

Емческій отецъ, открывъ черный сундукъ, показалъ Созару отцовское оружіе и принадлежности къ нему.

— Теперь возьми эту уздечку и отправься къ скачечному кургану,—такъ сказалъ емческій отецъ Созару. Если этой уздечкой позвонишь, то все оставшіяся вашего завода лошади прибѣгутъ къ тебѣ. Изъ нихъ какая первая прибѣжитъ и мордой коснется уздечки, ту, гладя и лаская, сбереги для себя и пріими присягу, что ее ты не будешь отчуждать. Она

*) Кочкарь—выложенный баранъ.

**) Сказка переведена съ горскаго языка изъ тетради Науруза Измайловаича Урусбіева.

***) Аксакъ-Темиръ—одинъ изъ популярныхъ волшебниковъ изъ народовъ.

тебѣ будеть служить какъ братъ и твоимъ недругамъ будеть непримиримымъ врагомъ».

Созарь взялъ уздечку, отправился къ скачечному кургану и, какъ сказалъ емческій отецъ, уздечкой позвонилъ; тогда изъ колючаго кустарника на звонъ уздечки выбѣжало нѣсколько лошадей, и одна изъ нихъ, молодой жеребенокъ съ темной шерстью, впереди всѣхъ на ружейный выстрѣлъ примчалась къ Созару и на свою морду надѣла уздечку.

«Я тебя не возьму, пусть тебя растерзаютъ волки.» Сказавъ это, Созарь ударилъ жеребенка и отогналъ его отъ себя. Когда-же Созарь вновь позвонилъ уздечкой, то и на этотъ разъ тотъ-же жеребенокъ впереди на два выстрѣла отъ другихъ лошадей опять примчался къ Созару.

«Хотя этотъ жеребенокъ мнѣ не нравится, но повидимому онъ обладаетъ хорошими качествами.» Сказавъ это, Созарь погладилъ жеребенка, надѣль уздечку и осѣдлалъ его. Когда на жеребенка одѣли уздечку, онъ сдѣлался двухлѣтнимъ; когда осѣдлали, онъ превратился въ трехлѣтняго; когда-же Созарь сѣлъ на него и ударилъ плетью, онъ превратился въ четырехлѣтняго, три дня прожилъ, седьмой годъ пошелъ ему. Пояснивъ, и погладивъ. Созарь сдѣлалъ его статнымъ конемъ и не сбывать его присягу даль.

Послѣ всего этого конь заговорилъ человѣческимъ голосомъ: «Если ты достойный сынъ Гезоха, то будь доблестнымъ всадникомъ, а я буду вѣрнымъ твоимъ конемъ. У Елія на берегу Эдыля есть несметное количество лошадей, отправимся туда и ихъ пригонимъ. Если мы ихъ съ верхней стороны Нарозина пригонимъ, то нартскаго князя Темиръ-Чокка молнией убьетъ, и тѣмъ ты совершишь кровную месть за своего отца. Онъ много зла сдѣлалъ твоему отцу. На Эдилѣ есть большой мѣдный мостъ. Если мы отъ этого моста уйдемъ незамѣтно для Елія, то благополучно пройдемъ. Если онъ насъ запримѣтъ, то живыми насъ не пропустить. Сторожемъ у Елія черный брель. Увидѣвшіи насъ, онъ дастъ знать Елію. Если ты достойный всадникъ, то я не оплошаю, только ты разогрѣй меня дубовой палкой отъ ярма, и я перепрыгну чрезъ мостъ».

Созарь вскочилъ на коня, два раза ударилъ его плетью, и конь мигомъ очутился около моста. Здѣсь Созарь спрыгнулъ съ лошади, подтянувшись подпруги, снова сѣлъ и дубовой пал-

кой отъ ярма стала разжигать коня, приговаривая: «чухъ, чухъ!...».

Конь прыгнулъ и на два выстрѣла очутился впереди моста и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми четырьмя ногами врѣзался въ землю. Чтобы выйти изъ этого затруднительного положенія, конь со всѣхъ своихъ силъ прыгнулъ вверхъ, и отъ копытъ полетѣли большия комья земли, которые, ударяясь о мѣдный мостъ, произвели страшный шумъ. Сторожъ Елій, черный орелъ, проснувшись отъ этого шума, полетѣлъ дать знать.

«Ой, плохо, Созарь. Если ты достойный сынъ Гезоха, то положи ружье на луку сѣдла и убей орла; если-же ты этого не сдѣлаешь, то наши наши сожнутся другими». Созарь оказался достойнымъ сыномъ Гезоха: онъ выстрѣлилъ и поразилъ орла въ крыло. Орель свалился на землю.

«Богъ насть избавилъ отъ опаснаго врага. Теперь угонимъ табунъ Елія.» Такъ сказала лошадь. Сказавъ это, конь три раза повалился по песку и три раза по kleю и сдѣлался толстымъ, какъ гора Бештау.

«Въ табунѣ есть бѣлый жеребецъ съ золотистымъ хвостомъ. Онъ питается пескомъ и kleемъ. Увидѣвъ насть, онъ начнетъ со мною бороться. Я его тѣло разгрызу, и если онъ отъ этого ослабѣть, то мы его убьемъ, но если я ослабѣю, то ты, какъ достойный сынъ отца, взнудай его и осѣдлай. Когда на него сядешь и поѣдешь, то за тобой весь табунъ пойдетъ.» Какъ сказала лошадь, такъ и сбылось. Когда Созарь подъѣхалъ къ табуну, отъ него отдѣлился бѣлый жеребецъ съ золотистымъ хвостомъ, который сейчасъ-же вступилъ въ бой съ Созаровымъ конемъ. Послѣ некоторой борьбы жеребецъ сталъ одолѣвать; тогда доблестный Созарь схватилъ жеребца за золотистый хвостъ, накинулъ на него узду, осѣдалъ, покрѣпче подтянулъ подруги, вскочилъ въ сѣдло и крѣпко усѣлся на жеребцъ. Разсерженный жеребецъ три раза подпрыгивалъ почти до неба и спускался на землю, желая сбросить сѣдока, но Созарь крѣпко сидѣлъ.

«Ты достойный всадникъ, я буду тебѣ достойнымъ конемъ», такъ сказалъ жеребецъ.

«На берегу Эдыля есть мѣдное корыто, изъ котораго мы пьемъ цѣлебную воду. Если это корыто съумѣешь привязать къ моему хвосту, то весь табунъ за нами пойдетъ».

Какъ сказалъ жеребецъ, такъ и сдѣлалъ Созарь: привя-

заль къ золотистому хвосту мѣдное корыто, и по зволу его весь табунъ Елія за нимъ пошелъ.

Созарь табунъ погналъ съ верхней стороны Нарозина; въ это время сверкнула молнія, ударила оглушительный громъ и этой молніею кровникъ Созара, нартскій князь Темиръ-Чоакъ былъ убитъ.

Созарь Гезоховъ съ табуномъ волшебника Елія явился къ своему емчекскому отцу, зажилъ богато и прославился своею храбростю.

СЛѢДЪ ЛЪВА.*)

(СКАЗКА).

Однажды въ одномъ горномъ аулѣ правитель его, или старшина влюбился въ свою прекрасную сосѣдку и искалъ случая свидѣться съ нею наединѣ. Случай этотъ скоро представился: мужъ сосѣдки отправился на свой кошъ, чѣмъ и воспользовался старшина; онъ послалъ сказатьсосѣдкѣ, что желаетъ посѣтить ее. Умная женщина сразу отгадала цѣль посѣщенія; она не отказалася въ удовлетвореніи желанія старшины; прибрала саклю, нарядилась въ лучшія одежды, положила на столъ коранъ и, раскрывши то мѣсто, гдѣ трактуется о грѣхѣ прелюбодѣянія, стала ожидать гостя. Гость не замедлилъ явиться.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и нѣсколькихъ сказанныхъ другъ другу словъ, хозяйка, подъ предлогомъ кое что сдѣлать по хозяйству, отлучилась изъ сакли. Гость отъ нечего дѣлать заглянулъ въ раскрытый коранъ и невольно прочиталъ мѣста, какъ разъ подходящія къ данному случаю. Старшина былъ человѣкъ набожный; ему страшно стало совѣстно за свой неблаговидный поступокъ и чтобы загладить его, онъ, не дожидаясь прихода хозяйки, тихо и безшумно удалился, но, къ несчастью хозяйки, забылъ въ саклѣ свои кожаныя калоши, на которыхъ сама хозяйка не обратила вниманія.

Явился хозяинъ дома и, замѣтивъ чужія мужскія калоши,

*.) Записано въ Хуламѣ

заподозрилъ жену въ томъ, что она имѣеть любовника; онъ сталъ упрекать ее въ невѣрности и въ развратѣ. Бѣдная женщина, не зная истинной причины подозрѣнія мужа, полагала, что онъ подсмотрѣлъ свиданіе ея наединѣ съ старшиной, поэтому она такъ растерялась, что не нашлась, что отвѣтить; это обстоятельство еще болѣе усилило подозрѣніе мужа, и онъ безъ всякихъ церемоній прогналъ ее изъ дома.

Прогнанная жена, чувствуя себя безвинно-пострадавшей, стала придумывать всевозможные комбинаціи, чтобы опять сойтись съ мужемъ, и вотъ придумала слѣдующее.

У мужа ея былъ сабанъ (пашня) отъ старшины на ортакскихъ*) условіяхъ. Когда мужъ прогналъ свою жену, онъ очень грустилъ и совсѣмъ пересталъ обрабатывать сабанъ, такъ что онъ пришелъ въ полное запустеніе. Тогда прогнанная жена подослала къ старшинѣ своихъ братьевъ съ жалобою, что де сабанъ, служившій единственнымъ пропитаніемъ семьи, совершенно заброшенъ, такъ что дѣти голодаютъ. Старшина, призвавъ мужа, предъявилъ ему эту жалобу. Тогда мужъ отвѣтилъ, что потому пересталъ обрабатывать сабанъ, что однажды онъ тамъ встрѣтилъ слѣдъ льва и во избѣженіе быть растерзаннымъ этимъ звѣремъ пересталъ заниматься пашней.

Умный старшина догадался, въ чей огородъ брошенъ камешекъ. Онъ сталъ увѣрять мужа, что этотъ двуногій левъ самое безобидное животное, которое никогда не сдѣлало и впредь не сдѣлаетъ ему никакого зла, причемъ старшина рассказалъ ему про свой грѣхъ и о томъ, какъ честно поступила его жена.

Обрадованный такимъ отвѣтомъ, мужъ обратно взялъ въ свой домъ жену и отныне они стали жить мирно.



*) «Ортакъ»—половина. Это своего рода аренда: хозяинъ пашни отдаетъ ее другому лицу на условіяхъ, что послѣдний долженъ обрабатывать пашню, т. е. нахать, сѣять, срошать и убирать хлѣбъ, а хозяину пашни обязывается выдавать известное количество урожая.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АКЪ-СУЕКЪ.*)

ЛЕГЕНДА.

Въ давно минувшія времена, когда нынѣшніе обитатели** горныхъ ущелій р.р. Баксана, Чегема, Черека и Урвани были все равны и за отсутствіемъ высшихъ сословій не имѣли надъ собою никакой власти, жилъ въ одномъ изъ указанныхъ ущелій вдовецъ—старикъ съ единственной дочерью. Старикъ былъ набожный, богобоязненный и нравы и обычай страны оберегалъ въ неприкосновенной чистотѣ. Онъ часто посѣщалъ кладище и такъ его полюбилъ, что почти ежедневно ухаживалъ за нимъ: расчищалъ дорожки, выдергивалъ сорные травы, правлялъ могилки и надгробные камни и т. п.

Однажды при своихъ обычныхъ занятіяхъ на кладище старикъ въ одномъ небольшомъ углубленіи, образовавшемся отъ размыва горныхъ потоковъ, нашелъ человѣческій черепъ. Поднявъ его, старикъ прочиталъ на немъ надпись: «При жизни мой обладатель погубилъ сто душъ и мнѣ, мертвый головѣ, рокомъ предопределено погубить тоже сто душъ....». Призадумался старикъ надъ этой зловѣщей надписью. «Нѣтъ, не бывать этому душегубству, думалъ про себя старикъ; но какъ это сдѣлать? Одно средство остается: уничтожить черепъ, обратить его въ пепель и эту пепель развеять по вѣтру».

Зажегъ старикъ костеръ, и когда онъ изрядно разгорѣлся, бросилъ туда черепъ. Запыпалъ черепъ яркимъ серебристымъ огнемъ; и къ крайнему изумленію старика черепъ почти весь истлѣлъ, только одна небольшая часть кости никакъ не могла сгорѣть, а напротивъ, чѣмъ больше горѣла, тѣмъ все болѣе и болѣе становилась. Дѣлать было нечего, пришлось вынуть изъ огня болѣюю кость и уничтожить инымъ способомъ, ибо такъ оставить—значило бы петворствовать предопределенному злу. Тогда старикъ истолокъ остатокъ черепа въ мелкій порошокъ, завернулъ его въ тряпку и отдалъ своей дочери на сбереженіе, крѣпко на крѣпко заказавъ хранить его, какъ зеницу ока.

*) Легенда записана въ Хуламѣ. Въ прежнее время горскіе таубіи также назывались «акъ-сукъ» (акъ—блѣлый, сукъ—кость).

**) Текущенія общества: Баксанское, Чегемское, Хуламское, Безенгіевское и Балкарское.

Вскорости послѣ происшествія съ человѣческимъ черепомъ набожный стариkъ по примѣру благочестивыхъ мусульманъ отправился въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета. Покуда стариkъ молился Богу въ Меккѣ, въ это время его дочь сильно заболѣла; съ теченіемъ времени болѣзнь все больше и больше обострялась. Неимовѣрныя страданія, причиняемыя болѣзнию, внущили бѣдной дѣвушкѣ мысль, что она уже не выздоровѣеть и должна умереть. «Если это такъ, то чѣмъ скроѣ, тѣмъ лучше, думала она, покрайней мѣрѣ избавлюсь отъ невыносимыхъ мученій». Она вспомнила о порошкѣ бѣлой кости и, полагая, что это ничто иное, какъ сильный ядъ, развела его въ водѣ и выпила смѣсь.

Бѣлая кость совершила двойное чудо: больная не только не умерла, но быстро стала выздоравливать и, окончательно выздоровѣвши, забеременила.

Это послѣднее обстоятельство какъ громомъ поразило несчастную дѣвушку. Какъ!—она, скромная дѣвушка, дочь благочестиваго и высоко-нравственнаго отца, и вдругъ беременна! Что скажутъ на «нагиизъ» мужчины и у родниковъ женщины?*) Несчастная жертва бѣлой кости считала себя окончательно погибшей. И действительно, какъ только беременность стала замѣтна, а прикрыть ее не было возможности, пошли въ народъ пересуды и сплетни всякаго рода.

Въ это злосчастное для бѣдной дѣвушки время возвратилась съ богомолья ея отецъ. Онъ обомлѣлъ отъ ужаса и горя, увидѣвъ свою дочь въ такомъ непривлекательномъ положеніи, а тутъ еще къ его услугамъ подоспѣли кумовья и кумушки со своими сплетнями, прикрашивая ихъ выдумками возмутительного характера. Блюда чистоту нравовъ, стариkъ пришелъ къ заключенію, что такое ужасное, неслыханное преступление можетъ быть искуплено только смертью, и онъ рѣшилъ самъ убить свою дочь, о чѣмъ ей и объявилъ.

«Да, отецъ, я заслужила назначеннную тобою казнь, не исполнивъ твой завѣтъ; но прежде, чѣмъ казнить, выслушай меня и суди.» И бѣдная дѣвушка разсказала, какъ было дѣло. Тогда отецъ пощадилъ свою дочь.

Когда настало время, дѣвушка родила прекраснаго маль-

*) «Нагиизъ»—собраніе мужчинъ для праздныхъ разговоровъ, а къ родникамъ собираются женщины и дѣвушки съ кувшинами за водой.

чика. Мальчикъ, подростая, все хорошѣлъ и хорошѣлъ на радость матери и дѣда. Въ школьнномъ возрастѣ мальчика отдали въ ученье въ городъ, гдѣ жилъ царь, къ одному опытному учителю. Мальчикъ былъ очень понятливый, учился прекрасно, и учитель не могъ на него нарадоваться.

Однажды уличные мальчишки поймали въ рѣкѣ золотую рыбку и понесли ее въ подарокъ къ царицѣ. Узнавши объ этомъ, царица послала гонца спросить, не къ мужескому ли полу принадлежитъ рыбка, и если къ мужескому, то она отказываетъся принять ее, ибо она дала обѣть кромѣ мужа не видѣть не только мужчинъ, но и животныхъ, принадлежащихъ къ этому полу. Рыбка оказалась самцомъ. Когда рыбка узнала объ отказѣ царицы принять ее, она высоко вспрыгнула вверхъ, шлепнулась опять въ чашку съ водой и умерла.

Такое необычайное происшествіе съ золотой рыбкой сдѣлалось извѣстнымъ царю. Онъ захотѣлъ узнать причину смерти рыбки, для чего созвалъ ученыхъ и въ томъ числѣ учителя мальчика. Царь категорически объявилъ ученымъ, что если они не разгадаютъ причину смерти рыбки, онъ ихъ казнить. Ученые просили отстрочку, которую и получили. Долго ученые ломали свои головы, но изъ этого никакого толку не выходило: загадка оставалась неразгаданной. Учитель, весь углубленный въ книги, ища рѣшенія задачи, совсѣмъ забросилъ ученіе съ мальчикомъ.

Однажды мальчикъ обратился къ своему учителю съ слѣдующими словами: «Скажи, учитель, какія причины тому, что ты уже давно пересталъ со мною заниматься и съ глубокой думой все роешься въ ученыхъ книгахъ? Скажи, въ чемъ дѣло, можетъ быть я помогу тебѣ». Учитель рассказалъ своему ученику исторію съ золотой рыбкой и съ грустью прибавилъ: «Теперь насталъ срокъ дать отвѣтъ царю, но такъ какъ задача осталась нерѣшенной, то наши головы падутъ отъ руки начальца.»—«Не кручинься, мой дорогой учитель, рѣшеніе задачи для меня ясно; поведи меня къ царю, и я ему разгадаю загадку.» Учитель въ словахъ мальчика видѣлъ не болѣе какъ похвалъ, но такъ или иначе, а хуже того, что уже есть—не будеть; поэтому онъ рѣшилъ взять мальчика въ царскій дворецъ.

Наступилъ срокъ, и ученые съ поникшими головами и сильной тревогой явились во дворецъ и съ трепетомъ ожидали выхода царя. Туда-же пришли учитель со своимъ учени-

комъ. Вышел царь и строгимъ голосомъ обратился къ ученымъ, спрашивая, разрѣшили ли они заданную задачу. Тогда учитель, выступивъ впередъ, съ низкимъ поклономъ обратился къ царю съ рѣчью: «Государь, рѣшеніе заданной намъ задачи настолько просто, что не заслуживаетъ, чтобы ученые люди занимались такими пустяками, ибо каждый мальчикъ можетъ легко разрѣшить эту загадку, въ доказательство чего вотъ мой ученикъ ее разгадаетъ».

Изумленный такою неожиданностью, царь приказалъ мальчику разсказать то, что онъ знаетъ.

«Государь, сказалъ мальчикъ: прошу, не добивайтесь горькой для васъ истины, но если вы настаиваете, то я не иначе передамъ это вамъ, какъ съ глазу на глазъ безъ постороннихъ свидѣтелей.» Еще болѣе изумленный, царь приказалъ всѣмъ присутствующимъ удалиться. Тогда мальчикъ такъ сказалъ: «государь, рыбка повѣдала мнѣ слѣдующее: «Когда я узнала, говорила рыбка, что царица отказывается меня принять, потому что я самецт, я была крайне огорчена и опечалена. Что я могу, маленькая ничтожная рыбка, сдѣлать дурного царицѣ, которая, прикрываясь благочестіемъ и цѣломудріемъ, развратничаетъ въ роскошныхъ чертогахъ, устроенныхъ подъ дворцомъ, съ прекрасными юношами, число которыхъ сто. Я не могу, подобно людямъ, пережить такое лицемѣrie и добровольно лишаю себя жизни.» Съ этими словами рыбка подпрыгнула высоко вверхъ, ударила о чашку съ водой и умерла. Вотъ и телерь, государь, прибавилъ мальчикъ, всѣ фрейлины твоей царицы въ числѣ ста—переодѣтые юноши.»

Разгнѣванный царь немедленно сдѣлалъ обыскъ, и все сказанное мальчикомъ подтвердилось. Тогда царь приказалъ сто юношамъ казнить, а жену привязать къ четыремъ неукамъ лошадямъ, которые разорвали ее на куски. Само собою разумѣется, царь щедро наградилъ мальчика и отпустилъ его съ миромъ.

Такимъ образомъ то, что было предопределено надписью на человѣческомъ черепѣ, пунктуально сбылось.

По окончаніи ученія мальчикъ уже взрослымъ молодымъ человѣкомъ вернулся въ горы, куда уже достигла вѣсть о его умныхъ подвигахъ. Свой народъ принялъ его съ большимъ почетомъ, сдѣлавъ его старшиной. Отъ него пошли «Акъ-суеки», что значитъ бѣлая кость.

ПРЕДАНИЕ

о происхождении балкарскихъ таубіевъ Балкорановыхъ, Баразбіевыхъ и Кучуковыхъ.*)

Анфоко и сынъ его Ипаръ въ Убыхѣ (Абхазія) совершили убийство и должны были оставить родину изъ опасенія кровной мести. Они направились въ страну, нынѣ занимаемую кабардинцами. Первоначально они поселились недалеко отъ верховьевъ р. Кумы. Здѣсь Анфоко заболѣлъ и умеръ. Оставшись одинъ, Ипаръ держаль путь дальше и пришелъ на Баксантъ, въ мѣстность, где теперь живетъ князь Жанботъ Наурузовъ съ своею семьею, въ нѣсколькоихъ верстахъ выше сыроварни Урусбіевыхъ. Осѣвши въ этихъ мѣстахъ, Ипаръ женился на дочери одного изъ князей Атакукиныхъ; отъ этого брака у него родились два сына, Баймурза и Жамурза. Мальчики выросли и сдѣлались хорошими охотниками. Между тѣмъ отецъ ихъ Ипаръ умеръ.

Однажды братья пошли на охоту въ разныя стороны, и младшій братъ Баймурза около горы Бедыко нашелъ пещеру, (на правой сторонѣ р. Баксана), называющуюся и понынѣ «Баймурза—дорбунъ» (пещера Баймурзы). Когда братья сошлись, они уговорились поселиться въ этой пещерѣ, но тутъ они не долго жили: однажды, охотясь, братья спустились въ ущелье р. Чегема; здѣсь они замѣтили плывущія по водѣ щепки, тогда одинъ сказалъ другому: «вѣроятно наверху по рекѣ живутъ люди, идемъ искать ихъ». Такимъ образомъ братья направились вверхъ по р. Чегему и дошли до уроцища «Актопрахъ» (бѣлая глина—внизу скаль Лха). На «Актопрахѣ» оказалось такъ много дичи и въ особенности оленей, что братья, соблазнившись охотой, рѣшили остаться здѣсь на нѣкоторое время. Охотники такъ много настрѣяли оленей, что изъ роговъ ихъ построили балаганы. Насытившись охотою, братья пошли дальше вверхъ по Чегему и дошли до мѣста, где теперь селеніе Чегемъ. Здѣсь они встрѣтили человѣка, но такъ какъ языки ихъ были различные, то братьямъ только съ трудомъ удалось узнать, что въ недоступныхъ мѣстахъ вверхъ по р. Джилкису находится цѣлое поселеніе; братья направились туда. На

*.) Записано въ Чегемѣ со словъ таубія Мусы Барасбіева.

ихъ вопросы, почему селеніе находится въ такихъ недоступныхъ скалахъ, жители отвѣтили, что ниже жить имъ нельзя, такъ какъ ихъ враги—сосѣди балкарцы будутъ ихъ тревожить постоянными набѣгами; тогда братья предложили поселку свои услуги для защиты отъ враговъ.

Изыскивая способы обезсилить балкарцевъ, братья надумали слѣдующее; они отправили къ балкарцамъ надежного человѣка съ тѣмъ, чтобы уговорить ихъ сдѣлать набѣгъ на поселокъ Джилки. Посланный дѣйствительно на сходахъ балкарцевъ сталъ держать рѣчъ, что теперь самое удобное время напасть на джилкинцевъ, что онъ знаетъ дорогу и поведеть рать, причемъ обѣщалъ хорошую добычу: не только забрать все имущество, но и всѣхъ жителей поселка обратить въ рабство. Балкарцы повѣрили коварнымъ рѣчамъ джилкинца и всей массою направились на Чегемъ. Между тѣмъ братья Жамурза и Баймурза, извѣщенныес о нашествіи врага, пошли на встречу къ нему, а отборныхъ джигитовъ направили въ тылъ; и на рѣкѣ Джилки-су, гдѣ теперь аулъ Чегемъ, произошла кровавая схватка. Мѣткія стрѣлы братьевъ сыпались дождемъ, а джигиты напирали съ тыла; кровь лилась потоками въ рѣчку, такъ что вода въ ней обратилась въ кровь (поэтому рѣчка названа Джилки-су, что значитъ кровавая). Такимъ образомъ балкарцы были почти истреблены, а тѣ, которые спаслись бѣгствомъ, уже не могли причинять вредъ джилкинцамъ. Тогда они перенесли свое селеніе на нынѣшнее мѣсто (селеніе Чегемъ), и здѣсь Жамурза построилъ башню, сохранившуюся по настоящее время.

Оказавши такія услуги чегемцамъ, братья Жамурза и Баймурза стали пользоваться среди народа большимъ уважениемъ и почетомъ, а равно такимъ же уваженіемъ и почетомъ пользовались и по смерти братьевъ ихъ сыновья и внуки, которые стали называться Балкарковыми. Между тѣмъ во время разсказанныхъ событий и до нихъ во главѣ чегемцевъ стояла фамилія Рычкаовыхъ, которыхъ было 9 братьевъ, проживавшихъ въ селеніяхъ Булунгу и Нумалъ. Балкарковы, не желая раздѣлять почетъ и уваженіе народное, задумали истребить фамилію Рычкаовыхъ и только искали удобный случай для этого. Однажды одинъ изъ Рычкаовыхъ заглазно назвалъ одного изъ старшихъ Балкарковыхъ, Келемета, скотомъ, объ этомъ узнала жена послѣдняго и передала ему; Келеметъ вызвалъ обидчи-

ка на «Журуши» (т. е. вечеромъ поссорились, а къ свѣту условились быть на мѣстѣ поединка). На разсвѣтѣ Келеметъ и его обидчикъ вышли къ мѣсту поединка; въ это время люди изъ Булунгу замѣтили ихъ и сообразили, что дѣло неладно, поэтому они Рычкаова насильно задержали. Тогда Келеметъ, полагая, что это сдѣлано умышленно, чтобы избавить Рычкаова отъ поединка, обратился къ нему со словами: «Трусы! Или ты думаешьъ, что я тебя убью изъ за угла? Въ такомъ случаѣ вернемся домой.» Тогда люди отпустили Рычкаова; начался поединокъ. Келеметъ, пробивъ своимъ копьемъ голову Рычкаова, сказалъ людямъ: «Отнесите этого негодника домой». Между тѣмъ Балкарковы успѣли вооружить противъ Рычкаовыхъ и народъ. Однажды, когда братья Рычкаовы находились на Былымскомъ покосѣ, Балкарковы, собравъ народъ, отирались туда и убили ихъ. Остался одинъ изъ братьевъ, который въ это время вель лошадь въ чужой сабанъ (пашня), чтобы привязать ее на колъ для пастьбы. Его нагналъ бѣдного человѣка, травя его сабанъ», на что Рычкаовъ отвѣтилъ: «Ничего..» Когда же этотъ послѣдній нагнулся, чтобы привязать лошадь, Ачахматъ толстой палкой ударилъ его по головѣ и убилъ на мѣстѣ. Такимъ образомъ все взрослые Рычкаовы были истреблены; остался малютка въ возрастѣ одного года, воспитывавшійся въ чужомъ домѣ. Двое изъ Балкарковыхъ пришли въ этотъ домъ, одинъ изъ нихъ схватилъ малютку и подбросилъ на воздухъ, а другой разрубилъ его на части. Изъ фамиліи Рычкаовыхъ осталась беременная женщина; когда она родила сына, его назвали «Туду», т. е. родился. Онъ остался въ живыхъ и отъ него пошла фамилія Тудуевыхъ, которая и теперь проживаетъ въ Нумалѣ.

Избавившись отъ соперниковъ, Балкарковы стали во главѣ народа, потому эта фамилія, развѣтвляясь, образовала другія—Барасбіевыхъ и Кучуковыхъ.

ПѢСНЬ О РЫЧКАОВЫХЪ.

О, что дѣлать, Аришмади, Аришмади!

Нашъ выходъ въ понедѣльникъ на Лишгитъ¹⁾ былъ неудаченъ.

¹⁾ Уроцище «Былымъ» около селенія Озрокова.

На жатву на Лишгитъ мы вышли въ понедѣльникъ,
Что же мы сдѣлали безрукому Чопчалову?
Безрукій узналъ нашу оплошность.
Если руки черныхъ холоповъ до насъ коснутся,
То на томъ свѣтѣ будемъ въ вѣчномъ раскаянны.
На Лишгитѣ остался недожатый овесъ.
У Ахтугана¹⁾ родился одинъ сынъ,
У Бекмурзы²⁾ родилось девять сыновей,
Аулъ приносилъ ему девять кормленыхъ барановъ и девять
пуль.

Мы жили мирно, а онъ потѣшился надъ нами,
Ахтуганъ сынъ, прозванный Келеметомъ—бычачій калъ.
Кровью обагрился Голаучинскій курганъ.

Мы жили мирно, а надъ нами потѣшились.

Ахтугановы кобыльи челюсти—ступки.

Если бы мы про это дѣло узнали въ самомъ началѣ,
То заперлись бы въ башнѣ, стоящей вверху аула.
Этихъ совѣтовъ намъ не давали.

Пусть будетъ наше черное пиво и бѣлый хлѣбъ
Харамомъ³⁾ и кровью Эльбаевымъ Тайчику съ *Балаемъ*.
Обрызгалась кровью поляна Лишгита;
Выстроенные вверху аула красивые бѣлые дома
Остались запертыми и заколоченными;
Остались молодыя женщины покрываломъ закрытыя.

ПРЕДАНІЕ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БАЛКАРСКИХЪ ТАУЗІЕВЪ.⁴⁾

Жили въ Маджарѣ⁵⁾ два брата, Бадиль и Басіатъ. Соску-

¹⁾ Балкарковъ.

²⁾ Рычкасовъ.

³⁾ «Харамъ» тоже самое, что у евреевъ трефная пища.

⁴⁾ Записано въ Балкарії.

⁵⁾ Маджаръ—древній хозарскій городъ. Развалины находятся на р. Кумѣ, въ Новогригорьевскомъ уѣздѣ Ставропольской губ. (Вс. Миллеръ. «Осетинскіе этюды», часть первая, стр. 159).

чившись жить въ своей странѣ, братья надумали отправиться искать счастье въ чужихъ краяхъ. Долго они путешествовали, много странъ посѣтили, но нигдѣ не нашли вольготной жизни. Наконецъ они прибыли въ Балкарское ущелье. Старший братъ Бадиль ъхалъ на лошади, а младшій Басіатъ на ишакѣ. По дорогѣ въ балкарскій ауль, младшій братъ Басіатъ обратился къ старшему Бадилю такъ: «старшій братъ Бадиль, я слышалъ, что въ этой странѣ съ почетомъ принимаютъ тѣхъ гостей, которые ъздаятъ на ишакѣ; ты, какъ старшій, долженъ пользоваться этимъ почетомъ. Садись на моего ишака, а я на твою лошадь». Бадиль повѣрилъ младшему брату и послѣдовалъ его совѣту. Въ балкарскомъ аулѣ братья подъѣхали къ «нагишу».¹⁾ Къ Басіату тотчасъ же подошли почтенные люди, почтительно поздоровались и просили его слѣзть съ лошади и быть ихъ добрымъ гостемъ. Бадиль же верхомъ на ишакѣ подвергся громкимъ насмѣшкамъ балкарцевъ. Страшио разсердившись на своего младшаго брата и на балкарцевъ, Бадиль могла повернуть ишака и направился вонъ изъ аула. Куда надо ъхать, Бадиль не зналъ, поэтому онъ рѣшилъ такъ: куда ишакъ привезетъ его, тамъ онъ и поселится. Ишакъ привезъ его въ Дигорію, гдѣ его радушно приняли. Тамъ онъ поселился. Младшій братъ Бадилля, Басіатъ остался жить въ Балкаріи. Эти два брата были родоначальниками: Бадиль—дигорскихъ баделятъ и Басіатъ—балкарскихъ таубіевъ или басіатъ. (такъ именовались прежде горскіе таубіи).²⁾

Торжество добродѣтели и наказанное зло.

(СКАЗКА).³⁾

Когда-то жилъ царь. Онъ дожилъ почти до старости, пе-

¹⁾ «Нагишъ»—собраніе мужчинъ па улицѣ или за площаиди для разнаго рода разговоровъ.

²⁾ По преданию дигорцевъ Бадиль, поселившись у нихъ, сталъ защищать ихъ скотъ отъ воровъ сосѣдей огнестрѣльнымъ оружиемъ, о которомъ дигорцы не имѣли никакого понятія. За это они Бадилю подарили столько земли, сколько можно было накосить травы для его лошади. (Вс. Миллеръ, «Осетинские этюды», часть первая, стр. 140).

³⁾ Записана въ Хуламѣ.

ремѣниль до ста женъ, а дѣтей не имѣль. Имѣть же дѣтей онъ страстно желалъ, но Богъ не давалъ ихъ ему, поэтому царь страшно грустилъ. Видя постоянную грусть царя, его послѣдняя жена обратилась къ нему со словомъ утѣшенія и про-
сила высказать причину грусти.

«Какъ-же не грустить: я дожилъ почти до старости, я царь, повелѣваю народами, обладаю несмѣтными богатствами, а наслѣдника не имѣю».

«Имѣть наслѣдника въ рукахъ Бога, сказала царица—жена; не грустить мы должны, а молиться Ему и ждать Его милостей».

Послѣ этого разговора царь и царица стали усердно молиться Богу, и Онъ услышалъ ихъ молитву: царица забеременѣла и въ урочное время подарила царю наслѣдника—сына, но къ крайнему сожалѣнію она вскорости отъ какой-то неизлѣчимой болѣзни умерла. Тогда царь женился на другой.

Само собою разумѣется, царь старался дать своему сыну отличное воспитаніе, дабы онъ могъ быть его достойнымъ наслѣдникомъ, но все-таки онъ заранѣe желалъ знать, что ожидаетъ его сына въ будущемъ. Для решения этого вопроса онъ созвалъ всѣхъ ученыхъ своего государства. Ученые сказали, что если малютка наслѣдникъ проживетъ до 12-ти лѣтняго возраста, то онъ будетъ долговѣченъ и что съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ сдѣлается великимъ ученымъ.

Чтобы оправдать предсказанія ученыхъ, царь назначилъ воспитателемъ своего сына самаго мудраго изъ нихъ, который вложилъ всю свою душу въ ученье, чтобы дѣйствительно сдѣлать изъ своего воспитанника великаго ученаго. Онъ всѣ стѣны комнатъ, гдѣ жилъ наслѣдникъ, исписалъ изреченіями великихъ мудрецовъ, чтобы его воспитанникъ могъ ихъ заучить наизусть. Минуло царевичу 8 лѣтъ; воспитатель не нарадуетъся его ученостью.

Царь захотѣлъ испытать ученость своего сына, для чего опять собралъ ученыхъ со всего государства. Ученые въ первомъ предварительномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ учителя царевича, разсмотрѣвъ ученыя книги и сопоставивъ нѣкоторыя ихъ изреченія съ днемъ рождения царевича, пришли къ заключенію, что если въ теченіе семи дней, въ которые будетъ производиться испытаніе царевича, онъ будетъ говорить, то неминуемо долженъ умереть. Учитель палъ духомъ и вернулся домой къ своему воспитаннику страшно разстроеннымъ.

Увидя учителя, царевичъ спросилъ: «Учитель, что значить вашъ печальный видъ? Вы чѣмъ то очень огорчены. Повѣдайте мнѣ свою печаль». И учитель повѣдалъ царевичу заключеніе собранія ученыхъ.

«Это горе поправимое, сказалъ царевичъ, я въ теченіе названнаго срока не буду говорить, вотъ и все».

«Но это невозможно, царь назначилъ экзаменъ, и мы должны повиноваться его волѣ. Если ты сдѣлаешь такъ, какъ говоришь, то какъ-же мнѣ-то быть: вѣдь отвѣтственность за твоё молчаніе падеть на меня».

«А ты на это время скройся», посовѣтовалъ царевичъ. Насталъ экзаменъ; на всѣ задаваемые вопросы царевичъ отвѣтывался молчаніемъ. Потребовали учителя, но его не оказалось. Не смотря на всѣ просьбы и угрозы, мальчикъ продолжалъ упорно молчать, какъ будто въ ротъ воды набралъ.

Явившаяся мачиха обратилась къ мужу со словами.

«Зачѣмъ мучаете бѣднаго мальчика неумѣстными просьбами и угрозами? Дайте мнѣ его, я его уговорю и онъ безъ сомнѣнія заговоритъ».

Царь далъ волю своей женѣ. Она увезла пасынка на свою половицу; здѣсь, лаская мальчика, она всячески убѣждала его заговорить. При этомъ надо было замѣтить, что молодая царица—женщина страшно честолюбивая, въ своихъ мечтахъ лелеяла мысль о неограниченной власти, поэтому она придумывала способы какъ нибудь устранить своего старого мужа. Она говорила пасынку, что отецъ его старъ и пора ему на вѣчный покой; онъ, царевичъ, какъ благоразумный наследникъ, долженъ ускорить смерть отца, въ чемъ она берется помочь ему. Но всѣ уговоры, ласки и соблазны разбились о стойкость и твердость царевича; онъ продолжалъ молчать. Тогда царица не на шутку испугалась: она такъ легкомысленно открыла царевичу свою завѣтную тайну. Что, если онъ заговорить и все откроетъ царю, тогда она погибла. Во что бы то ни стало надо себя обезопасить, а единственное средство для этого—уничтожить мальчика.

Царица отправляется къ царю и смиренно заводить такую рѣчъ. «Мой мужъ и повелитель! Твой сынъ—это воплощенное коварство; онъ не только говорилъ со мною, но онъ открылъ мнѣ свою ужасную тайну: онъ задумалъ умертвить тебя, чтобы самому скорѣе царствовать, для чего и меня пригласилъ

участвовать въ этомъ злодѣяніи. Ты, мой повелитель, въ государственныхъ интересахъ обязанъ немедленно избавиться отъ такого сына, но если ты этого не сдѣлаешь,—она схватила мечь,—то клянусь, я этимъ мечемъ лишу себя жизни».

Пораженный рассказомъ жены и вполнѣ ей довѣряя, царь приказалъ казнить своего сына.

Узнавши объ этомъ, семья придворныхъ изъ самыхъ влиятельныхъ отправились къ царю съ покорной просьбою не дѣлать этого, причемъ доказывали ему, что его предки никогда не рѣшали дѣлъ, обстоятельно не разобравши ихъ, и что они никогда не основывали свои рѣшенія лишь только на показаніяхъ женщинъ, коварство и притворство которыхъ всѣмъ известны. Въ доказательство послѣдней мысли каждый изъ придворныхъ привелъ примѣръ.

Примѣръ первого придворного.

Жилъ одинъ торговецъ, у которого была красивая жена. Въ нее влюбился одинъ молодой человѣкъ; онъ никакъ не могъ свидѣться съ нею и добиться чего либо существеннаго; тогда онъ обратился къ старухѣ-зناхаркѣ. Та прежде всего велѣла ему купить въ лавкѣ мужа соблазнительницы бешметъ и принести его ей. Молодой человѣкъ исполнилъ приказаніе старухи. Старуха въ нѣсколькихъ мѣстахъ проѣгла бешметъ. Черезъ нѣкоторое время она, забравши его, отправилась въ гости къ молодой женщинѣ—женѣ торговца. Поговорили, посплетничали; во время короткой отлучки хозяйки старуха положила бешметъ подъ подушку. Поговоривши еще немного съ хозяйкой, старуха ушла домой. Когда хозяева ложились спать, то они не замѣтили спрятанаго бешмета, на утро же, когда торговецъ сталъ доставать изъ подъ подушекъ свое оружіе, онъ вытащилъ и бешметъ. Такимъ образомъ у мужа въ рукахъ оказались явныя улики въ невѣрности жены. Онъ разсвирѣпѣлъ и прогналъ ее отъ себя.

Уходя отъ мужа къ своимъ родственникамъ, она встрѣтила тайную виновницу своего несчастья. Старуха уговарила молодую женщину зайти къ ней побесѣдоватъ. Здѣсь подъ разными предлогами старуха удержала ее до поздняго вечера и тайно послала за молодымъ человѣкомъ, который не замедлилъ явиться. Старуха оставляетъ ихъ вдвоемъ, а сама уходитъ. Такимъ образомъ молодая парочка осталась наединѣ до утра, когда старуха явилась выпустить ихъ. Молодая женщина

ушла къ своимъ родственникамъ, а молодому человѣку старуха приказала отправиться къ лавкѣ торговца, и когда тотъ спросить его, куда дѣвалъ онъ свой купленный бешметъ, то пусть отвѣтить, что онъ его прожегъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и отдалъ починить ей, старухѣ. Молодой человѣкъ исполнилъ все въ точности. Торговецъ посылаетъ за старухой; та явилась и на вопросъ, у ней ли бешметъ такого-то человѣка, отвѣтила утвердительно, но прибавила, что съ этимъ бешметомъ случилась маленькая исторія: она пошла съ нимъ къ женѣ торговца, по своей разсѣянности чтобы подыскать лоскуты для починки; въ разговорѣ она куда-то положила бешметъ и ушла домой, а теперь и не знаетъ, гдѣ онъ находится.

«Проклятые твари! черезъ васъ я страшно обидѣль свою неповинную жену.» Сказавъ это, онъ вынесъ изъ лавки злополучный бешметъ и бросиль его.

Окончивши разсказъ, придворный почтительно и съ низкимъ поклономъ обратился къ царю со словами: «итакъ, государь, ты видишь, какъ женщины коварны и поэтому довѣряться ихъ клятвамъ и наговорамъ опасно и несправедливо».

Царь согласился съ доводами придворнаго и отмѣнилъ казнь сына.

Узнавши объ этомъ, царица съ плачемъ и рыданiemъ прибѣжала къ мужу и настойчиво требовала исполненія казни надъ пасынкомъ. Царь, страстно любившій жену, поддался ея вліянію и отмѣнилъ второе приказаніе; тогда придворные вторично заступились за царевича предъ отцомъ, а въ доказательство коварства женщинъ второй придворный рассказалъ царю слѣдующее.

— Жили мужъ и красавица жена. Послѣдняя завела любовныхъ шашни съ сосѣдями—отцомъ и сыномъ. Однажды, когда мужа красавицы не было дома,сосѣдъ—отецъ посыаетъ сына узнать, дома-ли тотъ. Сынъ пошелъ и долго миловался съ красавицею. Наскучило отцу ждать сына; онъ самъ пошелъ. Заслушавъ шумъ у дверей, молодая женщина втолкнула молодого любовника въ другую комнату и потомъ впустила къ себѣ сосѣда—отца. Этотъ послѣдній уже заранѣе предвѣщалъ предстоящее любовное наслажденіе, но, увы, ему это не удалось: опять послышался шумъ, на этотъ разъ былъ мужъ хозяйки. Инстинктивно догадавшись о приходѣ мужа, находчивая красавица не растерялась; она ставитъ

сосѣда у порога дверей и приказываетъ ему громко ругать ее. Входитъ мужъ и слышитъ грубое ругательство сосѣда по адресу жены.

«Что это значитъ, почему сосѣдъ такъ грубо обходится съ тобой?» обратился мужъ къ женѣ.

—Чтобы черти взяли этихъ сосѣдей, съ сердцемъ проクリчала жена, отецъ подрался съ сыномъ, сынъ бѣжитъ ко мнѣ искать защиты, а отецъ, ты видишь, какъ бѣшеная собака накинулся на меня».

«—Гдѣ-же сынъ-то?».

«—Да вотъ онъ, отворивъ дверь смежной комнаты, указала жена. Пожалуйста выпроводи его.»

«Итакъ, государь, заключи свой разсказъ придворный, можно ли послѣ этого вѣрить женщинѣ?»

И на этотъ разъ царь согласился съ доводами придворнаго и приказалъ отмѣнить казнь сына.

Та же исторія, бывшая послѣ разсказа первого придворнаго, повторилась и теперь, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока все четверо предворныхъ не выставили примѣры въ доказательство коварства женщинъ.

Рассказъ третьяго придворнаго нецензурный.

Четвертый придворный рассказалъ слѣдующее:

Жилъ богатый человѣкъ, у котораго была красавица жена. Въ нее влюбился молодой человѣкъ, но онъ никакъ не могъ снискать расположенія красавицы, такъ какъ мужъ ревниво оберегалъ ее отъ всѣхъ постороннихъ. Тогда молодой человѣкъ прибѣгааетъ къ помощи хитрой старухи, которая охотно взялась устроить его любовныя дѣла.

У старухи была собака; она опоила ее какимъ-то зельемъ, такъ что изъ глазъ собаки всегда обильно текли слезы. Узнавши о томъ, что мужъ красавицы куда-то отлучился, она со своей собакой отправилась въ гости къ его женѣ. На крыльцѣ сакли бесѣдовали старуха и красавица, и тутъ же нѣдалекъ лежала собака, изъ глазъ которой текли слезы, такъ что на землѣ образовалась лужа. Хозяйка замѣтила это и спросила у старухи о причинѣ такого изобилия слезъ у собаки.

«О, моя милая хозяйушка, эта собака глубоко несчастна: она когда-то была женщиной—красавицею; въ нее влюбился одинъ молодой человѣкъ, но она была совершенно равнодушна

къ нему, тогда этотъ проклятый молодой человѣкъ, онъ былъ колдунъ, превратилъ ее въ собаку».

«—Боже мой, тогда и мнѣ угрожаетъ опасность, вѣдь и за мной ухаживаетъ одинъ молодой человѣкъ и, хотя я неравнодушна къ нему, но я ему отказывала изъ боязни мужа».

«—О, дорогая, съ этимъ человѣкомъ нельзя шутить: онъ можетъ еще хуже сдѣлать съ тобою».

Стоя межъ двухъ огней, грозившаго ей страшного несчастья и непомѣрной строгости мужа, она рѣшила пренебречь послѣднимъ и отвратить первое, т. е. согласилась принять молодого человѣка.

Старуха вызвалась помочь ей въ этомъ дѣлѣ и, чтобы его не откладывать въ долгій ящикъ, она приказала молодой женщинѣ въ указанное время приготовиться къ пріему любовника.

Къ крайнему сожалѣнію старуха не знала, гдѣ живетъ молодой человѣкъ и какъ его найти, а между тѣмъ время не ждало; но чтобы всетаки исполнить обѣщаніе, данное красавицѣ, она задумала подставить ей другого молодца. Въ поискахъ за этимъ молодцомъ она встрѣчаетъ статнаго всадника и уговариваетъ его заѣхать къ одной красавицѣ. Онъ изъ любопытства соглашается. Каково же было удивленіе всадника, когда старуха привела его къ собственному дому,—къ собственной женѣ. Онъ былъ страшно взбѣшенъ и про себя рѣшилъ жестоко расправиться съ развратницей—женой. Входить онъ въ домъ; въ комнатахъ все хорошо убрано и на столѣ прекрасныя закуски, а жену онъ нашелъ плачущею. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе поразило его.

«Ума не приложу, что все это значитъ?» спрашиваетъ мужъ.

—Плачу я оттого, что ты мнѣ измѣняешь; я все это нарочно устроила и теперь убѣдилась, что ты способенъ посыпать всякую незнакомую женщину».

Опѣшившій мужъ сталъ увѣрять жену, что это онъ сдѣлалъ безъ всякой задней мысли, а изъ простого любопытства.

Конечно жена не замедлила помириться съ мужемъ.

Послѣ разсказа седьмого придворнаго истекло семь дней, и мальчикъ—царевичъ заговорилъ. Онъ явился на экзаменъ, и экзаменаторы нашли, что онъ первый ученый всего міра.

«Нѣтъ, сказалъ царевичъ, я только третій ученый: выше меня мальчикъ пяти лѣтъ и глубокій старецъ, который уже не можетъ ходить, и тутъ-же онъ рассказалъ обѣихъ.

— Однажды шли три пріятеля и нашли драгоцѣнность, которую никакъ не могли раздѣлить между собою; тогда они рѣшили окончить споръ по шаріату, а до этого времени они отдали свою находку на сохраненіе одной старухѣ, наказавъ ей, что она должна возвратить ее тогда, когда обѣ этомъ все трое заявятъ. Переючевавъ у старухи, на утро путники отправились къ эфенди рѣшать споръ шаріатомъ, но предварительно они остановились у ручья, протекавшаго около самаго дома старухи, чтобы совершить омовеніе и Богу помолиться. По обычаю — умывшись, они должны были расчесать бороды, но у нихъ не оказалось гребня, тогда они посылаютъ одного товарища къ старухѣ за гребнемъ. Посланный входить въ домъ и требуетъ отъ старухи находку. Та отвѣчаетъ, что по уговору она отдастъ ее тогда, когда обѣ этомъ заявятъ все трое.

Тогда онъ отворяетъ дверь и кричитъ своимъ спутникамъ: «Не даетъ!» Путники, полагая, что дѣло идетъ о гребнѣ, кричатъ: «Дай!» Старуха возвратила драгоцѣнность посланному, и онъ съ нею скрылся.

Узнавши обѣ этомъ, остальные два пріятеля притянули старуху на судъ къ эфенди. Онъ присудилъ старуху къ уплатѣ стоимости находки.

Печально и съ поникшей головой возвращалась старуха домой и проходила мимо играющихъ мальчиковъ. Одинъ изъ мальчиковъ замѣтилъ печаль старухи и спросилъ о причинѣ; старуха рассказала.

«Дура, сказалъ мальчикъ, спѣши скорѣе къ эфенди и скажи ему, что драгоцѣнность у тебя и ты ее только тогда возвратишь, когда по условію все трое обѣ этомъ заявятъ».

«Этотъ мальчикъ мудрѣе меня», закончивши разскѣзъ, сказалъ царевичъ и началъ другой разскѣзъ о старикѣ.

— Въ одномъ государствѣ сандальное дерево было такъ дорого, что его продавали на вѣсъ золота. Заслышавъ обѣ этомъ, одинъ бѣдный обыватель, жившій въ странѣ, где это дерево было въ изобилии и не имѣло никакой цѣнности, набрѣлъ его цѣлую арбу и повезъ въ то государство на продажу. Пріѣхавъ въ это государство, онъ остановился недалеко отъ одного селенія у источника. Въ это время къ источнику пришла за водой рабыня и, замѣтивъ арбу съ сандаломъ, спросила у крестьянина, откуда онъ и что везетъ; тотъ отвѣтилъ.

— «Напрасно ты трудился, это дерево въ нашей странѣ ни почемъ и имъ печи топить», сказала рабыня и посовѣтовала ему заѣхать въ ближайшій домъ, къ ея господину, а сама поспѣшила домой предупредить хозяина. Пріѣзжій по указанію рабыни заѣхалъ во дворъ. Хозяинъ дома, чтобы показать дешевизну сандала, затопилъ печку и бросилъ туда нѣсколько маленькихъ кусковъ сандалу. Опечалился нашъ продавецъ, но хозяинъ его успокоилъ, говоря, что купить у него сандалъ и дастъ ему полный чинакъ того, что онъ пожелаетъ.

Сей часъ-же высказать свое желаніе пріѣзжій не могъ; нужно было это дѣло хорошенько обдумать. Чужестранецъ отправился по городу и все думалъ о томъ, что бы онъ могъ потребовать за свой сандалъ. Навстрѣчу ему попадаются два пріятеля; они остановили его и говорятъ: «Ты — то намъ и нуженъ. Мы съ тобою держали цари и условились, кто проиграетъ, тотъ долженъ или выпить всю морскую воду, или отдать все свое состояніе. Ты проигралъ, но такъ какъ морскую воду не можешь выпить, то обязанъ отдать намъ все свое состояніе; если же отказываешься, то мы будемъ судиться съ тобою по шаріату». Пошелъ дальние чужестранецъ и встрѣчаетъ человѣка безъ одного глаза; онъ его останавливаетъ и говоритъ: «ты-то мнѣ и нуженъ; ты украдъ мой глазъ и себѣ его вставилъ, возврати его, въ противномъ случаѣ я возьму все твое состояніе, если ты не дашь, то я потребую тебя на судъ по шаріату».

Призадумался продавецъ сандала. Онъ встрѣчаетъ старуху и просить ея совѣта. Та поохала-поохала и показала ему на одну невзрачную саклю, около которой толпился народъ.— «Тамъ живетъ старый эфенди; иди туда и прислушайся къ его изреченіямъ, можетъ быть они тебѣ помогутъ».

Пошелъ путешественникъ къ саклѣ эфенди и пріютился въ такомъ мѣстѣ, чтобы все слышать, но чтобы его никто не замѣтилъ.

Приходитъ хозяинъ, у котораго остановился продавецъ сандала, и говоритъ эфенди: «Я сегодня приторговалъ арбу сандала и обѣщалъ дать продавцу полный чинакъ того, что онъ самъ пожелаетъ. Если будемъ судиться, помоги мнѣ, эфенди....

— «Дуракъ, сказалъ эфенди, ты сдѣлалъ себѣ большое зло и можешь лишиться всего своего состоянія: что, если про-

давецъ потребуетъ полный чинакъ живыхъ блохъ; что ты тогда сдѣлаешь?».

— «Но, я думаю, онъ обѣ этомъ не догадается.»

Пришли два пріятеля и говорять эфенди: «Сегодня мы поспорили съ однимъ пріѣзжимъ человѣкомъ, онъ проигралъ; а по условію онъ долженъ выпить всю морскую воду, или отдать намъ все свое состояніе. Мы будемъ судиться по шаріату; помоги намъ, эфенди.»

— «Дураки, сказалъ эфенди, вы себѣ сдѣлали большое зло: что, если пріѣзжій потребуетъ подать ему всю морскую воду, чтобы выпить; что тогда сдѣлате? Морской воды не достанете, а я по шаріату присужу отдать все ваше состояніе спорщику».

— «Но онъ такую мудреную вещь не придумаетъ», сказали пріятели.

Приходитъ человѣкъ безъ одного глаза и говоритъ эфенди: «сегодня я у одного пріѣзжаго обозналъ свой глазъ и потребовалъ его обратно. Если-же онъ этого не сдѣлаетъ, то долженъ отдать мнѣ все свое состояніе или мы будемъ судиться по шаріату; помоги мнѣ, эфенди.»

— «Дуракъ, ты себѣ сдѣлалъ большое зло. Что, если пріѣзжій потребуетъ свѣсить его глазъ и твой, чтобы определить, что его глазъ дѣйствительно принадлежитъ тебѣ; что тогда ты сдѣлаешь? Тогда ты будешь совсѣмъ слѣпой, а тотъ хоть однимъ глазомъ да видѣть будетъ.»

— «Но онъ не такъ мудръ, какъ ты, эфенди.»

Насталъ судъ по шаріату, и продавецъ сандаля потребовалъ все то, что онъ подслушалъ отъ эфенди.

Такимъ образомъ добродѣтель восторжествовала, а зло было наказано.

— «Этотъ эфенди мудрѣе меня», сказалъ царевичъ, закончивши свой послѣдній разсказъ.

Царь, восхищенный мудростью своего сына и убѣдившись въ коварствѣ своей жены, приказалъ казнить ее. Съ тѣхъ поръ отецъ и сынъ жили благополучно.



ПРЕДАННОСТЬ ХОЛОПА И НЕВЛАГОСТЬ ЦАРЕВИЧА.*)

Жилъ когда-то царь; онъ имѣлъ единственного сына—наслѣдника, красиваго, умнаго и статнаго молодого человѣка. Съ нѣкотораго времени молодой царевичъ сдѣлался угрюмымъ, печальнымъ, неразговорчивымъ и съ каждымъ днемъ все больше и больше худѣлъ; онъ, такъ сказать, таялъ у всѣхъ на глазахъ. Никто не зналъ причины страшнаго и злого недуга царевича, не смотря на мудрствованія ученыхъ и врачей.

Одна знахарка—старуха вызвалась помочь горю и опредѣлить причину болѣзни царевича. Представленная царю, старуха попросила дать ей двухъ барановъ: одного очень жирнаго, а другого очень тощаго и не мѣшать ей въ своихъ дѣйствіяхъ. Во время крѣпкаго сна царевича старуха помѣстила въ его спальнѣ этихъ барановъ и сама спряталась тутъ-же въ спальнѣ. Проснулся царевичъ и видѣтъ необычайное явленіе: у него въ спальне откуда-то очутились два барана. Онъ сталъ пристально разматривать ихъ и подъ впечатлѣніемъ ихъ внѣшняго вида разсуждалъ вслухъ: «Предо мной два барана, которые находятся въ совершенно одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ, а между тѣмъ одинъ жирный,—корнь хорошъ и иѣть у него никакихъ жизненныхъ заботъ; другой безобразно тощъ, стало быть есть ему одному известныя причины этой худобы. Положеніе тощаго барана вполнѣ соотвѣтствуетъ моему. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ кажется, что я долженъ быть крѣпокъ и духомъ и тѣломъ, такъ какъ я по праву царскаго наслѣдника наслаждаюсь всѣми благами жизни; между тѣмъ сидящая меня любовь къ невѣдомой мнѣ, но ярко рисующейся въ моемъ воображеніи красавицѣ истощаетъ всѣ мои духовныя и физическія силы, и если я не соединюсь съ этой дѣвой, то я не жилецъ въ этомъ мірѣ».

Такимъ образомъ хитрая старуха узнала тайну царевича и обѣ этомъ сообщила царю.

Стали совѣщаться какъ горю пособить, чтобы найти и доставить ту красавицу, которую любить царевичъ. Одинъ изъ царскихъ холоповъ вызвался отыскать для царевича невѣдо-

*.) Записана въ Хуламѣ.

мую дѣву, но съ тѣмъ условиемъ, что на розыски ея онъ долженъ отправиться вмѣстѣ съ царевичемъ. Какъ ни тяжело было царю отпустить своего единственнаго сына въ чужія страны, но для его блага надо было уступить.

Снарядили въ путь—дорогу царевича и холопа, и они отправились. Долго они ѿхали. Однажды для ночлега они остановились въ очень приличной кунацкой. Тамъ они нашли все необходимое какъ для ночлега, такъ и для подкрепленія себя пищею, но нигдѣ людей не видѣли. Пойдя въ волю, наши путники расположились спать; холопъ, хотя и улегся у дверей, но ради охраны царевича рѣшился не спать, а бодрствовать. Вдругъ въ полночь холопъ слышитъ разговоръ, какъ бы разговаривають мать и дочь.

— «Мама, кто эти всадники, изъ какой страны, куда ѿдуть и будетъ ли благополученъ ихъ путь?»

— «Они отыскиваютъ красавицу—дѣву и если сумѣютъ, то отыщутъ и возьмутъ ее; для этого имъ необходимо обратиться къ одной старушкѣ въ городѣ, гдѣ живетъ отыскиваемая красавица. Но наврядъ-ли они догадаются обѣ этомъ».

На утро путники встали, пойдя и, не видѣвши людей, отправились въ дорогу. Безъ особыхъ приключений они достигли того мѣста, гдѣ проживала дѣва. Холопъ, не медля ни минуты, отыскалъ старуху и обратился къ ней за совѣтомъ.

Она объяснила, что дѣва живеть въ большомъ замкѣ, охраняемомъ бдительнымъ дракономъ. Въ извѣстные периоды они оба засыпаютъ на семь сутокъ, и въ это время дѣву можно взять; для этого необходимо, забравшись въ ея спальню, крѣпко—накрѣпко привязать ее къ кровати. Когда-же она проснетя и будетъ умолять отпустить ее, то это сдѣлать только тогда, когда она поклянется своею черною лошадью.

Холопъ сдѣлалъ все, какъ сказала старуха. Когда красавица-дѣва поклялась своею черною лошадью, онъ развязалъ ее. Она приказала холопу осторожно, чтобы не проснулся драконъ, вывести изъ конюшни черную лошадь и осѣдлать ее. Они вмѣстѣ на лошади уѣхались по горски*) и безшумно выѣхали со двора замка.

*) Горскія женщины Ѵздали верхомъ троякимъ способомъ: моло-
дыхъ дѣвушекъ возятъ мужчины; самъ онъ сидитъ въ сѣдлѣ, а дѣвуш-
ку, свѣсившую ноги въ одну сторону, держитъ впереди въ сѣдлѣ-же,
одной рукой обхвативъ ея ставъ, а другой править лошадью. Моло-

Между тѣмъ царевичъ заблаговременно приготовилъ все для немедленного выѣзда изъ города. Когда они отѣхали на значительное разстояніе, проснулся драконъ и, размахнувшись крыломъ, оторвалъ хвостъ у черной лошади. Только благода-ря большому разстоянію путники избѣгли опасности.

Долго они ѿхали, наконецъ остановились въ той кунацкой, гдѣ прежде ночевали. Тамъ было все готово для ночлега и ѿды, а людей опять не видно. Холопъ по обыкновенію улегся у дверей и бодрствовалъ. Въ полночь онъ опять услышалъ разговоръ.

«Мама, прежде всадниковъ было два, а теперь ихъ три. Будетъ ли путь ихъ благополученъ, жениится ли одинъ изъ всадниковъ на той, которую везутъ и будутъ ли они счастливы?»

— «Не разспрашивай, тебѣ всего этого не нужно знать».

Дочь не унималась и требовала отъ матери объясненій. — «Добѣгутъ благополучно; одинъ изъ всадниковъ жениится на красавицѣ, у нихъ родится сынъ и когда ему будетъ годъ, то изъ столба, подпирающаго потолокъ въ ихъ спальнѣ, выйдетъ чудовище—змѣя и ихъ всѣхъ проглотить. Если сумѣютъ убить змѣя, то все кончится благополучно. Если-же убившій змѣя передастъ кому либо другому обѣ этомъ, то онъ превратится въ камень».

На утро путники встали, поѣли и, не видавши людей, отправились въ путь. Щали—щали, наконецъ домой добрались.

По прибытии царевича съ невѣстою царь задалъ свадебный пиръ, какъ говорится, на весь міръ, и молодые зажили счастливо.

Черезъ годъ у молодыхъ родился сынъ, которому, какъ было написано выше суждено было быть причиной известныхъ событий.

Холопъ хорошо помнилъ роковой разсказъ неизвѣстныхъ женщинъ, слышанный имъ въ кунацкой, въ которой онъ ночевалъ со своими спутниками, поэтому, когда минуло сыну царевича ровно годъ, онъ на ночь, запасшись тяжелымъ топоромъ, незамѣтно прокралялся въ спальню царевича и тамъ спрятался. Ровно въ полночь столбъ раздвинулся и оттуда выползло страшище—змѣя. Не медля ни минуты, холопъ размахнулся

для женщины сидѣть въ сѣдлѣ по—мужски, а мужчина сидѣть на кру-
нѣ лошади сзади и править лошадью. Пожилыя женщины сидѣть въ
сѣдлѣ, а мужчина ведеть лошадь за уздечку. Бываетъ, что женщины
самостоятельно вѣзятъ по—мужски.

тяжелымъ топоромъ и отрубилъ ей голову, затѣмъ изрубилъ ее въ мелкие куски и, чтобы скрыть это кровавое дѣло, онъ безшумно вынесъ куски змѣя и стала вытираять полъ. Въ это время проснулся царевичъ; онъ былъ несказанно пораженъ и испуганъ, увидавши въ такое время въ своей спальнѣ холопа; онъ страшно разсердился и осыпалъ его всяческими ругательствами. Какъ ни увѣрялъ послѣдній въ своихъ благихъ намѣреніяхъ, царевичъ слышать ничего не хотѣлъ и требовалъ немедленного указанія причинъ такого образа дѣйствій. Холопъ говорилъ, что не можетъ ничего объяснить, такъ какъ открытие тайны грозитъ ему страшнымъ несчастіемъ. «Какое мнѣ дѣло до твоихъ несчастій, я желаю знать причину твоихъ дѣйствій, и ты долженъ ихъ разсказать», сказацъ царевичъ. Дѣлать было нечего, холопъ долженъ былъ разсказать, въ чёмъ дѣло, и какъ только проговорилъ онъ послѣднія слова, немедленно превратился въ камень и съ шумомъ повалился. На этотъ шумъ проснулась царевна и, увидѣвъ большой камень, просила у мужа объясненій. Царевичъ подъ разными предложеніями отнѣкивался, но настоятельныя требованія жены возымѣли свое дѣйствіе и царевичъ сообщилъ ей подробнѣ о случившемся. Тогда царевна сказала, что онъ неблагодарный, что такъ расплачиваться за добро холопа недостойно его сана, поэтому его священная обязанность отправиться въ ту изрѣстную ему кунацкую и отъ ясновидящей женщины узнать, какъ оживить камень. Если-же онъ не исполнитъ ея совѣта, то она немедленно отъ него уйдетъ.

Страстно любя свою жену, царевичъ повиновался ея приказаніямъ, сейчасъ же собрался въ путь и пріѣхалъ въ знакомую кунацкую, гдѣ уже для него не было приготовлено ни постели, ни ёды. Ровно въ полночь онъ слышитъ разговоръ.

— «Мама, вѣдь это кажется одинъ изъ тѣхъ трехъ вадниковъ, которые раньше были здѣсь. Скажи мнѣ, куда онъ ёдетъ и что ему нужно?»

— «Пожалуйста, оставь эти разспросы. Этотъ путникъ дурной человѣкъ и не долженъ служить предметомъ разговора; онъ причинилъ своему преданнѣйшему и лучшему холопу и емческому брату большое зло,—онъ превратилъ его въ камень.

— «Но, мама, развѣ нельзѧ будетъ этотъ камень оживить?»

— «Да, можно будетъ оживить камень, но для этого нужно будетъ принести большую жертву: надо зарѣзать собственного сына и его кровью обрызгать камень».

На утро опечаленный царевичъ отправился домой. Ведя лошадь медленнымъ шагомъ, онъ какъ бы оттягивалъ время своего прѣзда; дорогой онъ все раздумывалъ, какъ скрыть отъ жены то, что онъ узналъ въ проклятой кунацкой и ничего придумать не могъ.

По прїездѣ домой жена немедленно приступила къ нему съ разспросами о результатахъ поѣздки. Онъ отвѣчалъ, что ничего не могъ узнать, такъ какъ никакихъ разговоровъ около кунацкой не слышалъ. Отъ проницательной жены не могло укрыться лживое сообщеніе мужа; она неутомимо и настойчиво требовала положительныхъ свѣдѣній, въ противномъ случаѣ она сейчасъ отъ него уходитъ. Такія угрозы заставили царевича открыть истину женѣ.

«Все это вздоръ и сказки», сказала она.

Ночью, когда мужъ крѣпко спалъ, царевна взяла своего первенца, положила его на камень и зарѣзала. Какъ только младенческая кровь обрызгала камень, онъ превратился въ человѣка—въ прежняго холопа.

Проснулся царевичъ и инстинктивно догадался, въ чёмъ дѣло. Онъ бросается къ колыбели сына и—о, чудо! къ величайшей радости его и жены они находятъ своего малютку-сына невредимымъ и покоющимся сномъ ангельской невинности.



ДОБРОДѢТЕЛЬНАЯ ЖЕНА.

(СКАЗКА).*)

Въ нѣкоторой странѣ князь—глава народа страстно влюбился въ жену одного изъ своихъ холоповъ и, чтобы безпрепятственно обладать этой женщиной, онъ ея мужа отправилъ въ одно изъ отдаленныхъ своихъ имѣній.

Устранивъ такимъ образомъ помѣху—мужа, князь послалъ слугу сказать любимой женщинѣ, что онъ желаетъ посѣтить

*) Записана въ Хуламѣ.

ее. Подозрѣвалъ нѣчто неладное, добродѣтельная женщина чрезъ того-же посланнаго просила князя не приводить въ исполненіе своего намѣренія и для большей безопасности затворила двери на запоры.

Князь, не смотря на отказъ, все-таки отправился, но къ сожалѣнію онъ нашелъ двери затворенными; тогда, не долго думая, онъ влезаетъ въ окно. Молодая женщина почтительно замѣтила князя, что такой неудобный способъ входа въ чужой домъ не соотвѣтствуетъ его высокому сану. Князь, смущенный и озадаченный такимъ холоднымъ и непривѣтливымъ приемомъ любимой имъ женщины, молча повернулся къ окну, чтобы тѣмъ-же путемъ удалиться, но хозяйка не допустила князя сдѣлать вторичную неловкость, неподобающую его сану, и растворила дверь; при этомъ она просила князя, прежде чѣмъ удалиться, выслушать ея маленький разсказъ. Князь благосклонно согласился. Тогда молодая женщина начала такъ.

— «Однажды левъ и тигръ отправились на добычу; въ полѣ они замѣтили лошадь и погнались за ней; когда они уже были недалеко отъ нея, то тигръ замѣтилъ на задней ляжкѣ лошади рану отъ волчьихъ зубовъ. — «Стой! крикнулъ тигръ льву, я замѣтилъ на этой лошади слѣды поганыхъ зубовъ волка. Намъ—царямъ звѣрей не подобаетъ пользоваться трапезой послѣ того, какъ она побывала въ лапахъ плебея—волка». Левъ согласился съ справедливыми доводами тигра, и они отправились искать другую добычу. Итакъ, князь, берите примѣръ со льва и тигра».

Окончивъ разсказъ, молодая женщина съ низкимъ поклономъ распахнула дверь. Князь хорошо понялъ разсказанную притчу; онъ, окончательно сконфуженный, медленно вышелъ изъ сакли красавицы и съ тѣхъ поръ даль зарокъ никогда не волочиться за женщинами не своего круга.

ОРИОЗМЕКЪ и САТАНАЙ.¹⁾

Однажды Ориозмекъ, страшно разсердившись на свою жену

¹⁾) Записана въ Балкаріи.

Ориозмекъ—это популярно-легендарная личность изъ Нартовъ;

Сатанай, сказалъ ей: «ради Бога, возьми изъ дома все, что твоей душѣ угодно и убирайся навсегда».

—Хорошо, мой повелитель, твоя воля для меня законъ; я исполню твою волю, но прежде чѣмъ уйти изъ дома, разрѣши мнѣ въ послѣдній разъ накормить и напоить тебя.

Орюзмекъ охотно согласился. Тогда Сатанай изготовила все необходимое, накормила Орюзмека и главнымъ образомъ изрядно напоила его хмѣльнымъ пивомъ. Опьянѣвъ, Орюзмекъ крѣпко заснулъ.

Недолго думая, Сатанай запрягла арбу, осторожно положила туда Орюзмека, сѣла сама и поѣхала. Въ дорогѣ, проснувшись, Орюзмекъ увидѣлъ себя єдущимъ на арбѣ вмѣстѣ съ женой.

«—Что за оказія, куда это мы єдемъ? спросилъ онъ жену.

«—Развѣ забылъ? Ты меня прогнала и вотъ теперь я уѣзжаю.

«—Все это прекраснѣо, но зачѣмъ-же я-то єду съ тобой?

«—Очень просто: прогоняя меня, ты сказалъ, что я могу изъ дома взять все, что моей душѣ угодно, а моей душѣ угодно было взять тебя.

Такая находчивость жены очень понравилась Орюзмеку и они попрежнему стали жить вмѣстѣ.

ПОСЛОВИЦЫ.

Пошлишь мальчика по дѣлу, вслѣдъ за нимъ смотри.

Собаку, охраняющую стадо, волкъ не утащить.

У дурного наследника наследство дурные люди поѣдаютъ.

Собака на своеимъ мѣстѣ сильна.

Нашедшій пятку подымаетъ (т. е. зазнается).

Не умершій рабъ золотою чашею воду пьетъ.

Голодъ совѣсти не знаетъ (голодъ — не тетка).

Глухой баранъ послѣ всѣхъ пугается.

онъ въ пѣсняхъ и легендахъ изображается храбрымъ, доблестнымъ, находчивымъ и большимъ шутникомъ. Жена его изображается въ качествѣ колдуньи.

Развѣтленіе дорогъ лошади голову кружить.
Кому пришла смерть, того незаряженное ружье убьетъ.
Ходящимъ ногамъ «жорме» (колбаса), не ходящимъ «берме»
(не давай).
Закрутишь носъ лошади, она забудетъ боль спины.
На вербную палку не упирайся,—холопу не довѣряйся.
Хозлину быка и кишкы не достаются.
Гдѣ поминки, тамъ собака съ голоду сдыхаетъ.
Лошадиная нога воду мутитъ.
Коровья нога не убеть телка.
Своимъ задомъ осель каменную ограду разрушаетъ.
У осла есть одна игра, и та въ золѣ (ослы любятъ валяться
въ золѣ).
Кошка хвостомъ вожигаетъ огонь.
Недоучка общество разрушаетъ.
Несчастливый съ края остается.
Себѣ копны не поставить, обществу скирды воздвигаетъ.
Найдка волка пополамъ съ ворономъ; находка ворона толь-
ко себѣ.
Въ затрудненіи не щадять и мать.
За что невѣрный взялся—крѣпко держится.
По катящемуся камню волосъ не выростеть.
Не ходи на свѣтъ огня, а ходи на лай собакъ.
Этотъ свѣтъ сабанъ (пашня) того свѣта.
Кто пашетъ—ѣсть, не пашетъ—плохо живеть.
Доброе дѣло не откладывай,—дурное оттягивай.
Много сыновей,—много непріятностей.
Сыновняя мать въ хлопотахъ, дочерняя съ подарками (на-
шекъ на калымъ).
Сиди гость 10 мѣсяцевъ,—кипи котель пять мѣсяцевъ.
Чужую шапку взялъ, береги свою.
На чьей арѣ сидишь, его пѣснь пой.
За зло плати добромъ (по горски: Аманишны аманлыкъ была
кула).
Лучше быть въ дурныхъ отношеніяхъ съ умнымъ, чѣмъ въ
хорошихъ съ дуракомъ.
Собака полуству лаетъ—гостей сзываешь.
Утеревъ носъ старику, держись его совѣта (по горски: Карт-
ны бурнунъ сюрта, оноуга тутъ).
Пока умный женится, у дурака сынъ торговать начнетъ.

Пока не дойдешь до рѣчки, не подымай полы.
Похвала несчастному закрываеть двери.
Отъ потряхиванія рукой палецъ не отпадеть.
Самъ не зарѣзаль барана — для тебя онъ мертвый.
Чѣмъ мертваго льва, лучше живую мышь.
Думавши о любовникѣ — отъ мужа пусто.
Судьба съ уступа сбросить.
Посланному смерти нѣтъ.
Прежде чѣмъ найдешь, длинной веревки не раскладывай.
Куда зашелъ князь, тамъ домъ будетъ богатъ.
Не приглашенному гостю мѣста нѣтъ.
Дураку вездѣ дорога.
Гналась за орломъ ворона.
Въ ожиданіи яицъ кочкаря (выложенный баранъ) лисица съ
голоду сдыхаетъ.
У мертваго быка пастуховъ много.
У издохшей коровы молока много.
Напуганный змѣю — зимой аркана боится.
Кто нашелъ — радуется, кто призналъ — отбираетъ.
Палка жеребенку, бревно лошади.
Въ полѣ хлѣбъ праведнаго собака не съѣсть.
Собака лаетъ и голодна, а волкъ молчитъ и сытъ.
Табунное богатство дорого, скотское богатство почетно.
Когда рабъ наѣстся, то остается столько, сколько можетъ по-
мѣститься въ одномъ ухѣ.
Лягушка и тогда квакаетъ, когда болото высохнетъ.
Посланный — доказчикъ.
Надѣясь на товарища, не борись съ медвѣдемъ.
Дорвалась перепелка до хорошаго корма.
Кукушка, которая первая кукуетъ, раньше умретъ.
Нежели въ ремешкахъ, пусть лучше будеть въ животѣ.
Не товарищу не поручай увязывать бурку въ ремни.
Кость купленнаго мяса ротъ деретъ.
Лѣтомъ приварка мало.
Медвѣдю медвѣженокъ красивымъ кажется.
Рыба съ перепелкой были пріятельницами: рыба изъ воды не
выходитъ, перепелка въ воду не идетъ.
У бѣднаго сердце голое (открыто).
Слово бѣднаго чрезъ древесный листъ не перейдетъ.
Скотъ богатаго — боль сердца бѣднаго.

Хорекъ, не увидѣши защиты, на бугорокъ не подымется.
Отъ валиющейся лошади шерсть падаетъ.

Хотя долженъ 9 невольниковъ, но джигитуетъ на лошади.
(Измѣнено нецензурное выраженіе).

Если мясо портится—посоли, если соль портится, то какъ
сберечь?

Что вижу—самъ сдѣлаю, а перебѣжать буду—арбу запрягу.
Гдѣ совѣть двухъ—туда не ходи; гдѣ совѣть трехъ—не отставай.
Гдѣ есть совѣть, тамъ драки нѣтъ.

Несчастливый человѣкъ и на верблюду сидя, будетъ укушенъ
собакой.

У несчастливаго человѣка и тогда кровь изъ носа пойдетъ,
когда на кругленькомъ столикѣ кушанья подаются. (Обыкновенно у туземцевъ кушанья подаются на низкихъ круглыхъ столикахъ).

Въ честь мяса пасту кладутъ. (Паста—это очень круто сваренное пшено, которое рѣжутъ ножемъ или ломаютъ и єдятъ
вместо хлѣба. Эта паста только у кабардинцевъ бываетъ).

На подушкѣ бѣдного и здоровый помретъ.

Какое мясо у барана, такой и супъ.

Вѣрить ли крылу курицы, или клятвѣ жены?

Оставилъ работу на одинъ день, а хватить на тысячу дней.

Неизвѣстный воръ сильнѣе князя.

Въ неначатомъ дѣлѣ змѣя сидить.

Курица двухъ насыщается, а гуся и одному не хватаетъ.

У курицы на умѣ просяное зерно.

Въ сито воду набирать.

Если просишь молока, не скрывай ведра.

Съ медвѣдемъ орѣховъ не грызи.

Шатающійся зубъ отпадеть—начатое дѣло закончится.

Пока порченый зубъ не выпадеть—нѣть покоя.

Стебель, упавши съ обрыва, не поломается.

Скотъ не по хозяину волкъ растерзаетъ.

Человѣкъ человѣка портить, а вода землю.

У вора хозяйство разстроено (по горски: уру журту куру).

Давши козла, возьметъ барана; не давши, что возьметъ?

Дурному человѣку сдѣлай добро—живымъ домой не дойдешь.

Будь правдивъ—будешь силенъ.

Чтобы себя зарѣзать, курица сама ножъ откопала.

Украдешь козла—онъ будетъ кричать.

Погладишь собаку она отъ умиленья растаетъ. (непечатное выражение).

Если хочешь съ другомъ разойтись, то за переднюю лужу его сѣдла берись.

Труженикъ всегда съ краю.

Хвастаясь плоскостью--возьми горы.

Очень бойкій скоро цѣсть мѣняеть, иылко любящій скоро остываетъ.